

Гилберсдинг

БОРЬБА
СЛАВЯН С
НЕМЦАМИ

1851

R 330
468

R 330
468

БОРЬБА СЛАВЯНЪ СЪ НѢМЦАМИ

НА БАЛТИЙСКОМЪ ПОМОРЬѢ

ВЪ СРЕДНІЕ ВѢКА.

А. ГИЛЬФЕРДИНГА.

—
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

—
1861.



2007110055

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ. Ноября 29 дня 1861 года.

Цензоръ В. Бекетовъ.

R 330
468

207/44

БОРЬБА СЛАВЯНЪ СЪ НѢМЦАМИ НА БАЛТІЙ- СКОМЪ ПОМОРЬѢ ВЪ СРЕДНЕ ВѢКА.

ВСТУПЛЕНИЕ.

Въ 1833 году я издалъ первую часть историческаго труда о Славянахъ, обитавшихъ въ средніе вѣка на Балтійскомъ поморьѣ, между Эльбою и Вислою.

Приступая къ продолженію этого труда, именно къ исторіи борьбы этихъ Славянъ съ Германскою имперіею и ихъ истребленія, считаю нужнымъ представить въ краткихъ словахъ главные положенія, къ какимъ привелъ меня перелъ часть моихъ изысканій о Балтійскихъ Славянахъ.

Славяне жили искони на южномъ берегу Балтійскаго моря, тамъ же, гдѣ они являлись осѣдлыми послѣ такъ называемаго великаго переселенія народовъ, разрушившаго Римскую имперію. Еще до Рождества Христова были тамъ Славяне, какъ видно изъ сказаній греческихъ и римскихъ писателей. Писатели эти, получая свѣдѣнія о нихъ черезъ посредство Нѣмцевъ, обозначали Прибалтійскихъ Славянъ, какъ и разныя другія вѣтви славянскаго племени, подъ именемъ *Вендовъ*, *Виндовъ* или *Венедовъ*, постоянно употреблявшимся самими Нѣмцами какъ названіе Славянъ.

Съ весьма древнихъ временъ (т. е. при Юліи Цезарѣ и, вѣроятно, еще до него), Нѣмцы, вслѣдствіе особенностей своего быта, безпрестанно высылали на чужбину воинственныхъ дружины, подъ предводительствомъ знатныхъ людей своихъ. Нѣкоторыя изъ этихъ дружинъ, отправляясь на востокъ, покорили Славянъ Балтійскихъ и основали между Эльбой и Вислою нѣмецкія владѣнія. Подобныя дружины выходили также изъ Скандинавіи.

Когда Римляне завоевали землю между Дунаемъ и Карпатскими горами (въ началѣ II вѣка по Р. Х.), то удары, нанесенные ими тамошнимъ племенамъ, изъ которыхъ многія, безъ всякаго сомнѣнія, были славянскія, привели въ движеніе и значительную часть

Славянъ, жившихъ въ покоренной Римлянами области, особливо между Карпатами и Балтійскимъ моремъ. Съ тѣхъ поръ началось освобожденіе ихъ отъ нѣмецкихъ дружинъ, которыя стали уходить изъ ихъ земель, частью назадъ въ Германію и далѣе на западъ и югъ въ римскіе предѣлы, частью въ восточныя страны Европы. Одна изъ такихъ дружинъ, именно Готы, владѣвшіе еще во II вѣкѣ славянскими землями на Балтійскомъ поморьѣ, удалились въ предѣлы нынѣшней Россіи и образовали тутъ, въ IV вѣкѣ, обширное государство между Славянами и Финнами.

Гунны разрушили это Готское государство въ восточной Европѣ, и Аттіла, передъ которымъ бѣжали нѣмецкія дружины на западъ и югъ, способствовалъ окончательному очищенію отъ нихъ славянской земли на южномъ берегу Балтійскаго моря. Сѣверо-западные Славяне, какъ и другіе ихъ соплеменники, вѣроятно, признавали надъ собою власть гунискаго царя. Когда его держава распалась (послѣ смерти его, въ 451 году) и Гунны оттѣснены были въ Черноморскія степи, Славяне остались въ полномъ обладаніи землями на восточной сторонѣ рѣки Эльбы; рѣка эта съ тѣхъ поръ раздѣляла Нѣмцевъ и Славянъ.

Славяне, жившіе между Эльбою (которую намъ слѣдовало бы называть славянскимъ именемъ Лаба) и Вислою, дѣлились, подобно всѣмъ прочимъ Славянамъ въ началѣ ихъ исторіи, на нѣсколько племенъ. Имена и мѣсто жительства этихъ племенъ мы знаемъ опредѣленно изъ историческихъ свидѣтельствъ VIII и послѣдующихъ столѣтій; не можетъ быть сомнѣнія, что они были почти такими же издавна, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ удаленіе нѣмецкихъ дружинъ позволило Славянамъ установиться и окрѣпнуть въ этомъ краѣ, т. е. съ V вѣка.

Главнѣйшія племена, на которыя дѣлились Балтійскіе Славяне, были:

Вагры, на крайнемъ сѣверо-западѣ, въ восточной половинѣ нынѣшней Голштиніи и на островѣ Фембрѣ или Фемернѣ;

Полабцы, на югъ отъ нихъ по берегу Эльбы, въ нынѣшнемъ Лауенбургскомъ герцогствѣ;

Глиняне и Смольяне, южнѣе Полабцевъ, близъ Эльбы, послѣдніе кажется, на берегу ея, въ юго-западной части нынѣшней Мекленбургіи и сѣверо-западномъ углу Бранденбургіи;

Рарогн, иначе *Бодричи*, по берегу Балтійскаго моря, на востокъ отъ численнѣйшихъ племенъ, отъ рѣки Травны (Trave) до Висмарскаго залива, въ западной, приморской половинѣ нынѣшней Мекленбургіи;

Варны, тоже на берегу моря, у рѣки Варновы (Warnow), въ восточной части Мекленбургъ-Шверинскаго владѣнія.

Всѣ эти племена составляли обыкновенно союзъ и являлись въ исторіи подъ общимъ наименованіемъ *Бодричей*.

Другой союзъ племенъ, жившихъ на востокъ отъ Бодричей, отъ р. Рокитницы (Reskenitz) до Одры, обозначался общимъ именемъ *Велетовъ* или *Лютичей*; къ нимъ принадлежали:

Кичане, около рѣки Рокитницы, въ сѣверо-восточной, приморской части Мекленбургъ-Шверинскаго великаго герцогства;

Черезиане, на востокъ отъ Кичанъ, между морскимъ берегомъ и теченіемъ р. Пѣны (Peene): это сѣверо-западный уголъ нынѣшней Помераніи;

Доленичане, на югъ отъ р. Пѣны, до р. Доленицы (Tollense), въ части Мекленбургіи и Помераніи;

Ратарей или *Радюшчане*, на югъ отъ р. Пѣны, за Доленицею, въ нынѣшнемъ Мекленбургъ-Стрѣлицкомъ владѣніи;

Моричане, на югъ отъ Доленичанъ и западъ отъ Ратарей, около озера Морьца (Müritz-see), въ юго-западномъ краю Мекленбургъ-Шверинскаго владѣнія;

Укране и *Рьчане*, на востокъ отъ Ратарей, по р. Укрѣ (Ucker) и до Одры.

На сѣверъ отъ земли Лютичей лежалъ островъ *Руя* (Рюгенъ), населенный также Славянами: они составляли особое племя, называвшееся *Руянами* или *Ранами*.

За Одрой примыкало къ Лютичамъ большое племя *Поморянь* (въ нынѣшней Помераніи и части Западной Пруссіи). Они простирались по берегу Балтійскаго моря до низовьевъ Вислы; къ югу они граничили, по чертѣ рѣки Нотеци (Netze), съ Польскими Славянами. Къ Поморянамъ принадлежали также *Волышцы*, жители острова *Волыня* (Wollin), лежащаго насупротивъ устья р. Одры; восточная же часть Поморянь, ближайшая къ р. Вислѣ, послѣ въ послѣдствіи особое имя *Кашубовъ*.

Мы прослѣдили такимъ образомъ всѣ вѣтви Балтійскихъ Славянъ, ближайшія къ морю: за Вислою начиналась уже чужая земля, земля литовскаго поколѣнія: непосредственными сосѣдами Балтійскихъ Славянъ были тутъ Прусы, западная вѣть Литвы.

Но къ югу отъ Бодричей и Лютичей находились союзъ славянскихъ племенъ, хотя отдаленныхъ отъ морскаго берега, однако состоявшихъ по языку, быту и историческимъ судьбамъ, въ неразрывной связи съ племенами прибалтійскими. Эти племена извѣстны были подъ общимъ именемъ *Гаволянъ* или *Стодоранъ* и занимали нынѣшнюю Бранденбургію (кроме той части ея, которая лежитъ на западъ отъ Эльбы). Между ними важнѣйшія были:

Брежане, на берегу Эльбы, южнѣе Глинянъ; къ сѣверу отъ впаденія Солявы (Saale), Эльба, текущая съ юга на сѣверъ, отдѣляла ихъ отъ Нѣмцевъ; а до устья Солявы, Эльба, въ своемъ теченіи съ востока на западъ, составляла границу между Стодорскою землею и землею Полабскихъ *Сербовъ*, которые утвердились по обѣимъ сторонамъ Эльбы, на сѣверъ отъ горъ, ограждающихъ Чехію и занимали весь уголъ между Солявою и Лабю (Салюю и Эльбою) (*).

Гаволяне или *Стодоране* въ собственномъ смыслѣ жили по теченію р. Гаволы (Havel), въ срединѣ нынѣшней Бранденбургіи.

Спревяне занимали нижнее теченіе *Спревы* (Spree), близъ впаденія ея въ Гаволу; наконецъ

Любушане жили восточнѣе Спреванъ, простираясь до р. Одры (гдѣ теперь городъ Лебусъ).

Южные сосѣди этихъ Славянъ были, какъ я сказалъ, Полабскіе Сербы, которые, съ своей стороны, распадались на нѣсколько племенъ (**). Сербы эти составляли, какъ видно по многимъ призна-

(*) Имя *Брежанъ* было, кажется, общимъ для обозначенія всѣхъ прибрежныхъ къ Лабѣ вѣтвей стодорскихъ: оно, по-видимому, обнимало нѣсколько мелкихъ племенъ, именно (перечисляю отъ сѣвера къ югу) Негѣнчей, Лѣшнчей, Земичей и Морачанъ.

(**) Важнѣйшія были: собственные *Сербы* между Солявою и Лабю; *Гламочи* (или Далемицы) въ восточнѣйшей Мисніи (Meissen):—это средняя часть нынѣшняго королевства Саксонія; *Мильчане* въ нынѣшней Верхней Лузаціи и *Лужичане* въ Нижней Лузаціи.

камъ, особую вѣтвь славянскую, отдѣльную отъ Балтійскихъ Славянъ и находившуюся въ ближайшемъ родствѣ съ Чехами (*).

Балтійскіе же Славяне принадлежали къ той вѣтви славянскаго поколѣнія, которая носила древнее имя Ляховъ; ближайшіе соплеменники ихъ были Славяне, соединившіеся въ послѣдствіи подъ общимъ именемъ Польскаго народа, или вѣрнѣе, Поляки и Балтійскіе Славяне составляли двѣ части одного и того же славянскаго народа. Но, вслѣдствіе особенныхъ историческихъ обстоятельствъ, Балтійскіе Славяне никогда не могли, ни слиться съ Поляками въ одно цѣлое, ни образовать особое народное единство, а остались при племенной раздѣльности: потому они и не получили народнаго названія, а назывались только общимъ именемъ всего поколѣнія — Славянами. Все то, чего они достигли относительно политическаго единства, были союзы (федерации) мелкихъ племенъ въ извѣстной мѣстности: именно у нихъ составились, какъ я сказалъ, союзъ Бодричей между низовьями Эльбы и противоположнымъ берегомъ Балтійскаго моря, союзъ Велетовъ или Лютичей между Балтійскимъ моремъ и низовьемъ Одры и союзъ Стодоранъ около Гаволы и средней Эльбы.

Утвердившись на правомъ берегу Эльбы, Славяне однакоже не успѣли занять всего ея теченія до того мѣста, гдѣ она впадаетъ въ Нѣмецкое море: устье Эльбы и западная половина нынѣшней Голштиніи находилась въ рукахъ Нѣмцевъ, именно вѣтви Англовъ и полабскихъ Саксовъ. Черта, шедшая отъ верхняго теченія р. Эндоры (Eider) къ р. Бѣлнѣ (Bille), составляла, по-видимому, границу между этою отдаленнѣйшею къ востоку вѣтвью Нѣмцевъ и отдаленнѣйшею къ западу вѣтвью Славянъ, Ваграми. Къ сѣверу Вагры соприкасались съ Датчанами. Между Ваграми, съ одной стороны, и Нѣмцами и Датчанами, съ другой, кипѣлъ безпрерывный пограничный бой. Вслѣдствіе этого Вагры сдѣлались самыми воинственными между Балтійскими Славянами; они прославились также,

(*) Это видно изъ признаковъ языка (носовые звуки не существовали уже у Полабскихъ Сербовъ въ весьма древнее время, а у Балтійскихъ Славянъ сохранились до конца), изъ имени Сербовъ (сами Чехи помнили долго, что они происходили отъ Сербовъ) и, наконецъ, изъ проявлявшагося неоднократно въ исторіи, съ самыхъ древнихъ временъ, стремленія Полабскихъ Сербовъ составить съ Чехами политическое единство.

какъ отважѣйшіе мореходцы и морскіе разбойники. Они получили первенство между своими соплеменниками и имъ повиновались не только Бодричи и Кичане, но и болѣе отдаленныя племена: это первое историческое извѣстіе о самостоятельной дѣятельности Балтійскихъ Славянъ. Время преобладанія Вагровъ на поморьѣ въ точности неизвѣстно и должно быть отнесено къ VI—VIII вѣку; въ концѣ VIII вѣка Вагры потеряли уже свое значеніе и примыкали къ Бодричамъ, какъ второстепенная вѣтвь.

Бодричи и Лютичи были тоже отважными бойцами и мореплавателями, и древнѣйшія сѣги Датчанъ говорятъ много о столкновенияхъ съ ними. Датскіе витязи часто проникали къ Славянамъ и подчиняли ихъ себѣ; существуетъ въ сагахъ сказаніе, относящееся, по-видимому, къ VII вѣку, о какомъ-то королевствѣ *Рейдюмти*, основанномъ датскими завоевателями на Балтійскомъ морѣ; должно полагать, что этимъ именемъ означается *Радишоу*, главный городъ Лютичей, гдѣ такимъ образомъ Датчане сосредоточили свою державу между Славянами.

Другое сказаніе говоритъ о пораженіи Датчанъ и о страшномъ нашествіи Славянъ на датскія земли: это сказаніе свидѣтельствуетъ о бывшей между Славянами реакціи противъ владычества датскихъ витязей и объ освобожденіи отъ нихъ славянскаго поморья; извѣстіе о нашествіи Славянъ на Ютландію подтверждается, по-видимому, существованіемъ тамъ древнихъ поселеній славянскихъ.

Отвага на морѣ увлекала Балтійскихъ Славянъ еще далѣе: они основали колоніи въ Нидерландахъ, и значительное число Велеговъ водворилось въ Англіи.

Торговая дѣятельность сопровождала морскіе походы: въ землѣ Бодричей находился славный торговый городъ *Рароу* (у Висмарскаго залива): процвѣтаніе его предшествовало IX-му вѣку; позднѣе упоминаются, какъ особенно важныя торговыя центры, Волинъ или Юлинъ на островѣ Волинъ (Wollin), торговое предмѣстье у крѣпости Арконы на островѣ Руѣ, Щетинъ (Stettin), Колобергъ (Colberg), Гданскъ (Danzig) въ землѣ Поморянъ; начало этихъ городовъ принадлежитъ, безъ сомнѣнія, весьма древней эпохѣ.

Вообще, военная и торговая дѣятельность и постоянныя столкновения съ Нѣмцами и Скандинавами ускорили развитіе Балтій-

скихъ Славянъ, такъ что общественный бытъ ихъ достигъ полной определенности въ ту пору, когда у другихъ Славянъ только зарождалась историческая жизнь. Основаніемъ этого быта составляла племенная раздѣльность, которая такъ утвердилась у Балтійскихъ Славянъ, такъ срослась со всѣми стихіями ихъ жизни, что имъ уже не достало силы освободиться отъ нея и образовать единство народное и государственное.

Бытъ Балтійскихъ Славянъ, какимъ онъ является съ IX вѣка, болѣе похожъ, можно сказать, на древнѣйшій бытъ Германцевъ, нежели Славянъ: что объясняется какъ продолжительнымъ господствомъ нѣмецкихъ дружинъ на славянскомъ поморьѣ, такъ и сильнымъ вліяніемъ германской стихіи во все послѣдующее время.

Каждое племя имѣло своего князя и свою аристократію; но независимо отъ князя, власть котораго была, кажется, весьма слаба и преимущественно проявлялась только въ военное время, и отъ знатныхъ людей, имѣвшихъ большую силу у Балтійскихъ Славянъ, голосъ въ дѣлахъ общественныхъ принадлежалъ и народу: на народной сходкѣ, кажется, требовалось, по старому славянскому обычаю, единогласіе (*).

Племена (кромя, можетъ быть, самыхъ мелкихъ) дѣлились на воюсты или *жупы*, какъ ихъ называли эти Славяне: въ каждой *жупѣ* былъ *градъ*, т. е. огороженное, укрѣпленное мѣсто, служившее для обороны окрестнаго населенія въ случаѣ опасности, для общественныхъ сходокъ, суда, торгова и общественного жертвоприношенія въ мирное время. Начальникомъ *града* и *жупы* былъ *жупанъ*; въ какихъ отношеніяхъ онъ стоялъ къ князю, имъ ли назначался или народомъ, не извѣстно, но нѣтъ, кажется, сомнѣнія въ томъ, что *жупаны* выбирались изъ числа знатныхъ людей и что они главнымъ образомъ ограничивали власть князей.

Кромѣ *градовъ*, служившихъ для сбора народа изъ околота, а все прочее время стоявшихъ пустыми, у Балтійскихъ Славянъ находились издавна, какъ я сказалъ, настоящіе торговые города, съ постояннымъ городскимъ населеніемъ. Такимъ образомъ, Бал-

(*) Историческія свидѣтельства, подтверждающія все, что говорится въ этомъ введеніи, приведены и разобраны въ первой части «Исторіи Балтійскихъ Славянъ».

ійскіе Славяне не были, какъ другіе славянскіе народы, въ началѣ ихъ историческаго существованія, исключительно земледѣльцами и, въ случаѣ нужды, временно воинами. Хотя земледѣліе осталось и у нихъ главнымъ занятіемъ народа, однако у нихъ существовалъ издревле, отдѣльный отъ остальнаго народа, *торговый классъ* и, *кроме того* (по крайней мѣрѣ у нѣкоторыхъ племенъ) *классъ военный*: къ этому классу должно отнести съ одной стороны тѣхъ, *немалочисленныхъ* людей, для которыхъ морской разбой былъ если не единственнымъ, то главнымъ промысломъ, а съ другой стороны дружинниковъ, служившихъ князьямъ и, вѣроятно также, жупанамъ. Третье, отдѣльное отъ народа, сословіе составляли у Балтійскихъ Славянъ *жрецы*, тогда какъ у другихъ Славянъ-язычниковъ не было особенныхъ жрецовъ, и богослужебные обряды совершались самими народомъ, преимущественно отцами семействъ и старинниками. Наконецъ, для полноты исчисленія сословій, должно прибавить, что Балтійскіе Славяне имѣли многочисленныхъ рабовъ: въ рабство обращались военнопленные, взятые какъ у чужихъ народовъ, такъ и у своихъ же братьевъ Славянъ, въ безпрестанныхъ междоусобицахъ войнахъ.

Таковы главныя черты общественнаго быта Балтійскихъ Славянъ, засвидѣтельствованныя показаніями древнихъ лѣтописцевъ. Въ ихъ личномъ характерѣ мы замѣчаемъ также, *кроме общихъ свойствъ славянскаго поведенія*, *вліяніе тѣхъ несчастныхъ обстоятельствъ*, которыя ихъ окружали съ самаго начала ихъ историческаго бытія. Хотя, съ одной стороны, *иностранцы хвалятъ ихъ добродушіе и гостепріимство*, чистоту ихъ нравовъ, ихъ снисходительность во всякихъ нечаянкахъ, приводятъ въ нихъ черты высокаго человеколюбія, и *выставляютъ ихъ людьми необыкновенно честными, вѣрными данному слову, не знающими воровства*; однако, съ другой стороны, *воинственность и храбрость*, которою они особенно отличались, сопровождалась неслыханною у другихъ Славянъ суровостью (*), свирѣпствомъ противъ непріятеля, жестокостію въ обращеніи съ *ископѣнными* и необыкновеннымъ упорствомъ. Вообще, ихъ характеръ носитъ на себѣ явный отпечатокъ ожесточе-

(*) Даже въ семьѣ: родитель часто убивалъ новорожденнаго младенца, особливо дочь.

нiя, произведеннаго боевою жизнью, въ которой эти племена начали и совершили свое историческое поприще.

Но еще важнѣе было другое послѣдствiе исконнаго общенiя Балтiйскихъ Славянъ съ Германцами и ускореннаго развитiя этой славянской вѣтви въ первую пору ея исторической жизни: именно, установленiе мнолихъ опредѣленной мнѳологической системы и слiянiе ея со всѣми стихiями общественной и частной жизни народа.

У всѣхъ другихъ Славянъ языческая религiя оставалась на степени неопредѣленнаго обожанiя силъ природы (*), не достигшаго до антропоморфизма, не связаннаго съ храмами и особою кастою жрецовъ и заключавшаго въ себѣ смутное представленiе объ единомъ высшемъ Богѣ. Вотъ что и сдѣлало возможнымъ легкое и безкровное распространенiе христiанства между этими народами. Не то было у Славянъ Балтiйскихъ: въ землѣ ихъ, между нѣмецкими завоевателями, мы видимъ уже въ I вѣкѣ по Р. Х. мнолихъ развитымъ богослуженiе, сопровождаемое таинственными обрядами и человѣческими жертвоприношенiями и предоставленное особымъ жрецамъ; у Нѣмцевъ и еще несравненно болѣе у Скандинавовъ находимъ мы въ древнѣйшую эпоху опредѣленную систему антропоморфической мнѳологии, а мы знаемъ, что Балтiйскiе Славяне постоянно общались съ этими народами; наконецъ, и религiя сосѣднихъ Прусовъ, съ ея опредѣленными образами, должна была имѣть на нихъ влiянiе.

Примѣръ Скандинавовъ, Нѣмцевъ, Прусовъ, соединенный съ общимъ развитiемъ жизненной дѣятельности въ самую раннюю историческую пору, былъ несомнѣнною причиною того, что Балтiйскiе Славяне выработали себѣ въ язычествѣ цѣлую религiозную систему, съ храмами и человѣкообразными кумирами, съ человѣческими жертвоприношенiями, съ кастою жрецовъ и съ установленнымъ бого-

(*) Такъ было и у Русскихъ Славянъ: сооруженiе кумировъ Владимiромъ въ Кiевѣ и Добрыней въ Новѣгородѣ было нововведенiемъ, которое сдѣлано было, можетъ быть, подъ влiянiемъ Варяговъ (вспомнимъ развитую антропоморфическую религiю скандинавскую), и ни въ какомъ случаѣ не успѣло укорениться въ народѣ: народъ только сѣтовалъ, разставаясь съ знакомымъ идоломъ Перуна, чтобы принять вѣру еще мало знакомую, но не показавъ никакихъ признаковъ усердiя къ нему, а въ Новѣгородѣ такой идолъ былъ даже противенъ жителямъ (разсказъ о Падѣблннѣхъ въ Сочиненiи Лѣтописи).

служеніемъ. Эту религію выработали они изъ собственныхъ началъ, не принимая самыхъ божествъ изъ чужбины; прежнее общеславянское поклоненіе силамъ природы осталось у нихъ, но съ второстепеннымъ значеніемъ, а собственную свою мифологию они, такъ сказать, надстроили надъ нимъ. Въ основаніи ихъ религіозной системы лежало представленіе о единомъ высшемъ Богѣ (котораго они, кажется, называли и Сварогомъ): но этотъ Богъ, по ихъ понятіямъ, жилъ въ недоступной вышинѣ, заботясь только о небесномъ и не обращая вниманія на родъ человѣческій, судьбу котораго онъ предоставлялъ низшимъ божествамъ, своимъ потомкамъ; потому люди и не воздавали ему поклоненія. Высшее же божество земное, человѣческое былъ Сварожичъ Святovitъ (онъ же, по-видимому, назывался и Бѣлбогомъ), богъ свѣта и добра, богъ благоволящій къ людямъ, дающій своимъ поклонникамъ обиліе плодовъ земныхъ и побѣду надъ врагами, которыхъ онъ поражалъ, носясь на священномъ конѣ, нарочно содержавшемся жрецами при храмахъ. Его изображали въ кумирахъ, свѣше человѣческаго роста, иногда о четырехъ или о трехъ головахъ (оттого названіе этого божества «Триглавъ» въ Поморскомъ городѣ Щетинѣ); въ его честь совершалось торжественное служеніе. Святовиту-Бѣлбогу противопоставлялся Чернобогъ, божество злое и враждебное человѣку. Понятіе Балтійскихъ Славянъ объ его происхожденіи намъ не извѣстно; мы знаемъ только, что они объясняли себѣ совмѣстное существованіе на землѣ всемогущаго и благаго божества и злаго начала тѣмъ представленіемъ, будто добрый богъ не хочетъ видѣть зла и молчитъ о немъ, т. е. какъ бы игнорируетъ зло, не признаетъ его. Независимо отъ Святовита, у Балтійскихъ Славянъ было множество другихъ божествъ, благопріятныхъ человѣку и представившихся также въ антропоморфическихъ образахъ, какъ-то Жива, богиня плодородія, Радигость (какъ кажется, богъ веселія и мира), Яровитъ, божество воинственное, и мн. др.; къ сожалѣнію, свѣдѣнія о нихъ чрезвычайно скудны. Наконецъ, уцѣлѣли въ ихъ религіи остатки первобытнаго поклоненія силамъ природы: такъ въ землѣ Вагровъ обожали Перуна, въ темномъ лѣсу, гдѣ не было ни храма ни кумира; поклонялись священнымъ рощамъ, деревьямъ, камнямъ, морю, и т. д.

Вообще, языческая религія достигла у Балтійскихъ Славянъ

огромнаго развитія и до такой степени овладѣла духомъ народа, что легла въ основаніе всей его жизни, какъ частной, такъ въ особенности общественной; весь общественный строй у Балтійскихъ Славянъ слился съ ихъ религіозными понятіями такъ, что люди, отвергавшіе ихъ боговъ, не пользовались въ ихъ землѣ общественнымъ правомъ. Понятно при этомъ, что жрецы составили у нихъ самостоятельную касту и пользовались великимъ значеніемъ общественнымъ; понятно, что они всѣми силами поддерживали въ народѣ преданность языческимъ богамъ.

Каждый Балтійскій Славянинъ имѣлъ своего домашняго, семейнаго божка; въ каждомъ *градѣ*, средоточіи волости (*жуны*), былъ храмъ бога, покровителя волости и при немъ жрецъ; каждое племя имѣло свое общее божество, свою общую святыню и своего жреца; два племени Лютичей, Ратаре и Долечане имѣли свой общій храмъ въ *градѣ* Радигонцѣ; храмъ этотъ сдѣлался потомъ общою святынею Лютичей и, съ усиленіемъ ихъ значенія между соседними Славянами, служилъ и для нихъ общественнымъ средоточіемъ. Наконецъ, на островѣ Руѣ (Рюгенѣ), независимо отъ племеннаго храма для Ранскаго племени въ Кореницѣ, находилась, въ неприступной твердынѣ Арконѣ, общая святыня всего Славянскаго поморья, — храмъ Святовита Арконскаго. Поклоненіе Арконскому Святовиту и воля истолкователя его повелѣній, верховнаго жреца, составляли связь между разрозненными племенами Балтійскихъ Славянъ. Сами Ране, какъ хранители арконской святыни, оцѣненные особенною близостью и любовью Святовита, совершенно посвятили себя его служенію; жрецъ Святовитовъ, именемъ своего бога, располагалъ этимъ племенемъ какъ хотѣлъ, князь (который имѣлъ у Ранъ какое-то особенное, священное значеніе, вѣроятно какъ главный слуга Святовитовъ) исполнялъ во время мира и на войнѣ только то, что жрецъ приказывалъ. Ране платили Святовиту (т. е. его жрецу) опредѣленную дань, налагали такую дань на иностранцевъ, пріѣзжавшихъ къ нимъ для торговли, предоставляли ему особые земли, посвящали ему значительную часть военной добычи и содержали для него особую священную дружину, находившуюся въ распоряженіи жреца. Но Ране были только ближайшими хранителями арконской святыни, а святыня эта была всенародная: всѣ племена Балтійскихъ Славянъ посылали въ Аркону ежегодную дань и,

сверхъ того, Святовитъ Арконскій получалъ изъ всѣхъ краевъ по-морья богатые дары, какъ отъ частныхъ людей, такъ и отъ общинъ и племенъ по особеннымъ случаямъ. Молебники стекались въ арконскій храмъ для поклоненія и узнавiя воли верховнаго божества; каждое племя, при общественныхъ предпріятіяхъ, предварительно спрашивало въ арконскомъ храмѣ рѣшенія у Святовита, и по указанію жреца начинало или отлагало задуманное дѣло.

Такимъ образомъ поклоненіе арконскому богу сдѣлалось для Балтійскихъ Славянъ общею связью и властью верховнаго жреца Святовитова замѣнила у нихъ общую государственную власть. Образовалась у нихъ есократическая федерація и заступила мѣсто единства народнаго. Первенство въ этой федераціи принадлежало, естественно, племени Ранскому, а во главѣ ея стоялъ жрецъ Арконскаго Святовита.

Нельзя опредѣлить, была ли эта есократическая федерація у Балтійскихъ Славянъ вполнѣ выработана и установлена въ ту эпоху, съ которой мы начнемъ теперь нашъ историческій разсказъ. Мы знаемъ о религіозной власти Ранскаго племени и арконскаго жреца на Славянскомъ поморьѣ изъ свидѣтельствъ XI и XII вѣка; извѣстія древнѣйшихъ западныхъ лѣтописцевъ (собственныхъ памятниконъ Балтійскіе Славяне намъ не оставили) не даютъ никакихъ указаній, по которымъ можно бы было отвѣчать на этотъ вопросъ положительно или отрицательно; но тѣ писатели, которые въ XI и XII вѣкѣ изображаютъ религіозное первенство Ранъ и общее поклоненіе Балтійскихъ Славянъ Святовиту, говорятъ объ этомъ, какъ о чемъ-то давнишнемъ и арконскій истуканъ Святовита называютъ чрезвычайно древнимъ. Вотъ почему должно полагать, что религіозное развитіе, которое увѣчалось у Балтійскихъ Славянъ есократической федераціей, сосредоточенной въ Арконскомъ Святовитѣ и въ рукахъ его жреца, было если не вполнѣ завершено при вступленіи ихъ въ борьбу съ новосозданныю Германскою имперією (около 800 года), то по крайней мѣрѣ уже близко къ завершенію.

Между тѣмъ какъ у Славянъ на Балтійскомъ поморьѣ языческая религія охватывала весь бытъ изрода, остановившійся на ступени племенной раздробленности и въ существенныхъ чертахъ уподо-

бывшійся древнѣйшему племенному быту германскому, между тѣмъ какъ у нихъ развивалась еократія, замѣнившая собою единство народное и государственное, сосѣдній и враждебный имъ германскій міръ шелъ также къ еократіи, но она вырабатывалась у него изъ другихъ началъ, прямо противоположныхъ началамъ еократіи у Балтійскихъ Славянъ. Тутъ, еократія возрасла на почвѣ язычества, тамъ, въ германскомъ мірѣ, на почвѣ христіанства; у Балтійскихъ Славянъ она была вызвана раздробленностью племенного быта, нуждавшася въ ней какъ въ соединительной силѣ, и укоренила этотъ бытъ въ народѣ; въ германскомъ мірѣ вызвана она была идеею римскаго государственнаго единства, нуждавшася въ еократіи для того, чтобы побороть строптивость стараго племенного быта, и способствовала къ утвержденію стихіи государственной въ германскихъ народахъ. Столкновение этихъ двухъ еократій, столь враждебныхъ по своимъ жизненнымъ началамъ, было неизбежно, и неизбежна была побѣда той, которая опиралась на высшихъ началахъ: христіанство должно было одержать верхъ надъ язычествомъ, государственное устройство надъ устройствомъ племеннымъ.

Припомнимъ здѣсь въ общихъ чертахъ историческій ходъ германскаго міра въ ту эпоху, когда онъ еще не начиналъ борьбы съ сосѣдними Славянами за Эльбой и только иногда, случайно, сталкивался съ ними на границахъ и когда у этихъ Славянъ могъ безпрепятственно развиваться ихъ общественный и религіозный бытъ, т. е. съ половины V-го до конца VIII-го столѣтія.

Въ V-мъ вѣкѣ Германцы разрушили Римскую имперію. Въ этомъ великомъ подвигѣ, «величайшемъ и обильнѣйшемъ послѣдствіемъ подвигѣ Нѣмцевъ въ исторіи» (какъ выражается замѣчательный историкъ средневѣковой Германіи (*)), участвовали преимущественно тѣ завоевательныя дружины, которыя прежде расположились на Славянскомъ поморьѣ и въ другихъ мѣстахъ Восточной Европы; безсвязно, безсознательно, въ какомъ-то слѣпомъ порывѣ разнесли они по клочкамъ римскій міръ: ихъ толкала, одну за другою, на западъ пробудившаяся сила Славянъ (*gentes, quae a superioribus barbaris pulsae fugerant*, говоритъ Юліи Капитолинъ о Нѣмцахъ, вторгавшихся въ Римскую имперію), а потомъ оконча-

(*) Гизебрехтъ, *Geschichte der deutschen Kaiserzeit*.

тельно соединяла съ востока и перекинула на западъ эта сила, поддержа-
нная и сосредоточенная Гуннами. Между тѣмъ зерно нѣмецкаго
народа, осѣдлыя общины на коренныхъ нѣмецкихъ земляхъ не
трогались; онѣ оставались въ старинномъ своемъ племенномъ бы-
тѣ, котораго не въ состояніи была поколебать и повести къ един-
ству народному и государственному мимолетная опасность отъ ле-
гионовъ Августа и Тиберія; въ старомъ племенномъ бытѣ пережили
Нѣмцы на своихъ коренныхъ земляхъ эпоху разрушенія племен-
ными имъ дружинами Римской имперіи и воспользовались этимъ
разрушеніемъ только для того, чтобы нѣсколько распространиться
на лѣвомъ берегу Рейна и на южной сторонѣ верхняго Дуная. А
дружины, завоевавшія Италію, Испанію, Африку, южную Галлію,
подчинились понятіямъ и потребностямъ римскаго государственна-
го устройства; монархическая власть усилилась тамъ до размѣровъ,
чуждыхъ племенному быту Нѣмцевъ въ собственной Германіи; но
вѣра мѣшала органическому сліянію завоевателей и завоеванныхъ
(германскія дружины приняли аrianство, романское населеніе
принадлежало ко вселенской церкви) и ни одно изъ этихъ новооб-
разовавшихся германскихъ государствъ не утвердилось: правотѣр-
ные епископы, а не аrianскіе короли сдѣлались настоящими пра-
вителями романскихъ народовъ. Вслѣдствіе этого германскія го-
сударства, основанныя на развалинахъ Римской имперіи, не могли
воздѣйствовать своими новыми общественными началами на соб-
ственную Германію. Такое воздѣйствіе было тѣмъ менѣе возмож-
но, что нѣмецкіе завоеватели Италіи, по малочисленности своей,
терялись въ массѣ покоренныхъ римскихъ гражданъ, а въ Испаніи
и Африкѣ должны были, естественно, прервать всякія сношенія
съ своимъ первоначальнымъ отечествомъ.

Только въ сѣверозападной Галліи дѣла приняли другой оборотъ.
Завоеватель Хлодовигъ, съ своею дружиною Франковъ, принялъ кре-
щеніе изъ рукъ романскаго епископа. При этомъ крещеніи произ-
несены были знаменательныя слова, которыя должны были потомъ,
въ теченіи многихъ столѣтій, отзываться на судьбѣ Балтійскихъ
Славянъ. «Преклони шею, Сикамбръ,—сказалъ Хлодовигу епископъ
Ремигій,—что ты преслѣдовалъ, преслѣдуй то, что ты
читалъ!» А когда онъ разсказалъ Хлодовигу о страданіяхъ Спаси-
теля, франкскій король воскликнулъ: «О, если бѣ я тамъ былъ съ мо-

ими Франками, я отомстилъ бы за него!» Такъ романская церковь призывала франкскихъ завоевателей къ ея возвеличенію силою, и франкскіе завоеватели вызывались служить мечемъ имени Спасителя. — Поддержанный сочувствіемъ романскаго населенія, Хлодовигъ скоро разрушилъ аріанскія державы въ Галліи и соединилъ ее всю подъ своею властью.

Франкское завоеваніе опиралось съ одной стороны на церковь. Съ другой стороны оно находило опору, постоянно обновляющуюся, въ силовитой массѣ нѣмецкаго народа, который населялъ почти треть Галліи на лѣвой сторонѣ Рейна (отчасти водворенный тамъ Римлянами, отчасти перешедшій туда во время распада імперіи). Церковь соединила обѣ народности, и римское государственное начало проникло въ духъ этихъ Германцевъ. Сліяніе этихъ стихій произошло органически. Германскій духъ не утратилъ своей жизни и самобытно принялъ въ себя римское начало. Держава Франковъ основывалась на германскомъ правѣ, на германскомъ военномъ устройствѣ, на германскомъ отношеніи сословій, и все это было связано и одушевлено римскими понятіями о государствѣ и правительствѣ. Такимъ образомъ германское поколѣніе вступило самостоятельно на поприще римской государственной жизни, и это произошло не въ южной и западной Галліи, гдѣ германскій элементъ мало по малу исчезъ среди романскаго, а въ восточной, прирейнской, нѣмецкой или обнѣмечившейся части ея. Здѣсь-то коренилась и дѣятельность того могущественнаго рода, которому дано было наложить государственную жизнь на всю Германію и опредѣлить дальнѣйшее развитіе европейскаго запада. Каролинги стали истинными преемниками и исполнителями той идеи, которую предначерталъ уже первый франкскій завоеватель, Хлодовигъ. Владѣя Романскою Галліею помощію своихъ прирейнскихъ Нѣмцевъ, а изъ Романской Галліи черпая начала государственности, они умѣли исполнить то, что предпринималъ уже Хлодовигъ и первые его наслѣдники: они мало по малу покорили германскія вѣтви въ ихъ коренныхъ жилищахъ за Рейномъ и насильно наложили на ихъ племенной бытъ правительственную власть. Христианство помогло оружію Франковъ.

Первоначальное обращеніе Нѣмцевъ въ христіанство (въ VI, VII и первой половинѣ VIII вѣка) было дѣломъ кельтской церкви со-

бенно ирландской). Проповѣдники ея дѣйствовали совершенно самостоятельно, не признавая авторитета Рима, въ духѣ свободнаго все-ленскаго единства вѣры, который господствовалъ въ ту пору въ кельтской церкви. Даже сама христіанская Галлія не признавала тогда еще папской власти, епископы почитали себя равными по духовному значенію съ римскимъ патриархомъ и для рѣшенія церковныхъ дѣлъ прибѣгали безпрестанно къ мѣстнымъ соборамъ. Первый толчекъ къ повороту въ духовной жизни Западной Европы данъ былъ папою Григоріемъ Великимъ. Онъ послалъ отъ себя лично миссію въ Англію, и Англо-Саксы, принявъ крещеніе (664), вступили въ непосредственное подчиненіе «престолу св. Петра» (быть можетъ для того, чтобы и въ христіанствѣ сохранить привилегированное положеніе относительно независимыхъ Кельтовъ). Вскормъ изъ среды новообращеннаго народа англо-саксонскаго стали отправляться, одушевленные юношескимъ пыломъ, проповѣдники къ родственнымъ племенамъ Германіи. Связанные съ нѣмцами языкомъ и бытомъ, они имѣли большій успѣхъ, чѣмъ кельтскіе миссіонеры и показали плоды, посѣянные кельтскою церковью. Знаменитѣйшій изъ англо-саксонскихъ проповѣдниковъ, св. Бонифаций, могъ уже установить въ Германіи полную іерархію, и онъ связалъ ее непосредственно съ Римомъ. По его настоянію, соборъ епископовъ Германіи рѣшилъ (742) сохранять съ римскою церковью единство и повиноваться ей, быть подчиненными св. Петру и его преемникамъ, просить для митрополитовъ утвержденія отъ престола Петрова и во всемъ руководствоваться его предписаніями. «Такимъ образомъ, — говоритъ нѣмецкій историкъ (*), — римское епископство возвысилось и достигло признанія въ обширныхъ земляхъ въ то самое время, когда Франкская держава обновлялась подъ владычествомъ Каролинговъ, и именно тѣ нѣмецкія племена, которыя сохранили въ наибольшей чистотѣ свой бытъ, доставили обильнѣе этимъ новымъ возрастающимъ силамъ основаніе и средства къ своему многозначительному развитію».

Скоро эти двѣ силы сблизились. Пипинъ Короткій, вождь Франковъ, лишилъ престола послѣдняго преемника Хлодовигова, и папа благословилъ это дѣло и помазалъ Пипина королемъ Франковъ;

(*) Giesebrecht, тамъ же, 163.

Пипинъ же спасъ папу отъ притѣсненій Ломбардовъ и добродѣтели Греческой и даровалъ ему свѣтское владѣніе. Вся Галлія подчинилась авторитету Рима. При наслѣдникѣ Пипина, великомъ Карлѣ, совершилось полное совоплощеніе церкви и государства на Западѣ: Германія приняла, какъ свое наслѣдіе, міро-державную идею и исключительность Римскаго государства, но основала ее на религіи (*).

Носитель этой, обновленной церковною и германскою стихіею, идеи, Карлъ Великій долженъ былъ прежде всего сломить остатки нѣмецкой племенной независимости, упорно хранившіеся Саксами, единственнымъ племенемъ въ Германіи, которое не вступило еще въ область Франкской монархіи и римской церкви. Борьба съ Саксами была главною задачею первой половины царствованія Карла. Онъ крестилъ ихъ огнемъ и мечемъ, но, какъ скоро они поддались и крестились, принялъ ихъ, какъ полноправныхъ гражданъ, въ свою державу.

Покореніе Саксовъ заключило этотъ фазисъ развитія въ западной Европѣ. Всѣ нѣмецкія вѣтви были соединены подъ началомъ римской государственности, но соединены не какъ слуги римскаго міра, а какъ его граждане и обладатели его наслѣдія. Вѣнчаніе Карла короною римскихъ императоровъ (въ праздникъ Рождества 800 года) довершило воздвигавшееся германскимъ народомъ на христіанской почвѣ зданіе еократической монархіи. «Имперія Карла, — прекрасно говоритъ историкъ Гизебрехтъ, — была не только тѣмъ политическимъ идеаломъ, къ которому уже цѣлые вѣка стремились нѣмецкіе владѣтели (т. е. возстановленіемъ древняго Римскаго государства); религія овладѣла идеею имперіи, приняла ее въ себя, переработала и выработала особеннымъ образомъ. Убѣжденіе древнихъ Римлянъ, что ихъ республика предназначена подчинить единому закону всѣ народы до концовъ земли, не угасло во время христіанства, а, напротивъ, почерпнуло новую жизнь въ томъ вѣрованіи, что всѣ исповѣдники Спасителя должны собраться въ единое стадо и составить единое великое общество:

(*) Такимъ образомъ римское понятіе *orbis terrarum*, весь міръ, которое однако исключало земли, не подвластныя Риму, перешло въ средне-вѣковое западное понятіе *tota christianitas*, которое точно также исключало земли, хотя христіанскія, но не подчиненныя римскому авторитету.

христіанскій Римъ воспитывалъ вѣру не только въ единую христіанскую церковь, но и въ единое христіанское государство, и передавалъ эту вѣру всѣмъ послѣдователямъ католическаго исповѣданія Не та была цѣль Карла, какъ римскаго императора, чтобы возстановить тиранию языческаго Рима надъ вселенной, оживить забытыя права древнихъ императоровъ и основать такимъ образомъ для себя неограниченное господство; напротивъ, его представленіе о той новой власти, которая подобала ему, какъ императору, опиралось вполне на религіозно-политической идеѣ имперіи, какъ эта идея выработалась въ западной церкви. Скорѣе въ ветхозавѣтной теократіи, чѣмъ въ деспотизмѣ древняго Рима, искалъ онъ себѣ руководящихъ началъ. Такимъ образомъ, новая имперія основывалась существенно на церковной почвѣ: ея идеаломъ было не что иное, какъ царство Божіе на землѣ, въ которомъ императоръ поставленъ отъ самого Бога его намѣстникомъ, дабы онъ правилъ, согласно Божіимъ предначертаніямъ, всѣмъ родомъ человѣческимъ, распределеннымъ по порядку на народы, сословія и чиновачалія».

Трудно вѣрнѣе изобразить характеръ и смыслъ той монархіи, въ которой германскій міръ впервые слился органически съ романскимъ и которая ознаменовала его вступленіе въ государственную жизнь.

Передъ греческимъ, православнымъ міромъ церковно-государственная монархія Германо-Романская остановилась, какъ бы въ недоумѣніи передъ загадкою: что это за міръ, христіанскій, не еретическій, а напротивъ правовѣрный, а все-таки не нашъ? какъ это: единовѣрцы наши (*), а не члены нашего государства, не подданные нашего императора? Недоумѣніе передъ явленіемъ, которое такъ очевидно противорѣчило всѣмъ политическо-религіознымъ понятіямъ тогдашняго Запада, вотъ что опредѣляетъ странныя и для теперешнихъ западныхъ писателей непонятныя отношенія ново-создавшейся Германской имперіи къ міру греческому: есть, конечно, вражда, бываютъ и столкновенія, хотя слабыя, ибо Германская

(*) Я говорю о той эпохѣ, когда раздвоеніе церкви не опредѣлилось еще догматическимъ нововведеніемъ Запада, а существовало уже въ области политической и нравственной: послѣднее предшествовало первому болѣе, чѣмъ слѣдуетъ.

имперія еще живо чувствует свое признаніе—быть хранительницей церкви, а Греки суть вѣрные члены церкви, и какіе заслуженные! Мечъ, столько разъ поднимавый Германскою имперіею противъ греческаго міра, падаетъ у нея изъ рукъ, не отъ страха передъ Византіею, а отъ страха передъ христіанскою идеей. Но все болѣе и болѣе ощущаетъ романо-германскій міръ, какая страшная помѣха для него Греція, помѣха не матеріальная, а нравственная: пока онъ съ нею въ общеніи, пока онъ признаетъ ее правовѣрною, невозможно ему утвердить въ принципѣ свое совлочеіііе съ христіанскою церковью, свою идею о себѣ самомъ, какъ о «царствѣ Божіемъ на землѣ»; и вотъ, скоро романо-германскій міръ захочетъ вполнѣ обособиться: онъ оттолкнетъ отъ себя Грецію, разорветъ съ нею общеніе вѣры, рѣшится ея не знать и не вѣдать, и присвоитъ онъ себѣ званіе вселенской церкви, дабы оно соотвѣтствовало званію вселенской христіанской монархіи, которое германскій міръ приметъ, какъ законное наслѣдіе римскихъ идей.

Эта «вселенская» христіанская монархія, какъ она опредѣлилась при Карлѣ Великомъ, должна была имѣть своихъ гражданъ и своихъ подданныхъ. Гражданами, полноправными членами церковно-государственной семьи, были всѣ племена и народы германской крови, какъ основатели и главные посылатели этой монархіи, и народы романскіе, какъ старшіе братья Германцевъ въ вѣрѣ, какъ ихъ учителя и природныя преемники Рима, призваніе котораго Германцы считали себя предназначенными обновить и осуществить. Подданными или, гдѣ прямое подданство было еще невозможно, данниками еократической имперіи должны были сдѣлаться «варвары», т. е. по тогдашнимъ понятіямъ Славяне и Авары; покорить ихъ единой христіанской державѣ и подчинить христіанской религіи почталося долгомъ германскаго народа и государя. Велѣдствіе римскихъ понятій, такъ легко принявшихъ на почвѣ народной исключительности нѣмецкой, эти «варвары», хотя бы и обратились въ христіанство, не становились равноправными членами христіанскаго братства, ибо оно ограничивалось міромъ романо-германскимъ: «варвары» должны были оставаться его слугами.

Прослѣдивъ такимъ образомъ, до перваго ихъ столкновенія, развитіе двухъ силъ, которыя раздѣляло теченіе Эльбы, христіанско-еократической имперіи Романо-Германской, и языческо-еократи-

ческаго племеннаго союза Балтійскихъ Славянъ, мы можемъ приступитъ къ разсказу объ ихъ многолѣтней борьбѣ. Тотъ человѣкъ, который довелъ западный міръ до цѣли его тогдашнихъ стремленій—до его самоопредѣленія, какъ вселенскаго христіанскаго государства,—Карлъ Великій началъ эту борьбу.

I.

Эпоха Каролингговъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Эпоха Каролинговъ.

I.

Первоначальные отношения Франковъ къ Балтійскимъ Славянамъ. 748—789.

Мы знаемъ о постоянной пограничной войнѣ, которая велась на неопредѣленной чертѣ, отдѣлявшей сѣверо-западную часть Славянскаго поморья отъ владѣній Саксовъ на правой сторонѣ низовьевъ Эльбы, въ нынѣшней Голштиніи или, какъ она тогда называлась, Нордалбингін (т. е. странѣ на сѣверъ отъ Эльбы). Вся тяжесть этой пограничной войны лежала, разумѣется, на непосредственныхъ сосѣдяхъ Нордалбингскихъ Саксовъ—Ваграхъ, жителей восточной части Голштиніи. Но въ VIII вѣкѣ имя Вагровъ уже не является въ историческихъ извѣстіяхъ, замѣняясь, какъ было уже замѣчено мною, именемъ Бодричей, обширнѣйшаго племени, которое жило на востокъ отъ Вагровъ, въ нынѣшней Мекленбургіи. Какъ видно, Бодричи успѣли приобрести первенство надъ Ваграми и включить ихъ въ союзъ племенъ, который они образовали около себя на сѣверо-западномъ краю Славянскаго поморья. Время и способъ образованія этого союза неизвѣстно; впрочемъ, едва ли можетъ быть сомнѣніе, что онъ составилъ главнымъ образомъ вслѣдствіе необходимости противодействовать общими силами сосѣдямъ—Нѣмцамъ, т. е. Саксамъ. Союзъ этотъ существовалъ уже во второй половинѣ VIII столѣтія, какъ видно изъ тогдашнихъ западныхъ лѣтоисей. Племена, входившія въ его составъ (именно Бодричи въ собственномъ смыслѣ или Рароги, Вагры, Полабцы, Смольняне и Глиняне, и вѣроятно, также Варны) вообще обозначаются въ этихъ лѣтописяхъ именемъ первенствующаго племени, Бодричей (*).

(*) Бодричи являлись Саксамъ какъ бы представителями всего пограничнаго, враждебнаго имъ, Славянства; см. Translatio s. Alexandri (auct. Ruodolfo: писалъ около 860 г., M. G. II, 673 seqq.) с. 1 (Примѣчаніе. Когда я цитирую томы M. G., т. е. Monumenta Germaniae, изд. Пертца, то разумно отдѣлять Scriptores; при отдѣлѣ Leges выставляю это специальное обозначеніе).

Непависть къ Саксамъ сдѣлала изъ Бодричей естественныхъ союзниковъ всякаго, кто нападалъ на это нѣмецкое племя; въ томъ же отношеніи къ Саксамъ находились, безъ сомнѣнія, и Сторори-не ⁽¹⁾, тоже непосредственные сосѣди ихъ (къ югу отъ Бодричей), хотя Стороритѣ отдѣляла отъ Саксовъ опредѣленная граница, Эльба, и столкновенія не могли быть тутъ такъ часты и значительны.

Съ другой стороны, отдаленные отъ Саксовъ и жившіе на востокъ отъ Бодричей, Велеты или Лютичи, враждуя съ своими непосредственными сосѣдями, Бодричами, готовы были, для удовольствіи этой ближайшей вражды, забывать общую ненависть къ нѣмецкому народу и дружить съ Саксами противъ своей славянской братьи.

Таковы были политическія отношенія этихъ племенъ, когда къ нимъ приблизилась завоевательная сила Франковъ.

Пипинъ Короткій началъ войну противъ Саксовъ, послѣднихъ защитниковъ язычества и племеннаго быта въ Германіи: Бодричи и Стороране вооружились за Франковъ (въ 748 г.) и сильно помогли имъ противъ Саксовъ ⁽²⁾.

Съ этихъ поръ, кажется, начался твердый союзъ Бодричей съ Франками: они также вѣрно, какъ Пипину, содѣйствовали и Карлу Великому въ его кровопролитной и долговременной борьбѣ съ Саксами ⁽³⁾.

Въ 780 году, Карлъ, покоривъ всѣ волости Саксовъ за Везеромъ, дошелъ, наконецъ, побѣдителемъ до Эльбы и расположился станомъ на ея берегу, у впаденія въ нее Оры ⁽⁴⁾ (нѣсколько сѣвернѣе позднѣйшаго г. Магдебурга), насунувъ на земли Стороритѣ. Къ нему пришли многія тысячи Славянъ съ противоположнаго берега (тутъ были, вѣроятно, посланцы и отъ разныхъ племенъ бодрическихъ). Могущественный завоеватель принялъ въ отношеніи къ нимъ роль

⁽¹⁾ О сосѣдахъ Стороритѣ, Остфалахъ, т. е. восточной вѣтви Саксовъ, Poëta Saxo (Mon. Germ. I. 228) говоритъ (подъ 772 годомъ, въ общемъ описаніи Саксонской земли): Osterliudi, quos nomine quidam—Ostvalos alios vocitant, confinia quorum—Infestat conjuncta suis gens perfida Sclavi.

⁽²⁾ См. подробности объ этомъ въ I-мъ томѣ Исторіи Балтійскихъ Славянъ, стр. 321.

⁽³⁾ Эмиградъ, annal. (Mon. Germ. I. 185) подъ 798 г.: Abodriti auxiliares Francorum semper fuerunt ex quo semel ab eis in societatem recepti sunt.

⁽⁴⁾ Obre: Славяне называли эту рѣку Ура или Юра, см. Thietmar. VI, 33.

верховнаго распорядителя. Ему нужно было помирить ихъ съ своими новыми подданными, Саксами; нѣтъ сомнѣнiя, что онъ также воспользовался этимъ съѣздомъ, чтобы еще болѣе скрѣпить союзъ полабскихъ Славянъ (Бодричей и Стодорянъ) съ Франкскою державою, союзъ, отъ котораго вскорѣ произошли такія важныя послѣдствія для Славянскаго поморья ⁽¹⁾. Онъ *приобрѣлъ* ихъ себѣ, говоритъ современный лѣтописецъ ⁽²⁾. Другой лѣтописецъ увѣряетъ, что многіе изъ этихъ Славянъ приняли тогда же крещеніе ⁽³⁾. Быть можетъ, показаніе его и справедливо; но крещеніе это не принесло плодовъ.

II.

Походъ Карла В. на Славянское поморье. 789.

Нѣсколько лѣтъ еще Саксы бились противъ Франкской монархіи; послѣднія усилія сохранить свободу племеннаго быта обнаруживались въ мѣстныхъ всплывкахъ и возстаніяхъ. Наконецъ, Карлъ могъ считать дѣло конченнымъ и все народы Германіи соединенными подъ своею властію. Тогда онъ рѣшился обратить союзъ съ поморскими Славянами въ полное ихъ подчиненіе. Это не было случайное, отдѣльное предпріятіе. Мысль о покореніи Славянскаго поморья входила въ составъ обширнаго плана, задуманнаго Карломъ и къ исполненію котораго онъ, тотчасъ послѣ завоеванія Саксовъ, приступилъ одновременно въ разныхъ мѣстахъ. Онъ замыслилъ подчинить своей имперіи все народы, граничившіе къ востоку съ Германіей ⁽⁴⁾. Балтійскіе Славяне стояли тутъ наряду съ Полабскими

(1) Тамъ же, 161, подъ 780 г.: *Profectus inde ad Albiam, castrisque in eo loco, ubi Ora et Albia confluent, ad habenda stativa conlocatis, tam ad res Saxonum, qui citeriorem, quam et Sclavorum, qui ulteriorem fluminis ripam incolunt, componendas operam intendit. Quibus... dispositis... reversus est.* (Сравни Poëta Saxo, M. G. I, 236; Annal. Fuldenses тамъ же 349).

(2) Annal. Petaviani, тамъ же, 16 (780 г.): *et venerunt ad domnum regem multa milia gentilium Winethorum hominum; ipse autem adquisivit una cum Dei auxilio.*

(3) Annal. Laureshamenses, тамъ же, 31 (780 г.): *nec non et Winidorum seu (seu въ тогдашней Латинѣ значило: и) Fresorum paganorum magna multitudo credidit.*

(4) Что этотъ планъ, относительно Балтійскихъ Славянъ, соотвѣдалъ въ мы-

Сербами, съ Чехами, съ Аварами, съ Альпийскими Словенцами, съ Хорватами.

Для покоренія Славянскаго поморья не слѣдовало начать съ непосредственныхъ сосѣдей Германскаго государства, съ старыхъ союзниковъ Франческаго оружія, Бодричей: ударъ, на нихъ направленный, былъ бы слишкомъ явнымъ вѣроломствомъ и заставилъ бы ихъ искать опоры въ своихъ соплеменникахъ и отложить междоусобицу вражду съ ними. Вѣрнѣе было воспользоваться этою враждою и сперва подчинить Славянъ, жившихъ дальше, за Бодричами: тогда и Бодричи не долго могли бы сохранить свою независимость. Карлъ такъ и рассчиталъ.

За Бодричами, въ восточной части нынѣшней Мекленбургіи и западномъ углу Помераніи, жили, какъ мы знаемъ, племена Велетовъ ⁽¹⁾ (иначе называвшихся Лютичами), составляя союзъ, подобно союзу бодрицкихъ племенъ.

сли Карла уже за нѣсколько лѣтъ до его исполненія, видно изъ грамоты, данной имъ въ 786 году новоучрежденному въ землѣ восточныхъ Саксовъ Верденскому епископству. Въ предѣлахъ этой епархіи включена была земля Вавровъ, ограниченная рѣками Бѣнною и Травной, и, кромѣ того, прибавлена еще, въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, страна по берегу Балтійскаго моря (mare barbarum) до рѣки Пѣны, т. е. весь край Бодричей и часть Велетской земли. Самая неопредѣленность этихъ выраженій показываетъ, какъ темны еще были въ то время свѣдѣнія Франческаго государя объ отдаленной части Славянскаго поморья. Вотъ слова грамоты (Codex Pomoranicae diplomaticus, herausg. von Hasselbach, Kosegarten und Medem, стр. 3): *Terminos autem eius (diocesis)... circumscribi precepimus, id est . . . Liam fluvium (теперь Lühe), qui absorbetur ab Albia fluvio, dehinc trans Albiam, ubi Bilena mergitur in Albiam, dehinc in ortum Bilene (теперь Bille), inde ubi Travena absorbetur a mari, deinde usque duo perveniatur ubi Pene fluvius currit in mare barbarum. Inde in ortum eiusdem fluminis. Hinc in Eldam. Dehinc in Albiam. Inde in rivum Alend (теперь Aland, впадающая въ Эльбу съ лѣвой стороны, близъ гамбургскаго города Шнакенбурга), и т. д.*

⁽¹⁾ Энггардъ (M. G. I, 175) подъ 789 годомъ: *Natio quaedam Sclavenorum est in Germania, sedens super litus Oceani, quae propria lingua Weletabi* (т. е. *Велетовъ*, форма множественнаго числа), *francica autem Wiltzi vocatur. Ea Francissemper inimica et vicinos suos qui Francis vel subiecti vel foederati erant, odiis insectari belloque premere aclacessere solebat. Cuius insolentiam rex longius non ferendam ratus, и проч.—Poëta Saxo (тамъ же, 245); (gens Wiltorum)...Francis inimica nimis cum tempore multo—Esset, eis vel subiectos vel foedere iunctos—*

Карлъ прислушивался къ извѣстіямъ о «преступленіяхъ» этого народа: Велеты издавна ненавидѣли Франковъ и ихъ союзниковъ; вражда къ Бодричамъ повела ихъ, безъ сомнѣнія, не только къ дружбѣ съ Саксами, но и съ Датчанами, у которыхъ тѣ изъ Саксовъ, кто не хотѣлъ покориться Карлу, находили защиту и вѣрное убѣжище. На самихъ Бодричей Велеты безпрестанно нападали вооруженной рукою, и Бодричи, конечно, неоднократно жаловались на нихъ могущественному королю Запада. Карлъ посылалъ требовать, чтобы они прекратили эти нападенія, но Велеты не хотѣли слушаться иѣмецкаго государя.

Въ 789 году, когда вся земля Саксовъ казалась спокойною, Карлъ объявилъ, что пойдетъ наказать высокоуміе Велетовъ.

Онъ созвалъ огромное войско ⁽¹⁾, и перешелъ въ Кельнъ черезъ Рейнъ съ своими Франками; Фризы прибыли къ нему изъ своихъ низменностей, поднявшись на судахъ вверхъ по одному изъ рукавовъ Рейна ⁽²⁾. Черезъ землю Саксовъ Карлъ направился къ Эльбѣ, собирая подъ свои знамена отряды, которые Саксы обязаны были выставить. Съ юга пришли къ нему на помощь Полабскіе Сербы (изъ нынѣшней Саксоніи).

Дошедши до Эльбы, онъ сталъ устроить переправу. Для соединенія береговъ рѣки, раздѣлявшей народы, которые теперь, какъ бы послѣ долгаго отдыха, готовились возобновить давнишнюю свою борьбу, Карлъ построилъ на Эльбѣ два моста: вѣроятно, войско шло на Славянъ двумя дорогами. Одинъ изъ этихъ мостовъ онъ укрѣпилъ на обоихъ концахъ валомъ и срубомъ, и оставилъ тамъ охранительный отрядъ. Какъ видно, походъ въ Славянскую землю

Scavorum populos sibimet regione propinquos—Insectans odiis, bello quoque saepe premebat, и проч.

⁽¹⁾ Duncardъ, тамъ же: comparatoque ingenti exercitu.

⁽²⁾ Annal. Laurissenses (M. G. I, 174) подъ 789 г.: Frisones autem navigio per Habola fluvium cum quibusdam Francis ad eum confluxerunt (сравни Annal. Fuldenses, тамъ же, 330). Имя рѣки, *Habola*, по которой пріѣхали Фризы съ частью франкскаго ополченія (собраннаго въ старой, приморской Франціи, роднѣи Хлодвигу), затрудняло историковъ, такъ какъ рѣка Габола (Havel) въ землѣ Сторонянъ (нынѣшней Бранденбургіи) находится въ далекомъ разстояніи какъ отъ жилищъ Фризовъ, такъ отъ тѣхъ мѣстъ, черезъ которыя проходило войско Карла; но ученый Ледебургъ (Kritische Beleuchtung einiger Punkte in den Feldzügen Karls des Grossen gegen die Sachsen und Slaven, 1829 ст. 113), доказавъ, что подъ этимъ именемъ летописцы разумѣли правый рукавъ Рейна, Исселъ, который является въ другихъ памятникахъ IX вѣка подъ названіемъ Habedel. Фризы и соединившись съ ними Франки вѣхали по этому рукаву въ Рейнъ и, вѣроятно, присоединились къ Карлу въ сборномъ мѣстѣ у Кельна.

возбуждалъ немало опасеній, тѣмъ болѣе, что Велеты почитались могущественнѣйшимъ народомъ на Балтійскомъ поморьѣ ⁽¹⁾, и казалось нужнымъ имѣть, на всякій случай, обезпеченную переправу для возвратнаго пути. Мѣсто переправы въ точности не обозначено лѣтописцами; но нѣтъ сомнѣнія, что оно находилось гдѣ-нибудь у низовьевъ Эльбы, у земли Бодричей, надежнѣйшихъ союзниковъ и проводниковъ Карла; притомъ же, черезъ ихъ край пролегалъ прямой путь къ Велетамъ.

Наконецъ, въ первый разъ послѣ многихъ столѣтій, можетъ быть, въ первый разъ со времени Аттилы, нѣмецкій завоеватель перешелъ Эльбу и ступилъ на Славянское поморье. Бодричи, подъ начальствомъ своего князя Вилчана ⁽²⁾, присоединились къ Карлу. Силы, которыя нѣмецкій государь велъ на Велетовъ, были очень велики: Славянское поморье казалось ему не легкою добычею.

Велеты противостали Нѣмцамъ и ихъ славянскимъ союзникамъ съ мужествомъ, которому воздастъ похвалу симъ жизнеописатель Карла ⁽³⁾; ихъ войска были многочисленны ⁽⁴⁾; произошли значительныя сраженія ⁽⁵⁾. Передъ превосходною силою Карла Велеты, какъ видно, отступали въ глубь своей земли, къ сѣверовостоку ⁽⁶⁾: Карлъ, «предавая все огню и мечу», достигъ до р. Пѣны ⁽⁷⁾,

⁽¹⁾ Энггардъ, *Vita Karoli Magni* (M. G. II, 449): *Slavis qui nostra consuetudine Wilzi, proprie vero, id est sua locutione Weletabi dicuntur, bellum inlatum est*. . . Causa belli erat, quod Abodritos, qui cum Francis olim foederati erant, assidua incursione facescebant, nec iussionibus coërceri poterant. Sinus quidam ab occidentali oceano orientem versus pertrahitur longitudinis quidem incomptae, latitudinis vero quae nusquam centum milli passuum excedat, cum in multis locis contractior inveniatur. Hunc multae circumsedent nationes; Dani siquidem ac Sucones quos Nortmannos vocamus, et septentrionale litus et omnes in eo insulas tenent. At litus australe Sclavi et Aisti et aliae diversae incolunt nationes; inter quos vel praecipui sunt, quibus tunc a rege bellum inferebatur, Weletabi.

⁽²⁾ Wiltzan; почти всѣ западные лѣтописцы пишутъ Wiltzan, Wizan, Wizzin (даже въ одномъ мѣстѣ Widin: Chron. Moissiacense, M. G. I, 302); чтеніе Вилчанъ, предложенное Шафарикомъ (отъ *vilcъ*, т. е. *волкъ*) кажется самымъ вѣроятнымъ; сравни имя *Волканъ* у Сербовъ.—Вилчанъ былъ, по-видимому, первенствующій князь у Бодричей, т. е. княземъ главнаго племени Бодричей въ собственномъ смыслѣ.

⁽³⁾ Энггардъ, тамъ же.

⁽⁴⁾ Тамъ же.

⁽⁵⁾ *Annal. Fuldenses* (M. G. I, 350): *magnis eos proeliis domuit*.

⁽⁶⁾ Энггардъ, тамъ же.

⁽⁷⁾ *Fragm. annal. Chesnii* (M. G. I, 34): *et fuit usque ad Panæ fluvium*. Пѣна—те-

которая, какъ мы знаемъ, протекала по среднѣмъ землѣмъ Велетской. Онъ подошелъ къ городу главнаго князя Велетовъ, Драговита. Этотъ князь, по выраженію лѣтописца ⁽¹⁾, далеко превышалъ всѣхъ прочихъ князей велетскихъ и знатностью рода и уваженіемъ, какое внушала его старость. Драговитъ отказался отъ продолженія войны: онъ явился къ Карлу съ своимъ сыномъ и со всѣми своими людьми, далъ заложниковъ и присягнулъ въ вѣрности нѣмецкому государю и Франкамъ. Было ли это измѣною общему дѣлу или послѣдствіемъ общаго приговора, нельзя сказать; но во всякомъ случаѣ, поступокъ Драговита рѣшилъ надолго судьбу Славянскаго поморья: всѣ прочіе князья и жупаны ⁽²⁾ просили мира, представили заложниковъ и поддались иноземному завоевателю. Карлъ утвердилъ Драговита верховнымъ княземъ землѣмъ Велетской; а самъ Драговитъ сдѣлался его вассаломъ ⁽³⁾. Такимъ образомъ, власть Западной имперіи (хотя еще номинальная) распространилась по всей землѣ Велетской, до берега Балтійскаго моря ⁽⁴⁾.

Карлъ побѣдителемъ возвратился въ Германію тою же дорогою, какою пришелъ на Славянское поморье ⁽⁵⁾.

пери Реепе, верховья въ Мекленбургин, все остальное теченіе въ западной Помераніи; впадаетъ у Вольгаста въ Балтійское море.

(1) Энигардъ, тамъ же: *is ceteris Wiltzorū regulis et nobilitate generis et auctoritate senectutis longe prominebat.*

(2) Энигардъ, тамъ же: *quem ceteri Sclavorum primores ac reguli omnes secuti.*

(3) *Annal. Nazarienses* (M. G. I, 44): *Carolus . . . regem . . . Dragoidum apprehendit et iterum ipsi iam praefato regi illam patriam commendavit.*

(4) *Annal. Guelferbyt.* (тамъ же): *Wiltiam conquestivit in partibus aquilonis usque ad mare.* Сравни *Annal. Lauresham.* *Fragm. Annal. Chesnii.* *Einhardi Annal.*, все подъ 789 годомъ.

(5) Смутный отголосокъ этого похода Карла Великаго на Славянское поморье и послѣдующихъ его столкновеній съ Балтійскими Славянами находимъ мы въ польскомъ преданіи, записанномъ Длугошемъ (*liber I*, стр. 65, по франкеуртскому изданію): *Nonnulli asserunt, hunc Leszkonem (Jемекъ II) in proelio cum Caesare Carolo Magno inito victum et occisum esse: ita enim reperi Martinum Gallum de eo scripsisse. Anno 803 Imperator Carolus misit Carolum filium suum in Poloniam, qui depopulatis omnibus, ducem terrae illius Leszkonem occidit, indeque reversus ad patrem, eum in silva Wozzege, venatui studentem invenit. Ex quo quidem constat, Polonos et tunc et antea, bella cum imperatoribus et regibus finitimis gessisse, sed quo tempore, quoque ordine et fortuna, quibusve ducibus, propter litterarum et scriptorum, [quibus tunc Poloni velut gentiles caruere, penuriam, parum constat. Съ Поляками, въ собственномъ смыслѣ, Карлъ В., какъ извѣстно, не имѣлъ никакого столкновенія; но всѣ польскіе лѣтописцы знали о ближайшемъ племенномъ сродствѣ Балтійскихъ Славянъ съ Поляками и причисляли ихъ непосред-*

Такъ возобновилась великая борьба Нѣмцевъ съ Славянами въ Балтійскомъ краѣ. Славянамъ она добра не предвѣщала: ибо при Аттілѣ, почти триста пятьдесятъ лѣтъ передъ тѣмъ, оба народа, оставивъ между собою теченіе Эльбы, разошлись почти равносильными, а когда они сошлись опять, при Карлѣ Великомъ, то нѣмецкій народъ явился на поле битвы вдохновенный христіанствомъ, обогащенный наслѣдіемъ римской государственности, направляемый единою волею къ общей цѣли; а Балтійскіе Славяне противопоставили ему свои языческія вѣрованія, свой старый племенной бытъ, свои внутреннія несогласія и междоусобія.

Дѣйствіе, происходившее на Балтійскомъ поморьѣ въ 789 году, повторялось съ тѣхъ поръ постоянно, до совершеннаго искорененія тамъ славянской независимости: постоянно находились въ этомъ злополучномъ краѣ племена, готовые помочь Нѣмцамъ противъ своихъ братій, какъ Бодричи помогли тогда Карлу; постоянно находились князья, готовые отстать отъ общей обороны и мириться отдѣльно съ завоевателемъ, какъ сдѣлалъ тогда старшій князь Драговить.

III.

Плоды союза Бодричей съ Франкскою державою. Уступка Бодричамъ западной Голштиніи. 790—804.

Неизвѣстно, чѣмъ Карлъ наградилъ Бодричей за ихъ усердныя услуги; но естественно, что какъ скоро Велеты признали надъ собою верховное владычество Западной державы, то Бодричи, поставленные между ними и Нѣмцами, вошли въ гораздо болѣшую зависимость отъ Германіи; зависимость сдѣлалась такою, что она могла скоро превратиться въ прямое подданство.

Саксы, хотя столько разъ побѣжденные франкскимъ завоевателемъ, хотя помогавшіе ему противъ Славянъ, не были еще укрощены вполне. Ближайшія къ Эльбѣ волости ихъ безпрестанно

ственно къ польскому народу. Что же касается до похода 805 года и убійства польскаго князя Лешка, то это есть не что иное, какъ неудачно прилаженная къ преданію о войнахъ Карла съ Ляхами (Балтійскими Славянами) передѣлка извѣстія Энггарда о вторженіи въ этомъ году сына великаго императора въ Чехію, гдѣ погибъ какой-то князь чешскій, по имени «Vescho».

волновались, а Залабские Саксы, такъ называемые *Нордлюды* или Нордалбинги (жители западной половины Голштинии, непосредственные сосѣди Славянъ) и слышать еще не хотѣли о покорности Франкамъ.

Въ 795 году Карлъ рѣшился наказать упрямое племя и съ большими силами вошелъ въ землю Саксовъ, опустошая ее жестокимъ образомъ. Онъ расположился въ Бардской волости (Bardengau, въ восточной части нынѣшняго Ганноверскаго королевства) у селенія Бардовика (близъ Люнебурга), гдѣ вскорѣ потомъ возникъ большой торговый городъ. Здѣсь ожидалъ онъ прихода Славянъ-Бодричей, которые должны были снова помогать ему въ покореніи Саксовъ. Франки называли тогда бодрицкаго князя уже прямо вассаломъ своего короля (1). Дѣйствительно, Вилчанъ посѣдѣлъ явиться на зовъ своего владыки; но при переправѣ черезъ Эльбу онъ попалъ въ засаду, приготовленную *Нордлюдами*, и былъ убитъ (2). Что случилось съ его войскомъ, воротилось-ли оно домой, потерявъ вождя, или присоединилось къ Франкамъ, неизвѣстно. Княземъ бодрицкимъ сдѣлался Дражко; мы тоже не знаемъ, былъ-ли онъ прямой наслѣдникъ Вилчана, или по другому случаю избранъ былъ народомъ.

Умерщвленіе Вилчана, въ которомъ Карлъ потерялъ своего надежнѣйшаго союзника противъ Саксовъ, раздражило его въ высшей степени: по выраженію лѣтописца, это прибавило ему новой ярости для отмщенія вѣроломному племени. Но настоящихъ виновниковъ убійства, Нордлюдовъ, онъ еще не могъ наказать: походъ въ ихъ отдаленный край былъ слишкомъ опасенъ, пока земля между Везеромъ и Эльбою еще не была совсѣмъ усмирена. Отложивъ завоеваніе Нордалбингій (нѣмецкой части Голштиніи) до другаго времени, Карлъ бросился на тѣ волости Саксовъ, которыя лежали на морскомъ берегу, между низовьями Везера и устьями Эльбы: жители ихъ были въ союзѣ съ убійцами Вилчана и одни

(1) Annal. Lauresham. (M. G. I, 36): vassum domni regis Wizzin regem Abotridarum.

(2) Энггардъ, тамъ же, 181, подъ 795 годомъ. — Annal. Fuldenses (тамъ же, 351) рассказываютъ, что убійство совершилось за Эльбою, близко отъ Бардовика, гдѣ стоялъ король, in loco quem vocant Hlun: это мѣсто есть нынѣшнее Lüne, въ восточной части ганноверскихъ владѣній.

между предлабскими Саксами не явился въ Бардовикъ съ покорностью. Три года сряду ⁽¹⁾ ходилъ франкскій государь на эти волости, жегъ, грабилъ, казилъ и, наконецъ, принудилъ къ повиновению. Часть тамошнихъ Саксовъ онъ выселилъ во франкскія земли и водворилъ на мѣсто ихъ колоніи Франковъ.

Утвердивши свою власть въ этихъ краяхъ, Карлъ отправилъ пословъ въ Нордалбингію, надѣясь склонить Нордлюдовъ теперь къ добровольной покорности. Но Нордлюды схватили этихъ пословъ и убили однихъ, а другихъ задержали въ плѣну для выкупа; также убили они королевскаго посла, возвращавшагося изъ Даніи. Карлъ тотчасъ собралъ большое войско (798), но все еще не рѣшался ступить за Эльбу, въ болота Голштиніи. Онъ только опустошилъ, хуже прежняго, землю Саксовъ между Везеромъ и Эльбою (гдѣ, вѣроятно, находились еще соумышленники залабскихъ Саксовъ); наказаніе же самихъ Нордлюдовъ предоставилъ онъ своимъ неизмѣннымъ друзьямъ, Бодричамъ. Побывавъ у славянской границы на Эльбѣ и рѣшивъ своимъ судомъ внутренніе споры славянскихъ племенъ ⁽²⁾, онъ отправилъ къ Бодричамъ одного изъ своихъ полководцевъ, Эбервина, съ другими послами, и поручилъ имъ поднять на Нордлюдовъ славянскую силу ⁽³⁾. Бодричи, которыхъ франкскіе лѣтописцы называютъ весьма выразительно *нашими Славянами* (Sclavi nostri), вступили въ нѣмецкую часть Нордалбингіи и стали раззорять и выжигать ее. Саксы собрали свои войска, и обѣ рати встрѣтились въ мѣстности, называвшейся Свентана (въ срединѣ Голштиніи, гдѣ теперь мѣстечко Bornhöved, на юго-западѣ

(1) 795 796 797.

(2) Annal. Guelferbytani (M. G. I, 45) годъ 798 годомъ: ... perrexit in antea in Saxonia usque in Partunwich, inde in finem Winidis, et ibi plaidavit sicut ipse voluit, et tulit obsides multos de Saxones et pervenit ad Aquas.

(3) Annal. Lauresham. (M. G. I, 37) годъ 798 г.: et interim congregati sunt Sclavi nostri qui dicuntur Abotridi cum missos domni regis ad illos Saxones qui in aquilones parte Albie erant, et vastaverunt terram illam et incenderunt; et illi Saxones congregaverunt se in unum, et commissum est forte proelium inter eis, и проч. Это извѣстіе гораздо лучше рисуетъ ходъ дѣла, нежели извѣстіе Дингарда, будто бы Нордлюды сами бросились на Бодричей: при ежедневной опасности видѣть Франковъ въ своей землѣ, это было бы съ ихъ стороны слишкомъ безразсудно; и притомъ, откуда бы взялся франкскій полководецъ въ войскѣ Бодричей, если бы война произошла отъ неожиданнаго на нихъ нападенія, и не была подготовлена самими Франками?

отъ Плуискаго озера ⁽¹⁾, на границѣ нѣмецкой и славянской земли). Произошла кровопролитная сѣча, какихъ въ то время видали мало ⁽²⁾. Бодричей велъ Дражко; а надъ правымъ ихъ крыломъ начальствовалъ Карловъ посланецъ Эбервинъ. Славяне одержали полную побѣду. Эбервинъ, воротившись назадъ къ своему государю, рассказывалъ, что Саксовъ при первой схваткѣ пало до 4000 ⁽³⁾, что они обратились въ бѣгство и при преслѣдованіи потеряли еще множество народа и что остатки ихъ разошлись по домамъ.

Побѣдитель Дражко, съ другими Бодричами, явился, послѣ этого подвига, на поклонъ къ Карлу въ Турингію и принятъ былъ королемъ съ необыкновенными почестями.

Зависимость Бодричей отъ Франкской державы утверждалась все болѣе и болѣе. На другой годъ послѣ ихъ побѣды у Свентаны, Карлъ, стараясь объ утвержденіи своей власти и христіанской церкви между покоренными, наконецъ, Саксами, отправилъ одного изъ своихъ сыновей съ отрядомъ войска къ Эльбѣ. Когда молодой королевичъ (по имени тоже Карлъ) приблизился къ ихъ границѣ, залабскіе Славяне, Бодричи и Велеты явились къ нему, какъ къ судѣ, и онъ разобралъ и порѣшилъ ихъ взаимные споры и жалобы. Независимо отъ этого, онъ исполнилъ другое порученіе своего отца; онъ вошелъ въ сношенія съ Нордалбингскими Саксами. Не оправившись еще отъ пораженія, нанесеннаго имъ Бодричами, эти Саксы предстали въ его станъ съ повинною и дали ему заложниковъ (799 годъ) ⁽⁴⁾.

Около четырехъ лѣтъ все въ этой сторонѣ было спокойно, пока въ Римѣ (въ 800 году) совершался союзъ главы романо-германскихъ народовъ съ главою западной церкви и возобновлялась, подѣ стѣнію папства, древняя идея Римской имперіи. Ничего не было слышно въ западной Европѣ о Славянскомъ поморьѣ; только кое-когда спорили и враждовали между собою мелкіе князья Балтійскихъ Славянъ—дѣло обычное. Наконецъ, въ 804 году, новый

⁽¹⁾ См. Ledebur, Kritische Beleuchtung, и проч. стр. 121.

⁽²⁾ Энигардъ: ingens caedes.

⁽³⁾ Энигардъ, М. G. I, 183.—Annales Laurehamenses говорятъ, что Саксовъ пало 2901 человекъ, Chronicon Moissiac. (M. G. I, 303)—2809.

⁽⁴⁾ Энигардъ подъ 799 г., М. G. I, 187.

императоръ захотѣлъ посѣтить свои сѣверо-восточныя области, и съ большимъ войскомъ прошедши всю землю Саксовъ, расположились станомъ близъ устья Эльбы. Сюда явились къ нему, съ множествомъ подарковъ, князь Дражка и другіе князья славянскіе. Они изложили Карлу свои распри. Въ чемъ состояли онѣ, догадаться не трудно, хотя лѣтописецъ прямо не объясняетъ ихъ; Бодричи, конечно, продолжали враждовать съ Велетами, а князья мелкихъ племенъ бодрицкихъ, вѣрно, не хотѣли подчиняться Дражкѣ, какъ старшему князю. Императоръ выслушалъ ихъ и произнесъ свое рѣшеніе; Дражка онъ велѣлъ признавать старшимъ княземъ надъ всеми племенами Бодричей или, какъ мы можемъ назвать его, великимъ княземъ бодрицкимъ, онъ провозгласилъ его, по выраженію лѣтописца, «королемъ» славянскимъ (*).

Мало того, что германскій императоръ велѣлъ такимъ образомъ Балтійскихъ Славянъ къ единой державѣ и этимъ, казалось, приготавливалъ имъ своими руками спасеніе отъ Германіи; необходимость опереться на сосѣднія славянскія племена, для окончательнаго подчиненія Саксовъ, побудила Карла Великаго къ новому дѣлу въ пользу этихъ племенъ, къ такому дѣлу, послѣдствія котораго могли быть неизмѣримо важны. Когда Карлъ посѣтилъ низовья Эльбы, въ 804 году, Нордалбингскіе Саксы, ослабленные побѣдою Бодричей и не находя уже союзниковъ между соплеменниками своими на западной сторонѣ рѣки, отдались совершенно на произволъ завоевателя. Карлъ велѣлъ переселять ихъ съ семействами вовнутрь Германіи и во Францію, а Нордалбингію, т. е. западную часть Голштиніи до устья Эльбы и берега Нѣмецкаго моря, отдалъ Славянамъ-Бодричамъ (*).

(*) Энггардъ подъ 804 г. (M. G. I, 191): in quibus castris etiam Sclavorum principes adfuerunt; quorum causis discussis et secundum arbitrium dispositis, regem illis Trasiconem constituit.

(*) Annal. Lauriss. подъ 804 г. (M. G. I, 191): Missisque inde exercitibus suis per diversas partes Saxoniae, tam perfidos illos ad quos ultra Albiam transierat, quam illos qui in Wigmoti (такъ называлась волость Саксовъ между устьями Везера и Эльбы) manebant et frequentibus maleficiis populum Saxonum a via veritatis avertant, cum mulieribus et infantibus, Deo auxiliante, sapientissima dispositione de Saxonia per diversas vias dirigens, funditus exterminavit, et per Gallias caeterasque regiones regni sui sine ulla laesione exercitus sui dispersit. Pagos transalbianos Abodritis dedit. — Annal. Fuldenses (тамъ же, 353): Saxones transalbianos cum mulieribus et natis transtulit in Franciam et pagos transalbianos Abodritis dedit.

Конечно, нельзя подозревать въ Карлѣ особеннаго желанія покровительствовать Славянамъ и способствовать ихъ политической самостоятельности. Но легко понять, почему онъ принялъ тогда эту мѣру. Онъ былъ увѣренъ въ томъ, что Бодричи ему не измѣнятъ: въ этомъ ручались ихъ отношенія къ сосѣдямъ, Саксамъ съ одной стороны, Велетамъ съ другой. Отдать имъ всю Голштинію казалось Карлу не только выгоднымъ, но и необходимымъ, чтобы обезпечить себя со стороны третьихъ, сѣверныхъ, сосѣдей бодричьей земли, Датчанъ. Датчане прежде уже находились во враждебномъ отношеніи къ Франкамъ и всѣми силами поддерживали Саксовъ въ борьбѣ съ Карломъ. Предводитель Саксовъ, Видукинъ, былъ зятемъ датскаго короля Сигфрида; Видукинъ и всѣ вообще недовольные франкскою властію Саксы находили въ Даніи всегда готовое убѣжище; преемникъ Сигфрида Годофридъ все дѣятельнѣе и дѣятельнѣе выступалъ противъ франкской имперіи. Именно въ этомъ самомъ 804 году, онъ собралъ на своей границѣ, въ Шлесторфѣ (теперешнемъ Шлезвигѣ) всѣ свои корабли и войска, и не смотря на обѣщаніе, имъ данное Карлу, вступить съ нимъ въ переговоры и пріѣхать къ нему на свиданіе, вдругъ отказался отъ сношеній съ франкскою имперією. Что же могло быть выгодно для Карла, какъ уступкою Бодричамъ западной Голштиніи пресѣчь непосредственное соприкосновеніе Датчанъ съ ихъ давнишними друзьями Саксами и отдѣлить Данію отъ имперіи славянскимъ племенемъ, искони враждебнымъ Датчанамъ?

Но тѣмъ самымъ Бодричи достигали безъ труда (хотя, правда, по чужой милости) той цѣли, къ которой они стремились столько вѣковъ и для которой ихъ мужественные собратья, Вагры, проливали столько крови: они достигали полнаго обладанія правымъ берегомъ Эльбы. Этимъ утверждалось окончательно господство Славянъ надъ прибалтійскими странами, и Нѣмцамъ уже не было прямого къ нимъ доступа; между Балтійскими Славянами и Нѣмцами, по всему протяженію ихъ границы, дожилась, какъ крѣпкій рубежъ, широкая рѣка, и поводъ къ народной войнѣ между ними исчезалъ.

Рудольфъ, въ сказаніи о перенесеніи мощей св. Александра въ Фульдскій монастырь (M. G. H., 673 seqq. c. 3), говоритъ, что Карлъ переселилъ съ обѣихъ сторонъ Эльбы 10,000 человекъ Саксовъ съ женами и дѣтьми и разсѣялъ ихъ по Германіи и Галліи.

самъ собою. Наконецъ, Славяне получали, съ устьемъ Эльбы, великолѣпное для торговли мѣсто, гдѣ потомъ построился Гамбургъ. Владѣя имъ, такой предпримчивый и отважный на морѣ народъ, какимъ были Балтійскіе Славяне, могъ тотчасъ выйти изъ тѣснаго круга сношеній, въ которомъ его заключали Нѣмцы и Скандинавы, и вступить въ общеніе съ остальными землями Запада. Германская имперія приносила къ Славянамъ, мы знаемъ, христіанство, не какъ чистое ученіе вѣры, а вмѣстѣ съ тѣмъ какъ залогъ свѣтскаго подчиненія ихъ нѣмецкому государству и народу; но отъ устья Эльбы близко было до Англіи, до Англіи Виллиброда и Альфреда Великаго, которая такъ ревностно сѣяла христіанство въ Европѣ; а въ Англію путь былъ уже знакомъ Балтійскимъ Славянамъ. Кто знаетъ, не пришло ли бы къ нимъ оттуда просвѣтительное начало христіанства, которое ихъ отталкивало въ томъ видѣ, въ какомъ оно предлагалось имъ эгонетическою Германіей?

Вотъ какую будущность Карлъ, слѣдуя своимъ собственнымъ политическимъ расчетамъ, открывалъ Бодричамъ и ихъ соплеменникамъ: установленіе единовластія, прекращеніе народной войны съ Саксами на правомъ берегу Эльбы, сообщеніе черезъ Нѣмецкое море съ Западомъ, наконецъ, мирное и свободное обращеніе въ христіанство.

IV.

У

Ударъ Датчанъ и Франковъ на Бодричей. Основаніе нѣмецкой крѣпости на правомъ берегу Эльбы. 804—810.

Даръ западнаго государя не пошелъ Бодричамъ въ прокъ. Скоро отвѣдали они горькихъ плодовъ союза съ Германією.

Три года прошли мирно; неизвѣстно, насколько Бодричи успѣли утвердиться въ это время въ отданной имъ Карломъ землѣ, но видно, что на устьѣ Эльбы начиналъ уже водворяться торговый обмѣнъ Германіи съ Славянскимъ поморьемъ. Когда императоръ Карлъ, въ 805 году, постановлялъ законъ о торговыхъ сношеніяхъ своихъ подданныхъ съ заграничными землями, то изъ трехъ мѣстъ, гдѣ допущена была мѣна съ Балтійскими Славянами и учреждено нѣчто въ родѣ таможенъ, два пункта назначены были близъ устья Эльбы (въ сѣверовосточномъ углу нынѣшняго Ганноверскаго ко-

ролевства), въ весьма близкомъ одинъ отъ другаго разстояніи, именно въ Бардовикѣ и Шезлѣ, и только одинъ на всемъ протяженіи средней Эльбы, въ Магдебургѣ, гдѣ Нѣмцы могли торговать съ Стордорскою землею (*). Мѣры, принятыя Карломъ для устройства торговли съ Славянами на нѣмецкой сторонѣ устья Эльбы, показываютъ, какъ важно было для Славянъ пріобрѣтеніе мѣста, гдѣ теперь стоитъ Гамбургъ. Замѣтимъ кстати, какъ признакъ политики Карла въ отношеніи къ Славянамъ, даже къ вѣрнымъ союзникамъ его, Бодричамъ, что онъ строго запретилъ продавать имъ оружіе и брони; онъ постановилъ правила, по-видимому, весьма дѣйствительныя для прекращенія запрещеннаго торговаго пункта; только другая половина поступала въ казну.

Еще пока Бодричи пользовались милостью западнаго императора, они могли предвидѣть участь, которая ихъ ожидала: 806 годъ прошелъ въ кровавой войнѣ Германіи съ ближайшими сосѣдами Балтійскихъ Славянъ, Полабскими Сербами. Война эта, въ которой погибъ сербскій князь Милодухъ, окончилась тѣмъ, что для удержанія въ покорности подчинившихся Карлу западныхъ племень сербскихъ между Солявою и Лабою (Салою и Эльбою), построена была нѣмецкая крѣпость (Талла, Halle) на восточномъ, славянскомъ берегу Салы (†) и основана на границѣ Сербовъ нѣмецкая марка (или мархія), т. е. рядъ военныхъ поселеній. Жители марки, поставленные подъ начальство военнаго начальника, маркиграфа, обязаны были постоянно быть наготовѣ для сраженія съ пограничными племенами (‡). Эти учрежденія коснулись и юж-

(*) Capitulare Caroli Magni 805 года (M. G. Leges I, 133). De negotiatoribus, qui partibus Sclavorum et Avarorum pergunt, qua usque procedere cum suis negotiis debeant, id est in partibus Saxonie usque ad Bardaenowic, ubi praevideat Hredi; et ad Schezla, ubi Madalgaudus praevideat; et ad Magadoburg, praevideat Aito. . . Et ut arma et brunias (т. е. loricas, см. словарь Графа: это древне-нѣмецкое слово, не имѣющее корня въ германскихъ нарѣчіяхъ, очевидно славянское: броня) non ducant ad venundandum. Quod si inventi fuerint portantes, ut omnis substantia eorum auferatur ab eis, dimidia quidem pars partibus palatii, alia vero medietas inter missum et inventorem dividatur.

(†) Chron. Moissiac. (M. G. I, 308) подъ 806 годомъ.

(‡) Capitulare Caroli Magni (M. G. Leges I, 149) 807 года: Si vero circa Surabis patria defendenda necessitas fuerit, tunc omnes generaliter veniant.

ной части Балтійскихъ Славянъ: Карлъ занялъ, въ томъ же 806 году, нѣмецкимъ укрѣпленнымъ поселеніемъ участокъ на правомъ же берегу Эльбы, насупротивъ Магдебурга ⁽¹⁾, въ землѣ Стодорскаго племени Морачанъ, которое, вѣроятно, помогало своимъ сосѣдямъ Сербамъ въ войнѣ съ Нѣмцами и этимъ дало поводъ къ такому распоряженію. Это было первымъ шагомъ Германіи къ водворенію своего непосредственнаго владычества на правомъ берегу Эльбы, на славянской землѣ.

Скоро очередь дошла и до Бодричей, и тутъ Германской имперіи помогли враги ея, Датчане.

Датчанамъ и ихъ смѣлому вождю, королю Годофриду, конечно, горько было видѣть, какъ франкскій завоеватель выводилъ изъ Нордалбингии ихъ вѣрныхъ друзей, Саксовъ, и какъ въ этой пограничной съ Давіею землѣ утверждались всегданные непріатели Датчанъ, Славяне. Послѣ переговоровъ съ Карломъ, которые, какъ видно, не привели ни къ чему, Годофридъ вдругъ рѣшился — однимъ ударомъ сломить силу Бодричей въ своемъ сосѣдствѣ.

Онъ снесся съ Велетами, которые были друзьями Датчанъ, потому что ненавидѣли Бодричей; онъ стоворился съ двумя племенами Бодричей, Глинными и Смольными, которымъ не по сердцу была власть, дарованная Карломъ князю Дражкѣ надъ всею землею Бодричкою, и поплылъ съ своими кораблями къ славянскому берегу (808 г.). Велеты, съ своей стороны, вторглись въ землю Бодричей. Годофридъ соединился съ ними. Заключилась война въ прибрежныхъ мѣстахъ. Нѣсколько бодричскихъ *градовъ* (т. е. укрѣпленій, castella) взяты были Велетами и Датчанами; Годофридъ овладѣлъ и главною торговою пристанью Бодричей, которая находилась, кажется, близъ нынѣшняго Висмара и которую Датчане называли *Рерикъ* ⁽²⁾ (по видимому, славянское имя ея было Рарогъ) ⁽³⁾. Драж-

⁽¹⁾ Chron. Moissiac, тамъ же. Einhardi Annal. M. G. I, 193. Annal. Tiliac. тамъ же 221.

⁽²⁾ Einhard, M. G. I, 195: emporium, quod in oceani litore constitutum, lingua Danorum Reric dicebatur.

⁽³⁾ Это имя темно. Подлинность его подтверждается тѣмъ, что сами Бодричи, по словамъ двухъ вѣрнѣйшихъ свидѣтелей касательно славянскаго поморья, Адама Бременскаго и Гельмольда, назывались другимъ именемъ Rerigi (тоже говоритъ и Annalista Saxo подъ 932 г.). Шафарикъ, читающій это имя *Rarogъ*, *Рарожане*, производитъ его отъ слова *rarogъ*, существующаго до сихъ поръ въ польскомъ

ко оставилъ свою родину, гдѣ велико-княжеская власть, освященная приговоромъ Западнаго императора, окружила его врагами: онъ бѣжалъ, безъ сомнѣнія, въ Германію. Другой бодрицкій князь, Годолубъ ⁽¹⁾, попался измѣною въ руки датскаго короля и былъ имъ повѣшенъ. Но и лишившись одного князя, покинутый другимъ, Бодрицкій народъ продолжалъ защищаться храбро. Годофридъ потерялъ значительную часть своего войска; лучшіе и отважнѣйшіе витязи датскіе пали; племянникъ короля, Регинальдъ, занимавшій послѣ Годофрида первое мѣсто въ войскѣ, былъ убитъ при осадѣ какого-то бодрицкаго укрѣпленія, вмѣстѣ съ многими другими вождями. Тѣмъ не менѣе, сила Бодричей была сломлена въ неравной борьбѣ, и большая часть Бодрицкой земли (двѣ трети ея, по словамъ нѣмецкаго лѣтописца) обязалась платить дань датскому государю. Этому условію, вѣроятно, принуждены были подчиниться именно ближайшія къ Даніи бодрицкія волости въ Голштиніи и около Висмарскаго залива.

Вѣсть о нападѣніи Датчанъ и Велетовъ на Бодричей принесена была императору Карлу въ Ахенъ, вскорѣ послѣ Пасхи. Онъ тотчасъ отправилъ къ Эльбѣ своего сына Карла, съ сильнымъ войскомъ Франковъ и Саксовъ. За Бодричей, за своихъ вѣрныхъ союзниковъ и слугъ на Славянскомъ поморьѣ, онъ ему не велѣлъ заступаться (а прежде, какъ усердно бралъ онъ сторону Бодричей противъ другихъ Славянъ, Велетовъ!); онъ приказалъ ему только стать на берегу Эльбы и дѣйствовать противъ датскаго ко-

азыкъ, въ значеніи особой породы соколовъ, и сравниваетъ его съ именемъ деревни въ Польшѣ, въ Плоцкомъ краѣ, Рарогъ, и съ подобными именами другихъ славянскихъ городовъ и замковъ, Орелъ, Соколъ, Ястребъ. Это объясненіе мы должны признать несомнѣнно вѣрнымъ, если примемъ, что имя города *Reric* и второе имя племени Бодричей, *Beregi*, были имена дѣйствительно славянскія, а не данныя имъ иностранцами, и если мы, такимъ образомъ, не придадимъ особеннаго вѣса выраженію лѣтописца Энггарда: *emporium quod... lingua Danorum Reric vocabatur*. Вопросъ затрудняется еще датскимъ лѣтописцемъ Гамсфортомъ (у Лангебека I, 43): «*Dani Gotorici auspiciis* (Готрикомъ Скандинавы называли Годофрида, см. Saxo Gr. I, 435) *Bethrum emporium Venetum nobile capiunt*». Слѣдуетъ ли Гамсфортъ бодрицкій городъ, вѣдѣтый Датчанами, съ знаменитымъ городомъ Лютичей Радгоцемъ, который Нѣмцы и Скандинавы называли Ретрою, — хотя Ретра лежала далеко отъ Даніи и отъ моря? Сохранила ли намъ датская лѣтопись, напротивъ, болѣе вѣрную форму имени города?

(1) *Godelaibus*: Энггардъ, тамъ же.

роля въ томъ случаѣ, если бы Годофридъ вздумалъ напасть на земли Саксовъ.

Годофридъ, вслѣдствіе ли потерь въ своемъ войскѣ и приближающихся осеннихъ непогодъ, или изъ опасенія передъ Франками, рѣшился оставить Славянское поморье. Предварительно онъ захотѣлъ нанести еще ударъ Бодрицкой землѣ—уничтоженіемъ ея торговли. Онъ разрушилъ Рарогъ, не смотря на то, что торговля этого города была чрезвычайно прибыльна для датской казны, въ которую поступало отъ нея много пощлины ⁽¹⁾. Тамошнихъ купцовъ онъ взялъ на свои корабли и отплылъ съ своимъ войскомъ обратно въ Шлезторпъ: тутъ, какъ видно, Годофридъ поселилъ захваченныхъ въ Рарогъ купцовъ, чтобы сосредоточить въ своихъ владѣніяхъ торговлю южнаго берега Балтійскаго поморья, отбивъ ее у Славянъ ⁽²⁾. Вскорѣ *Шлейская деревня* (Шлезторпъ) стала именоваться *Шлейскимъ городомъ* (Шлезвикъ) ⁽³⁾. Славянская стихія способствовала, такимъ образомъ, къ водворенію торговаго мореплаванія на датскихъ берегахъ, которые высылали въ эти вѣка столько судовъ на войну и разбой.

По отплытіи Датчанъ изъ Бодрицкой земли, Велеты тоже удалились изъ нея съ захваченною добычею. А затѣмъ въ Бодрицкую землю вступило войско Франковъ, подъ предводительствомъ Карла младшаго. За чѣмъ оно до тѣхъ поръ стояло за Эльбою и не посѣщало на выручку Бодричамъ? И съ какою цѣлью вступало оно къ нимъ теперь, когда опасность для нихъ миновалась? Чтобы возстановить ихъ, освободить отъ дани, наложенной Датчанами, утвердить власть изгнаннаго великаго князя? Нѣтъ: политика нѣмецкаго государя въ отношеніи къ Бодричамъ была теперь уже совсѣмъ другаго рода. Войско Франковъ и Саксовъ, построивъ мостъ на Эльбѣ, вторглось въ волости Глинянъ и Смольянъ, которые жили по правому берегу этой рѣки, въ юго-западной части нынѣшней Мекленбургин: подъ предлогомъ наказанія ихъ за измѣну ве-

(1) Энгардъ, тамъ же: magnam regno Illius (т. е. Godofridi) commoditatem vectigalium persolutione praestabat.

(2) Энгардъ прямо не называетъ мѣста, куда Годофридъ перевезъ купцовъ изъ разрушеннаго славянскаго торговаго города; но таковъ несомнѣнно смыслъ его словъ: destructo emporio . . . Beric . . . translatisque inde negotiatoribus, soluta classe ad portum qui Sliesthorp dicitur, cum universo exercitu venit.

(3) Шлезвикъ—значитъ Шлейскій городъ: имя происходитъ отъ рѣки Шлен.

ликому князю Дражкѣ и союзъ съ Датчанами, молодой Карлъ принялся разорять ихъ землю. Весьма вѣроятно (какъ показываютъ событія, наступившія вскорѣ затѣмъ), что уже тогда намѣреніе императора было утвердиться военной силой въ странѣ недавнихъ союзниковъ своихъ Бодричей. Но походъ его сына не удался; молодой Карлъ потерялъ много людей, и возвратился въ Германію. Объ этой неудачѣ рассказываетъ, правда, только одна лѣтопись ⁽¹⁾, а императорскій исторіографъ и панегиристъ Энигардъ пишетъ, что походъ Франковъ въ землю Глиннѣ и Смольнѣ кончился благополучнымъ возвращеніемъ Карла и всего его войска за Эльбу; но, разумѣется, первое показаніе, въ особенности когда дѣло идетъ о войнѣ съ варварами-Славянами, заслуживаетъ большаго довѣрія ⁽²⁾.

Мы сказали, что политика Западнаго императора въ отношеніи къ Балтійскимъ Славянамъ была уже совсѣмъ не та, какъ нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, въ то время, когда онъ нуждался въ ихъ содѣйствіи для покоренія Саксовъ. Теперь земля Саксовъ окончательно вошла въ составъ Германской имперіи и начинала жить общою жизнію германо-романскаго міра. Упрочивъ за имперією границу по лѣвому берегу Эльбы, Карлъ естественно захотѣлъ, вълѣдствіе самой идеи, руководившей имъ, какъ представителемъ тогдашняго Запада, подчинить имперіи сосѣднія славянскія племена на Балтійскомъ поморьѣ, точно также какъ онъ пытался, и отчасти успѣлъ, сдѣлать это на берегу Адриатики, на среднемъ Дунаѣ, въ Чехіи и у Полабскихъ Сербовъ.

Пользуясь ослабленіемъ Бодричей, онъ тотчасъ взялъ назадъ

(1) *Annal. Lauriss.* (M. G. I, 121) подъ 808 годомъ: *Carlus filius imperatoris Carli perrexit cum exercitu Francorum in Winidos ultra flumen Albia, sed tamen eo tempore non prosperatus est transitus eius, sed de plurimi Francorum occisi sunt.*

(2) Энигардъ, *Annal.* (M. G. I, 195) подъ 808 годомъ: *Filius autem imperatoris Karlus Albiā ponte iunxit et exercitum cui praeerat in Linones et Smeldingos, qui et ipsi ad Godofridum regem de fecerant, quanta potuit celebritate transposuit (это было однако же по удаленіи Годофрида изъ земли Бодричей, какъ видно изъ предыдущихъ словъ лѣтописца), populatisque circumquaque eorum agris, transito iterum flumine cum incolūm exercitu in Saxoniam se recepit.* — Всѣ остальные извѣстія этого года разсказаны нами по Энигарду, съ которыми согласны прочія современныя лѣтописи, опускающія только тѣ или другія подробности. См. *Chron. Moissiac.* (M. G. I, 308), *Annal. Fuldens.*, тамъ же 354, *Chron. Reginonis*, тамъ же 564.

у нихъ свой прежній даръ, землю Нордалбингскихъ Саксовъ за устьемъ Эльбы (западную Голштинію), и приступилъ къ основанію военной линіи на пизовыхъ этой рѣки, на подобіе тѣхъ, которыя устроивались и по остальной границѣ имперіи, для подчиненія славянскихъ народовъ. Еще въ концѣ того же 808 года началось первое учрежденіе постоянной военной силы нѣмецкой, направленной противъ Славянскаго поморья ⁽¹⁾. Военная укрѣпленія или марка въ этой сторонѣ дѣлилась на двѣ части. Одна шла по лѣвому берегу Эльбы, насупротивъ земли Глинлянъ и Смольнянъ, или Полабцевъ (прибрежныхъ къ Эльбѣ вѣтвей Бодрицкаго племени) и сдѣлалась основаніемъ позднѣйшей, такъ называемой *Старой марки* (Altmark), изъ которой развилось въ послѣдствіи завоевательное государство Бранденбургское. Въ этой маркѣ построена была у берега Эльбы крѣпость Носхбуки (близъ нын. ганноверскаго мѣстечка Gartow, насупротивъ города славянскаго племени Смольнянъ, Лончина, теперешняго Lenzén) ⁽²⁾. Другую марку Карлъ основалъ на правомъ берегу Эльбы, въ землѣ Нордалбингскихъ Саксовъ, возвращенной отъ Бодричей. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что не смотря на мѣры, принятыя недавно, чтобы вывести отсюда строптивое саксонское населеніе, значительная часть его укрылась въ своихъ жилищахъ и уцѣлѣла подъ мимолетнымъ владычествомъ Бодричей. Теперь эти Саксы изъ враговъ имперіи сдѣлались ея оплотомъ и, какъ видно изъ событій вскорѣ послѣдовавшихъ, горячо приняли къ сердцу общее дѣло Германіи противъ враговъ-Славянъ. Вѣроятно, императоръ, отличавшійся удивительнымъ духомъ организаціи, умѣлъ дать имъ правильное военное устройство и усилилъ ихъ военными поселенцами, набранными въ другихъ волостяхъ Саксовъ: по крайней мѣрѣ, мы положительно знаемъ о водвореніи такихъ колоній въ другой маркѣ, учрежденной противъ Балтійскихъ Славянъ, о которой мы только что упомянули ⁽³⁾. Въ Нордалбингской маркѣ тоже построена была

⁽¹⁾ Энггардъ подъ 808 годомъ (тамъ же): Imperator, aedificatis per legatos suos super Albim . . . duobus castellis, praesidioque in eis contra Sclavorum incursiones disposito, Aquisgrani hiemavit.

⁽²⁾ См. объ этомъ статью Ведекинда (Noten zu einigen Geschichtschreibern des deutschen Mittelalters. VI, 152): въ указанномъ мѣстѣ близъ Гартена находится пригорокъ, весьма годный для военного поста и называемый до сихъ поръ Носбекъ.

⁽³⁾ Энггардъ подъ 810 г. (M. G. I, 197): castellum. . . Hobbuoki, in quo Odo legatus imperatoris et Saxonum orientalinm erat draesidium.

крѣпость: современный лѣтописецъ не называетъ ея по имени; но не можетъ быть сомнѣнія, что она стояла на мѣстѣ нынѣшняго Гамбурга. На это указываютъ событія и документы ближайшаго времени и преданіе, записанное въ XI вѣкѣ. Карлъ не могъ не понять важности этого мѣста, какъ лучшей точки опоры для наступательныхъ дѣйствій на сѣверъ и востокъ отъ Эльбы, и хотѣлъ сдѣлать изъ Гамбурга основную точку для преобладанія Германіи надъ прибалтійскими Славянами и Скандинавами: тутъ должна была, по его предназначенію, возникнуть нѣмецкая митрополія для сѣверныхъ народовъ. Потому онъ, при раздѣленіи земли Саксовъ на епархіи, нарочно не причислилъ Нордалбингін ни къ одной изъ новоучрежденныхъ епископскихъ кафедръ на лѣвомъ берегу Эльбы. Въ Гамбургѣ онъ заложилъ (кажется, около 810 года) церковь и для посвященія ея вызвалъ изъ-за Рейна епископа Трирского, чтобы не дать сосѣднимъ саксонскимъ епископамъ предлога къ притязаніямъ на Залабскій край. Церковь эту онъ поручилъ какому-то священнику Геридагу, котораго и предназначалъ къ занятію будущей епископской кафедры въ Гамбургѣ; на случай непріятельскаго нападенія, онъ пожаловалъ ему во Фландрію монастырь, гдѣ онъ могъ укрываться на время опасности. Но Геридагъ вскорѣ умеръ, и военныя тревоги въ Нордалбингін помѣшали Карлу приступить къ учрежденію гамбургской митрополіи (*). Его мысль осуществилась въ царствованіе его сына. Покуда нужно было думать еще только о военномъ утвержденіи въ Нордалбингін. Неразуміе Бодричей помогло въ этомъ Германіи.

Предшествовавшія событія еще недостаточно убѣдили ихъ въ опасности со стороны Запада. Они не обратили вниманія на то, что Карлъ, которому они оказали столько услугъ, не только не поддерживалъ ихъ во время опасности, но тотчасъ послѣ нападенія на

(*) Rimberti vita S. Anskarii, 12. — Адамъ Бременск. I, 15. Quo tempore quum Sclavorum quoque gentes Francorum imperio subicerentur, fertur Karolus Hammaburg civitatem Nordalbingorum, extracta ibidem ecclesia, Heridago cuidam sancto viro, quem loci episcopum designavit, ad regendum commendasse. Cui etiam propter infestationem barbaricam, ubi interdum posset consistere, cellam Rodnach (Renaix in Flandria orientali: vide diplom. Hludovici 834, Mail 15, ecclesiae Hammaburgensi: примѣчаніе издателя въ Mon. Germ.) donavit, disponens eandem Hammaburgensem ecclesiam cunctis Sclavorum Danorumque gentibus metropolim statuere. In qua re ad perfectum ducenda et mors Heridagi presbyteri et occupatio regni Karolum imperatorem . . . impedivit.

нихъ Датчанъ, вступилъ въ мирные переговоры съ королемъ Годофридомъ. Весь гнѣвъ ихъ былъ направленъ на ихъ же братій, Велетовъ. Какъ скоро великій князь Дражко, воспользовавшись тишиною, наставшею послѣ отплытія датскаго короля, возвратился въ свое княжество, онъ сталъ готовить месть этимъ домашнимъ врагамъ бодрицкаго племени. Для того онъ поспѣшилъ помириться съ главнымъ виновникомъ бѣды, постигшей его и Бодрицкую землю, съ датскимъ государемъ, и даже далъ ему въ заложники своего сына, лишь бы Годофридъ отказался отъ содѣйствія Велетамъ. Затѣмъ, онъ заключилъ союзъ съ другимъ исконнымъ врагомъ своего народа, Саксами, содержавшими военную линію на Эльбѣ, и Саксы, дѣйствуя уже какъ подданные императора Карла, обѣщали бодрицкому князю вспомогательный отрядъ противъ прежнихъ друзей своихъ, Велетовъ (809 годъ). Замѣчательная перемѣна отношеній, свидѣтельствующая о томъ, что Саксы уже забыли свои прежнія племенные вражды и связи, и сдѣлались представителями интересовъ Германской имперіи въ славянскихъ дѣлахъ. Саксы въ 809 году играютъ ту же роль на Славянскомъ поморьѣ, какую въ 789-мъ играли Франки, подъ предводительствомъ Карла, въ противность Саксамъ: они теперь поддерживаютъ ближайшую и слабѣйшую славянскую вѣтвь, противъ которой вели такъ долго пограничную войну, пока стояли на одинаковой съ нею ступени племеннаго быта, и пользуются союзомъ съ нею для нанесенія удара въ отдаленнѣйшей и сильнѣйшей вѣтви, главной хранительницѣ славянской независимости на поморьѣ.

Походъ Дражка съ отрядомъ Саксовъ противъ Велетовъ былъ весьма удаченъ. Они опустошили огнемъ и мечемъ Велетскую землю и возвратились оттуда съ огромною добычею.

За тѣмъ, Дражко выпросилъ себѣ еще большее подкрѣпленіе изъ саксонской *марки* и пошелъ войною на Смольнянъ, которые, какъ мы знаемъ, отпали отъ союза бодрицкихъ племенъ, и заключивъ дружбу съ врагами Нѣмцевъ, Велетами и Датчанами, нанесли въ предыдущемъ году значительный уронъ войску Карла Великаго. Бодричи и Саксы взяли и разрушили главный городъ Смольнянъ, который нѣмецкая лѣтопись называетъ Connoburg (1): предпола-

(1) Chron. Moissiac. (M. G. I, 308) годъ 809 годомъ: Karolus . . . in illa aestate misit scaras suas ad marchias. Et aliquie d' illis Saxones venerunt ultra Albiam et

югъ, что онъ лежалъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ село Коповъ, близъ городка Dömitz, въ южной оконечности Мекленбургѣ (¹). Нѣмецкое названіе *Connoburg*, вѣроятно, передѣлано изъ славянскаго Конѣва.

Нѣтъ сомнѣнія, что эта война велась не противъ однихъ только Смольнянъ, племени слабого, занимавшаго, какъ видно, малое пространство земли. Конечно, Смольнянамъ помогали ихъ сосѣди и всегдашніе союзники Глиняне и другія вѣтви Бодричей, не хотѣвшіе повиноваться велико-княжеской власти Дракко: иначе трудно бы было понять, почему бы Дракко, для борьбы съ Смольнянами, потребовалъ у Германіи большіхъ вспомогательныхъ силъ, нежели для похода противъ могущественныхъ Велетовъ. Важное значеніе войны, которая велась тогда въ краѣ Смольнянъ, видно изъ того, что взятіе главнаго ихъ города повлекло за собою усмиреніе всѣхъ бодрицкихъ племенъ: всѣ онѣ снова покорились Драккѣ, какъ своему общему князю.

Но это ни къ чему уже не вело. Уже не воротить было Бодричамъ устья Эльбы и прежняго своего могущества. Германія болѣе и болѣе утверждалась въ Нордалбингѣ и умножала тутъ свои военныя силы, на порогѣ Балтійскаго поморья. Еще въ томъ же 809 году императоръ Карлъ велѣлъ собрать во Франціи и Германіи людей годныхъ къ военному ремеслу, снабдилъ ихъ оружіемъ и всѣмъ нужнымъ для переселенія и отправилъ ихъ моремъ изъ Фрисландіи въ устье Эльбы. Кажется, ихъ водвореніе возложено было на вѣрнаго слугу Нѣмцевъ, бодрицкаго князя Дракко. По судьба избавила его отъ тяжелой обязанности—готовить Германіи новую силу къ завоеванію его собственной родины. Онъ былъ убитъ въ Рарогѣ (извѣстной намъ торговой пристани Бодричей) людьми, подосланными датскимъ королемъ Годофридомъ. Императоръ Карлъ

fregerunt ibi unam civitatem cum nostris Hwinlids qui appellantur Semeldinc, Connoburg. Эннгардъ (тамъ же, 196): Thrasco vero dux Abodritorum, postquam filium suum postulanti Godofrido obsidem dederat, collecta popularium manu et auxilio a Saxonibus accepto, vicinos suos Wiltzos aggressus, agros eorum ferro et igni vastat, regressusque domum cum ingenti praeda, accepto iterum a Saxonibus validiori auxilio, Smeldingorum maximam civitatem expugnat, atque his successibus omnes, qui ab eo defecerant, ad suam societatem reverti coegit. Сравни также *Annal. Fuldens.* тамъ же 354, *Chron. Beginonis*, тамъ же 565.

(¹) См. *Ledebur, Feldzüge* и проч. стр. 185 и слѣд. Что въ этомъ именно краѣ находилась земля Смольнянъ, подтверждается существованіемъ тамъ мѣстностей *Gross-Schmölen* и *Klein-Schmölen* (*Schmölen*—Смольно).

поручить устройство переселенія одному изъ своихъ графовъ, Эгберту. На рѣкѣ Стыри (Sturia; Stör), впадающей въ Эльбу у самаго ея устья, выбрано было средоточіе для военныхъ силъ въ Нордалбингін. Мѣсто это называлось Эсесфельдъ. Эгбертъ и другіе графы (волостные начальники) Саксовъ привели сюда вооруженныхъ колонистовъ, и въ мартѣ 810 года приступили къ постройкѣ крѣпости Эсесфельдобургъ, которая теперь называется Itzehoe (въ западной Голштиніи, на сѣверъ отъ Глюкштадта). Этимъ Залабекская марка получила окончательное утвержденіе. Она въ предположеніяхъ Карла основана была столько же противъ Датчанъ, сколько противъ Славянъ, и кажется даже, что желаніе имѣть пограничную точку опоры противъ Датчанъ, которые начинали сильно тревожить Германію и Францію своими нападеньями съ моря, болѣе всего побудило тогда Карла къ военному занятію Нордалбингін (1). Но въ своихъ послѣдствіяхъ эта мѣра оказалась направленною почти исключительно противъ Славянъ. Съ Датчанами Германія мало-помалу ужилась: голоеъ кровнаго родства былъ сильнѣе политическаго соперничества, и Данія вступила въ братство западныхъ народовъ. Съ Балтійскими Славянами Германія ужиться не могла, и братства между ними никогда не настало. Для Балтійскихъ Славянъ военное занятіе Нордалбингін Германіею было роковымъ событіемъ. Нѣмецкій народъ, который въ 804 году совершенно удаленъ — былъ за Эльбу, теперь переступилъ снова эту природную грань и опять основался на порогѣ Славянскаго поморья, въ сосѣдствѣ Бодричей; но то не были уже независимые Саксы, раздѣленные на мелкія племена и волости, а правильно устроенное военное поселеніе, сторожевой отрядъ

(1) Энггардъ (M. G. I, 196) подъ 809 годомъ: Imperator . . . cum ei multa de iactantia et superbia regis Danorum nuntiarentur, statuit trans Albiam flumen civitatem aedificare, Francorumque in ea ponere praesidium. Cumque ad hoc per Galliam atque Germaniam homines congregasset armisque ac caeteris ad usum necessariis rebus instructos per Frisiam ad locum destinatum ducere iussisset, Thrasco dux Abodritarum in emporio Beric ab hominibus Godofridi per dolum interfectus est. Sed imperator, postquam locus civitati constituendae fuerat exploratus, Egbertum comitem huic negotio exsequendo praeficiens, Albim traicere et locum iussit occupare. Est autem locus super ripam Sturiae fluminis, vocabulo Esesfelth, et occupatus est ab Egberto et comitibus Saxoniciis circa idus Martis et muniri coeptus.

сильного, завоевательного государства. И съ тѣхъ поръ Нѣмцы уже не возвращались за Эльбу, а шли впередъ шагъ за шагомъ, захватывая земли сосѣдей своихъ, пока не овладѣли, наконецъ, всѣмъ славянскимъ берегомъ Балтійскаго моря. И тутъ не остановились они, и шли все дальше и дальше, и успокоились и отдохнули только, когда знамя, водруженное Карломъ Великимъ въ Гамбургѣ и на Эссескомъ полѣ, развѣвалось въ Ревелѣ и Нарвѣ. Нельзя сочувствовать этому подвигу, какъ всякому насилию и истребленію народностей; но нельзя отказать въ справедливой дани удивленія желѣзной твердости и настойчивости средне-вѣковой Германіи: въ IX и X вѣкѣ ни слова не говорилось по-нѣмецки на всемъ берегу Балтійскаго моря, а въ XIV-мъ нѣмецкій языкъ былъ господствующимъ отъ Голштиніи до Финскаго залива.

V.

Последніе войны Карла Великаго съ Балтійскими Славянами. Нѣмецкая военная линія на правомъ берегу Эльбы. 810—811.

Бодричи не противились утвержденію нѣмецкаго владычества въ отнятой у нихъ Нордалбингіи. Они благоговѣли еще передъ Западнымъ императоромъ. Въ 810 году Карлъ пришелъ съ войскомъ въ землю Саксовъ, чтобы открыть военныя дѣйствія противъ Датчанъ, раззорившихъ берега Германіи; тогда Бодричи послали въ его станъ, расположенный у города Вердена на Везерѣ, своихъ старшинъ, чтобы просить императора объ утвержденіи у нихъ великаго князя, на мѣсто убитаго Дражка ⁽¹⁾. Въ этотъ санъ возведенъ былъ какой-то Славоміръ ⁽²⁾. Велѣдствіе чего Бодричи выбрали его, неизвѣстно; мы знаемъ только, что онъ получилъ велико-княжеское достоинство не по наслѣдству, помимо правъ Дражкова сына, Чедрага. Утверждая у Бодричей великаго князя, Карлъ, конечно, требовалъ отъ нихъ помощи для похода въ Данію; но война

(1) Annal. Fuldens. подъ 810 г. Carolus imperator cum exercitu Francorum perrexit in Saxoniam, et ibi placitum habuit in Fereda, et ibi Wenedi venerunt, et dedit illis regem.

(2) Эннгардъ подъ 817 г. (M. G. I, 294): regiam potestatem, quam Sclaomir eatenus post mortem Thrasconis solus super Abodritos tenebat.

не состоялась. Предприимчивый Годфридъ былъ убитъ однимъ изъ своихъ слугъ, а наслѣдникъ его заключилъ миръ съ императоромъ.

Между тѣмъ Велеты, всегдашніе враги Нѣмцевъ, напали на марку, основанную Карломъ на границѣ ихъ друзей и союзниковъ, Глинянъ и Смолянъ. Перебравшись черезъ Эльбу, они, безъ сомнѣнія съ помощію этихъ племенъ, осадили крѣпость *Hochbucki* (напротивъ Ленцена), охраняемую гарнизономъ Саксовъ, взяли и разрушили ее ⁽¹⁾.

Первымъ дѣломъ Карла, послѣ примиренія съ новымъ королемъ датскимъ Геммингомъ, было отомстить Славянамъ за этотъ уронъ и возстановить Полабскую Украину. Онъ послалъ войско въ землю бодрицкихъ племенъ, жившихъ въ непосредственномъ соосѣдствѣ съ маркою, именно Глинянъ, о которыхъ мы не разъ встрѣчали извѣстіе, и какихъ-то Бытенцевъ, если мы только правильно читаемъ это имя, которое въ современныхъ нѣмецкихъ памятникахъ пишется *Bethenr*, *Bethenici*. Племя это было незначительно, и вскорѣ исчезло, вмѣстѣ съ Смолянами, въ болѣе общемъ имени Полабцевъ, которое придавалось Славянамъ, жившимъ на берегу нижней Эльбы, въ нынѣшнемъ Лауенбургскомъ краѣ и близлежащей части Мекленбурга ⁽²⁾. Земля Глинянъ и Бытенцевъ была опусто-

⁽¹⁾ Энггардъ (тамъ же, 197) подъ 810 годомъ; *Annal Fuldens.*, тамъ же, 335.

⁽²⁾ Въ IX и X вѣкахъ имя Полабцевъ вовсе не встрѣчается; въ XI напротивъ, имена Смолянъ и Бытенцевъ не упоминаются въ исчисленіи славянскихъ племенъ на Эльбѣ, а Полабцы являются въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы во время Карла В. находимъ эти племена. Вѣроятно Смоляне, Бытенцы и, можетъ быть, еще другія племена вѣтви, имена которыхъ не дошли до насъ, слились, съ теченіемъ времени, въ одно племя и приняли тогда названіе Полабцевъ. О Бытенцахъ упоминаетъ безымянный баварскій географъ, писавшій въ концѣ IX вѣка (Шафарикъ, Слав. Древн. Прилож. ко второму тому, 69): *Linaa* (Глиняне) *est populus, qui habet civitates VII. Prope illis resident, quos vocant Bethenici et Smeldingon et Morizani, qui habent civitates XI.*—*Chron. Moissiac.* (M. G. I, 309): *Misit Karlus imperator exercitum Francorum et Saxonorum ultra Albiam ad illos Sclavos qui nominantur Linae et Bethenr; et vastaverunt regiones illas et aedificaverunt iterum castellum in loco qui dicitur Abochi* (во второй редакція той же хроники, M. G. II, 259, очевидно по ошибкѣ, написано *Bechelenzl*). Шафарикъ (Слав. Древн. II, 3, 151) читаетъ это имя *Bethenici*, *Bethenr*—Вѣтники, и прибавляетъ: «Дитмаръ подъ именемъ Вѣтниковъ приводитъ особый родъ вооруженной городской стражи, именно: *In ea parte (Misnae urbis), qua satellites habitant, dicti slavonice vethenici, Cukesburgienses (Kukesburger, иначе по-нѣмецки Burgwachter).* Названіе *вѣтники*, множеств. *вѣтники*, вѣрнѣе всего можно производить отъ корня *вѣтъ*, откуда *вѣта* (*habita-culum*), *носль* (*pagus*), *вѣтати* (*habitare*), или отъ *вѣлнати*, *завѣлнати*, нѣмец-

шена, и послѣ того нѣмецкое войско занялось возстановленіемъ крѣпости *Hochbucki* (811).

Въ слѣдующемъ году Карлъ снарядилъ походъ противъ главныхъ соперниковъ Германіи на поморьѣ, *Велетовъ*. Три войска были одновременно направлены противъ нихъ: одно пошло черезъ землю Бодричей, вѣроятно изъ Нордалбингін, и конечно получило отъ Бодричей подкрѣпленіе; два другихъ войска двинулись изъ Полабской марки на сѣверъ, на встрѣчу первому отряду, шедшему съ запада. Велеты просили мира, дали Нѣмцамъ заложниковъ и объявили покорность императору ⁽¹⁾.

✓ Усмиривъ такимъ образомъ ближайшія племена славянскія, не опасаясь Датчанъ, которые заняты были въ то время внутренними раздорами, и опираясь на укрѣпленія, уже устроенныя, Карлъ довершилъ начатое дѣло: распространилъ и утвердилъ Залабскую марку. «Семь лѣтъ земли Нордалбингская была въ плѣну», писалъ потомъ въ одной грамотѣ его сынъ, императоръ Людовикъ: плѣнь этотъ былъ славянскій; но (въ 811 году) Карлъ поручилъ извѣст-

кое *hagen*, какъ бы охранители, защитники. Слѣдовательно, неизвѣстно, что такое были эти *вѣтники*, особенная ли вѣтъ народа, или же только отдѣльное сословіе обитателей. Жилищъ ихъ по сю пору нельзя надлежаще опредѣлить. Можно согласиться, что Мышненскіе (Мейсенскіе) *вѣтники* были сословіемъ служилыхъ людей, какъ и говоритъ Титмаръ, и что имя ихъ происходило отъ указанного Шафарикомъ корня. Но что есть общаго между ими и племенемъ *Bethenici*, *Betheniz*, съ которымъ Карлъ Великій велъ войну на нижней Эльбѣ, кромѣ сходства именъ, и то отличающихся начальными буквами *б* и *в*, которыя у Нѣмцевъ рѣдко смѣшивались. Я сказалъ, что племя *Bethenici* является въ мѣстахъ, гдѣ въ послѣдствіи мы встрѣчаемъ Полабцевъ: именно тамъ была цѣлая волость, называвшаяся *terra Boitin* (къ принадлежащемъ Ольденбургу Любекскому герцогствѣ на сѣверовостоки отъ Ратцебурга: см. подробности у Шрёдера, *Papistisches Mecklenburg*, 304 и 1631) и кромѣ того южнѣе, въ томъ же краѣ Полабцевъ, у самой Лабы, находится старинный городъ Бойценбургъ, имя котораго имѣетъ очевидно не нѣмецкое начало, не смотря на приставку *бургъ*. *Boitin*, *Boitzen-burg* по всей вѣроятности звучали по-славянски *Бытно* или *Бытенъ* (подобныя имена распространены въ Липскихъ земляхъ, напр. Бытошь, Бытывъ въ Польшѣ, Бытомъ въ Силезіи, Бытовъ въ Помераніи) и отсюда племя называлось *Бытеницы*, у Нѣмцевъ *Betheniz*, *Bethenici*.

⁽¹⁾ Chron. Moissiac. подъ 812 г. (M. G. I, 309). *Misit Karolus imperator tres scaras ad illos Sclavos qui dicuntur Wilti. Unus exercitus eius venit cum eis (т. е. ad eos) super Abodritos, et duo venerunt obviam ei ad (чит. ab) illa marchia. Sed et illi Wilti dexteras dederunt et obsides obtulerunt, et promiserunt se dare partibus imperatoris Karoli; et postea sic reversus est populus ad propria.* Einhardi Ann., тамъ же, 260. Chron. Regin., тамъ же, 566.

ному намъ уже графу Эгберту устроить въ ней защиту противъ изычниковъ. Такимъ образомъ основана была военная линия Сѣверно-саксонская, отдѣлявшая нѣмецкій и славянский край въ Нордалбингін. Сюда мало-по-малу возвращались люди, недавно выселенные франкскимъ завоевателемъ, и христіанство начинало водворяться въ этой странѣ. Я уже упомянулъ объ основаніи церкви въ Гамбургѣ и о предначертаніяхъ Карла касательно учрежденія тамъ митрополіи (*).

Нѣмецкая военная линия въ Нордалбингін соответствовала той цѣпи рвовъ и укрѣпленій, которую датскій король Годофридъ еще въ 808 году началъ строить отъ Нѣмецкаго до Балтійскаго моря

(*) Современные лѣтописцы не упоминаютъ объ этихъ распоряженіяхъ Карла; но на нихъ ясно указываетъ грамота императора Людовика гамбургской митрополіи отъ 15 мая 831 года; съ свидѣтельствомъ этой грамоты сходно преданіе, записанное Адамомъ Бременскимъ (жившимъ во второй половинѣ XI вѣка) о началѣ христіанства въ Нордалбингін. Ни Адамъ Бременскій, ни грамота императора Людовика не опредѣляютъ года основанія нордалбингской военной линии и гамбургской церкви. Въ грамотѣ сказано только, что до того времени Нордалбингін семь лѣтъ находилась въ рукахъ варваровъ: стало быть, учрежденія эти относились бы къ 811 году, такъ какъ въ 804 эта земля отдана была Карломъ Славянамъ. Къ 811 году мы и относимъ окончательное въ ней устройство военной укрѣпленія нѣмецкой; но изъ другихъ обстоятельствъ видно, что постепенное водвореніе тамъ власти германскаго императора началось уже съ войны 808 года.—Вотъ слова грамоты, на которыхъ мы ссылались (Cod. Pomer. 5: Genitor etenim noster gloriose memorie Karolus omnem Saxoniam ecclesiastice religioni subdidit, iugumque Christi adusque terminos Danorum atque Scavorum, corda ferocia ferro perdomans, ferre docuit. Ubi inter has utraque gentes Danorum siue Winedorum ultimam Saxonie partem sitam et diversis periculis, temporalibus videlicet ac spiritualibus, interiacentem prospiciens, pontificalem ibidem sedem fieri decrevit trans Albiam. Unde postquam terram Nordalbingorum laxata captivitate, quam ob multam perfidiam in ipsis christianitatis initiis patratam per septennium passi sunt, ne locus ille a barbaris invaderetur, Ecberto comiti restituere preceperat, non iam vicinis episcopis locum illum committere voluit, sed ne quisquam eorum hanc sibi deinceps parrochiam vindicaret, ex remotis Gallie partibus quendam episcopum, Amalarium nomine direxit, qui primitivam ecclesiam ibidem consecraret. Sed et eidem ecclesiae sacras reliquias ac plura ecclesiastica munera pia largitate specialiter destinare curavit. Postmodum vero captivis optatam ad patriam undique confluentibus, eandem parrochiam cuidam presbitero Heridac nomine specialiter commendavit, quem universe Nordalbingorum ecclesiae disposuerat consecrari episcopum Delegavit etiam eidem presbitero quandam cellam Hrodnae (вѣроятно Renaix въ восточной Фландріи) vocatam, quatinus eidem loco periculis undique circumdato fieret supplementum. Sed quia consecrationem iam dicti viri velox ex hac luce transitus pii genitoris nostri in diebus eius fieri prohibuit, et проч. Сравни Адама Бременскаго. I, 15.

по рѣкѣ Эгидорѣ (Eyder), для огражденія съ юга своихъ владѣній, и которая охранялась тоже сторожевыми отрядами (*). Нѣмецкая линія, какъ ее, по словамъ Адама Бременскаго, установилъ Карлъ и его преемники, начиналась у нижней Эльбы, именно отъ мѣстности Мезенрѣче (Mescenreiza) (*), т. е. Междурѣчье, нѣсколько южнѣе нынѣшняго Лауенбурга, и шла на сѣверъ къ рѣкѣ Delvunda (нынѣ Delvenau или Stecknitz) (*), потомъ къ источникамъ р. Бѣлны (у Нѣмцевъ Bilena, теперь Bille), прямо на сѣверъ къ Виспирку (теперь Везенбергъ, на Травнѣ, верстахъ въ 10 на западъ отъ Любека), потомъ на сѣверо-западъ, съ нѣкоторыми изгибами по рѣкѣ Борзнику или Борзиницѣ (Birznig, теперь Bissenitz) и далѣе къ Боле-лонкамъ (Bulilunkin, теперь Blunk) и наконецъ по теченію рѣки Свентины къ Кильскому заливу (*). При Карлѣ линія эта шла нѣсколько западнѣе; мы знаемъ, что она подвинута

(*) Энггардъ подъ 817 г. (M. G. I, 204): *Gluomi custos Nordmannici limitis* (съ датской стороны).

(*) Трудно опредѣлить въ точности, какъ звучали у Славянъ эти имена, обозначенныя нѣмецко-латинскимъ правописаніемъ. Адамъ Бременскій говоритъ: *ab Albiae ripa orientali usque ad rivulum quem Slavi Mescenreiza vocant*. Что Mescenreiza значитъ Междурѣчье — не можетъ быть сомнѣнія; я предполагаю, что первую часть слова (*mescen*) т. е. *между*, слѣдуетъ читать *мезен* (съ носовымъ *н*), ибо старо-славянскому *жд*, польскому *dz* въ рѣчи Балтійскихъ Славянъ, какъ видно изъ другихъ примѣровъ и изъ теперешняго языка Померанскихъ Словинцевъ, соответствовало *з*, а присутствіе носоваго звука (*мезен*) законно при существованіи въ старо-слав. формѣ *междз*, въ польск. *między* (гдѣ носовая перешла неорганически изъ втораго слога въ первый). Но убѣдившись въ томъ, что Mescenreiza есть Мезенрѣчье, мы спросимъ: какинъ образомъ ручей (*rivulus*) могъ называться Междурѣчьемъ? По всей вѣроятности, Адамъ Бременскій ошибся и принялъ за славянское названіе пограничнаго ручья или мѣстности, въ которой протекалъ этотъ ручей. Мѣстность эта, какъ видно изъ дальнѣйшаго направленія границы, была, вѣроятно, островокъ ниже Лауенбурга, образуемый Эльбою и рѣкою Delvenau, впадающею въ нее тутъ двумя, довольно широко расходящимися, рукавами, дѣйствительное *междурѣчье*. — Въ имени *Bulilunkin*, очевидно, вторая половина есть то же слово, что польск. *łąka* (лугъ), очень часто встрѣчаемое въ мѣстныхъ названіяхъ на Славянскомъ поморьѣ; первая часть, *buli*, всего лучше подходитъ къ слову *боле*, хотя такое сочетаніе довольно необычно.

(*) Рѣка Delvunda, у Энггарда Delbende, теперь Delvenau, впадаетъ, какъ замѣчено, у Лауенбурга въ Эльбу и составляетъ нынѣ границу между Голштейнъ-Лауенбургскимъ владѣніемъ датскаго короля и Мекленбургіею. Она соединена каналомъ съ р. Stecknitz, впадающею въ Траве у Любека, вслѣдствіе чего и на нее переносится теперь названіе Stecknitz.

(*) Адамъ Брем. II, 15. Географическія данныя, имъ приведенныя, подробно разобраны въ статьѣ Веденіада: «*limes Saxoniae*» (Noten zu einigen Geschichts-

была до Стекицы въ 822 году; прежде, вѣроятно, р. Бѣлина, впадающая въ Эльбу близъ Гамбурга, составляла границу. Точно также и на сѣверной сторонѣ линію, кажется, подвинули отъ верхняго теченія Эгидоры или Эйдера къ параллельной съ нимъ Свентиной. На западъ отъ Бѣлины, верхняго теченія Эгидоры и черты, между ними проведенной, нѣтъ ни одного славянскаго мѣстнаго названія; очевидно, что тамъ была исконн. земля нѣмецкая и что Славяне, получивъ этотъ край на короткое время отъ Карла В., не успѣли основаться въ немъ. Въ полюсѣ (верстѣ отъ 5 до 15 шириною) между этою предполагаемою первоначальною границею Нѣмцевъ и военною линіею, описанною Адамомъ Бременскимъ, мы находимъ нѣсколько славянскихъ именъ среди множества нѣмецкихъ. Славянскія имена расположены тамъ, можно сказать, тремя кучками: на югѣ, близъ Эльбы, между Бѣлиной и Стекицей, въ серединѣ, близъ р. Травны, и на сѣверѣ близъ Кильскаго залива, между Эгидорой и Свентиной ⁽¹⁾. Очевидно, что тутъ Нѣмцы захва-

schreibern, I, 1). Вотъ полный текстъ описанія Адама Бременскаго и объясненіе именъ, которыя читатель легко отыщетъ на подробной картѣ Голштиніи: *Invenimus quoque limitem Saxoniae quae trans Albiam est, praescriptum a Karolo et imperatoribus ceteris, ita se continentem. Hoc est ab Albiae ripa orientali usque ad rivulum quem Sclavi Mescenrēiza vocant, a quo sursum limes currit per silvam Delvunder usque in fluvium Delvundum (теперь Delvenau) sicque pervenit in Horchenbici (теперь Hornbeck) et Bilenspring (источникъ рѣки Bille); inde ad Liudwinstein (неизв.) et Wispircon (теп. Wesenberg) et Birznig (рѣчка Bissenitz, у села Pronsdorf) progreditur. Tunc in Horbinstenon (неизв.) vadit usque Travena silvam (Travenhorst) sursumque per ipsam in Bullunkin (Blunk), mox in Agrimeshov (теп. Tauscheck, см. Helmold. I, 57, 63) et recto ad vadum quod dicitur Agrimeswidil (Stocksee) ascendit. Ubi et Burwido fecit duellum contra championem Sclavorum interfecitque eum, et lapis in eodem loco positus est in memoriam. Ab eadem igitur aqua sursum procurrens terminus in stagnum Colse (вѣроятно Plöner—see, см. Ведкинда, тамъ же, стр. 13) vadit, sicque ad orientalem campum venit Zuentifeld (Bornhöved, см. Helmold. I, 94) usque in ipsum flumen Zuentinam (Schwentine), per quem limes Saxoniae usque in pelagus Scythicum (Балтійское море) et mare quod vocant orientale delabitur.*

⁽¹⁾ Вотъ эти имена, которыя мы нашли на подробной картѣ Голштиніи: на сѣверѣ, между нижнимъ Эйдеромъ и Свентиной: Preetz (Порѣтье), Barkau (Борково), Warnau (Варново), Loptin (Лопатино), Stolpe (Стольцъ); въ серединѣ, по обѣимъ сторонамъ Травы: Wensin; Rönnau; Rissen; Mözen; Bühlau (по-славянски мы этихъ именъ не пишемъ, потому-что трудно опредѣлить въ точности ихъ славянскую форму, хотя происхожденіе изъ славянскаго языка кажется несомнѣннымъ); Leezen (Лѣшино?); Tralau; Nütschau; Vinzier; Grabau (Грабово); Barnitz (Барница); Politz (Полица);—на югѣ, между Бѣлиной и Стекицей: Trittau; Lanken (Ланки

тили въ свою Украину ближайшіе участки славянской земли. Это произошло вскорѣ послѣ основанія Нордалбингской линіи Карломъ Великимъ, какъ видно изъ словъ лѣтописца, который говоритъ: «Въ 822 году Саксы, по приказанію императора (Людовика), построили за Эльбою крѣпость на мѣстѣ, называемомъ *Delbende* (*Delbende*, у Адама Бременскаго *Delvunde*, теперь *Delvenau*), выгнавъ оттуда Славянъ, которые прежде занимали это мѣсто, и поставили тамъ, противъ ихъ набѣговъ, сторожевой отрядъ (*praesidium*) Саксовъ» (*).

Послѣдніе два года царствованія Карла (813—814) прошли мирно въ этой сторонѣ. Славяне ничего не предпринимали. Биографъ великаго императора, Энигардъ, писалъ, съ самодовольствомъ, что всѣ варварскіе народы отъ Дуная до Вислы и Балтійскаго моря, «почти сходные по языку, но весьма разнообразныя нравами и образомъ жизни», были «до такой степени укрощены Карломъ, что признали себя его данниками; что кромѣ Велетовъ, (Лабскихъ) Сербовъ, Бодричей и Чеховъ, съ которыми онъ воевалъ, всѣ прочіе, гораздо многочисленнѣйшіе, добровольно поддались ему». Въ этихъ хвастливыхъ словахъ мы слышимъ отголосокъ мнѣній, господствовавшихъ при дворѣ Западнаго императора. Успѣхъ нѣмецкаго оружія у пограничныхъ племенъ славянскихъ, которыхъ не поддерживали ихъ восточные братья, Ляхи на Одрѣ и Вислѣ, казался ручательствомъ въ покорности остальнаго славянскаго міра; въ Римѣ и Ахенѣ видѣли уже осуществленіе идеальной задачи новосозданной имперіи, видѣли уже на дѣлѣ владычество римско-германскаго христіанства надъ славянскимъ варварствомъ.

Но въ послѣдніе годы своей жизни, непобѣдимый Карлъ чувалъ что-то недоброе впереди. Не со стороны миролюбивыхъ и раздѣленныхъ, хотя несмѣтныхъ чиселъ, Славянъ грозила опасность Западу; а со стороны немногочисленныхъ, но предприимчивыхъ, вѣчно искавшихъ боя и добычи, Скандинавовъ. Съ первыхъ лѣтъ

т. е. Ляхи, луга), Kankelow (Канколево), Ramrau (Рампово), Grabau (Грабово), Nüssau, Pötrau, Witzetze (Висѣцы: это же имя встрѣчается и въ Древнѣйшей землѣ), Wangelau (Вангелево или Вангелово), Collow, Gülow, Krukow (Брукново), Lütau (Лютово), Basedow, и быть можетъ нѣкоторыя другія.

(*) Энигардъ, M. G. I, 209.

IX-го столѣтія какой-то таинственный порывъ овладѣлъ жителями Давин, Швеціи, Норвегіи, какъ будто бы имъ стало вдругъ тѣсно дома, или они хотѣли выместить на всемъ родѣ человѣческомъ обиду Одина и Тора, покинутыхъ всѣми остальными германскими племенами для поклоненія кресту Спасителя. Замѣчательно, что первымъ признакомъ приближающейся бури открывается IX-е столѣтіе въ лѣтописяхъ Запада. Вотъ слова Энгарда ⁽¹⁾: «800 годъ. Когда настала весна, около половины марта, король (Карлъ Великій), отправившись изъ Ахена, осмотрѣлъ берега Гальскаго океана (Ламанскаго пролива и Атлантики), построилъ флотъ на этомъ морѣ, которое въ то время было тревожимо разбойниками-Норманнами, и распредѣлить сторожевые отряды». Какое впечатлѣніе должна была произвести на монархію западнаго христіанства, только что сознавшую себя преемницею міродержавнаго и непобѣдимаго Рима, гордыня датскаго короля Годофрида, этого перваго представителя норманнской дѣятельности въ Европѣ, который, изложивъ Бодричей, возвышенныхъ Карломъ, считалъ уже землю Саксовъ и Фризовъ своею областію и объявлялъ, что скоро явится съ войскомъ въ Ахенъ, столицу грознаго императора ⁽²⁾! Какое впечатлѣніе долженъ былъ произвести на поколѣніе, исполненное вѣры въ примѣты, тотъ случай (записанный самимъ придворнымъ біографомъ, Энгардомъ), что когда императоръ шелъ войною (810) на этого отважнаго вождя Норманновъ, и однажды выступилъ въ чело войска, передъ восхожденіемъ солнца, изъ своего стана, вдругъ передъ нимъ пронесся по небу, съ права на лѣво, какъ бы свѣточъ, и въ ту минуту, какъ всѣ смотрѣли на диво, лошадь подъ государемъ споткнулась на переднія ноги и сбросила его съ себя ⁽³⁾! Въ народѣ ходила смутная молва. Одинъ святой мужъ ⁽⁴⁾, какъ рассказывали также въ то время, видѣлъ во снѣ, что солнце взошло какъ бы съ сѣвера и повеслось по небу, гонимое тучами, и скрылось, и тучи заволокли все небо.

Что сдѣлають Балтійскіе Слѣяне среди грозы, которая подымалась на Германію и весь западъ Европы?

(1) M. G. I. 187.

(2) Einh. vita Karoli M. (M. G. II, 450).

(3) Тамъ же, 460.

(4) Св. Людгеръ, первый епископъ мюнстерскій: см. Гизебрехта, wendische schichten I, 10.

VI.

Последние годы мирной зависимости Балтийских Славянъ отъ Каролингской имперіи. Славоміръ и Чедрагъ. 814—826.

Послѣ смерти Карла Великаго нѣсколько лѣтъ протекло довольно мирно. Нужно было время, чтобы расшатать огромное зданіе, имъ воздвигнутое и въ которомъ семья романо-германская достигла своего давнишняго церковно-политическаго идеала. Преемникъ Карла, Людовикъ Благочестивый, не искалъ расширить это зданіе: силъ уже не доставало. Оно держалось еще въ томъ видѣ, какъ было, и только набѣги Датчанъ и другихъ Скандинавовъ, которыхъ западная Европа привыкала называть общимъ именемъ Норманновъ, тревожили спокойствіе нѣмецкихъ и французскихъ береговъ. Пограничные Славяне продолжали повиноваться Западному государю, одни по доброй волѣ и старой привычкѣ, какъ Бодричи, другіе изъ страха передъ державою, надъ которою царила еще великая тѣнь Карла.

Въ 815 году императоръ Людовикъ отправилъ войско въ Данию, чтобы усмирить Датчанъ и посадить на датскій престолъ союзника Германія, Гаральда. Въ то время Данию оспаривали другъ у друга двѣ вѣтви королевскаго рода: дѣти Альфедена и дѣти Годофрида. Первые склонялись къ дружбѣ съ Западною имперіею и къ принятію христіанства, вторые были представителями язычества и необузданной отваги *викинговъ*. Послѣ убійства Годофрида (810), сначала восторжествовали миролюбивые сыновья Альфедена. Старшій, Геммингъ, какъ мы уже сказали, успѣшилъ прекратить войну съ Нѣмцами. Онъ скоро умеръ. Тогда (813) сыновьямъ Годофрида, Олаву и Эрику, удалось выгнать изъ Дании братьевъ Гемминга, изъ которыхъ старшій былъ Гаральдъ. Они бѣжали сначала къ Бодричамъ ⁽¹⁾, а потомъ явились ко двору германскаго императора. Людовикъ возложилъ походъ въ Данию на Саксовъ и Бодричей; начальникомъ императоръ назначилъ своего легата Балдрика. Два раза въ продолженіи зимы, войско

(1) Chron. Moissiac. (M. G. II, 259): venerunt filii Godofredi cum exercitu, expuleruntque Herioldum et Reganfredum et Amingum de regno ipsorum; et illi fugerunt usque ad abdita: (по другому списку: usque ad Aberiti); нѣтъ никакого сомнѣнія (какъ и предполагаетъ издатель Mon. Germ.), что эти слова Aberiti и Abdita суть испорченное переписчиками имя Abodriti.

Саксовъ пыталось перейти черезъ Эльбу, но переправа казалась слишкомъ опасною вследствие оттепелей. Только въ половинѣ мая мѣсяца выступили наконецъ въ походъ. Всѣ графы (волостные начальники) Саксонской земли и всѣ войска Бодричей участвовали въ немъ, по словамъ лѣтописца. Перешли черезъ Эгидору (Эйдеръ), пограничную рѣку Данин, вступили въ Свиландію (такъ называлась южная часть Ютландіи) и оттуда, послѣ семидневнаго перехода, достигли берега Балтійскаго моря. Славяно-нѣмецкое войско расположилось тутъ станомъ. Датскіе вожди стали насупротивъ его съ флотомъ 200 кораблей, у какого-то острова близъ берега (вѣроятно, у острова Альсена). Такъ они стояли другъ противъ друга, Датчане владѣя моремъ, Саксы и Бодричи господствуя на материкѣ: Датчане напасть не хотѣли, Нѣмцы и Славяне не могли, и удовольствовались опустошеніемъ окрестныхъ деревень. Жители дали имъ 40 человѣкъ заложниковъ, обѣщавъ, вѣроятно, признать королемъ Людовикова союзника, Гаральда. Съ этимъ ничтожнымъ успѣхомъ Саксы и Бодричи возвратились назадъ. Гаральдъ не могъ даже остаться въ Данин. Онъ явился къ императору, который находился тогда въ Падерборнѣ (въ землѣ западныхъ Саксовъ) и держалъ тамъ общій сеймъ своего государства; явились также въ Падерборнъ и Славяне. Императоръ, котораго призывали въ Италію возникшія тамъ неожиданныя замѣнательства, поспѣшилъ рѣшить дѣла, предложенныя ему славянскими посланцами, оставилъ Гаральда въ Саксоніи и уѣхалъ (*).

Въ слѣдующемъ году (816) императоръ Людовикъ вновь принималъ, въ своемъ Компьенскомъ дворцѣ недалеко отъ Парижа, пословъ отъ Бодричей (**). По какому дѣлу они пріѣзжали, объ этомъ лѣтопись не упоминаетъ; но скоро за тѣмъ послѣдовало распоряженіе, которое возводило всю Бодрицкую землю. Людовикъ приказалъ Славоміру, великому князю или «королю» Бодричей, какъ его называли Нѣмцы, раздѣлить свою власть съ Чедрагомъ, сыномъ прежняго князя Дразжа. Никогда еще Германія не позволяла себѣ такого прямаго вмѣшательства во внутреннее управленіе сосѣдняго и дружественнаго славянскаго племени. Императоръ Людовикъ об-

(*) Энггардъ подъ 815 годомъ. (M. G. I, 292) *Annal. Fuldens.* тамъ же 356. *Thegani, Vita Hludowici* (M. G. II, 593). *Vita Hludowici* тамъ же, 620.

(**) Энггардъ (M. G. I, 293).

ращался тутъ съ Бодрицкимъ княземъ точно также, какъ его отецъ бывало обращался съ своими нѣмецкими или французскими герцогами и графами. Впрочемъ, Людовикъ, слабый и чуждый какихъ-либо новыхъ политическихъ замысловъ, едва-ли сдѣлалъ это съ обдуманною цѣлью усилить вліяніе имперіи въ славянскихъ земляхъ: его, вѣроятно, подбили домашніе враги Славоміра, и мы къ этому дѣлу относимъ посольство Бодричей, пріѣхавшее въ Компьень. Какъ бы то ни было, императоръ далъ приказаніе. Славоміръ былъ въ страшномъ гнѣвѣ. Какъ! онъ, который восемь лѣтъ спокойно правилъ, какъ верховный князь, всею землею Бодрицкою, онъ, котораго утвердилъ самъ великій Карлъ и который столько разъ помогалъ Нѣмцамъ въ члѣхъ славянской рати ⁽¹⁾, вдругъ, безъ причины, будетъ лишень власти, по прихоти чужаго государя. «Никогда больше не переѣду я черезъ Лабу, воскликнулъ онъ: нѣтъ, меня уже не увидятъ онѣя при дворѣ нѣмецкаго цесаря!» ⁽²⁾. Тотчасъ отправилъ онъ посольство за море, къ датскимъ правителямъ Олаву и Эрику, которые, конечно, были рады случаю пособить новому врагу нѣмецкаго императора и отомстить Людовику за помощь, оказанную ихъ соумышленнику Гаральду. Славоміръ легко уговорилъ ихъ послать войско въ Нордалбингію. Въ скоромъ времени датскіе корабли вошли въ устье Эльбы и поднялись вверхъ по Стыри (Stör); раззоривъ ея берега, они явились подъ новою нѣмецкою крѣпостью Эсфельдобургомъ (Izehoe). Въ тоже время подступила къ ней нѣшая рать Датчанъ изъ ихъ пограничной военной линіи; къ этому войску присоединились Бодричи, которые должны были, такимъ образомъ, прорвать сторожевую цѣпь Нѣмцевъ, отдѣлявшую сѣверную марку отъ Славянъ, и пройти всю Нордалбингію. Это свидѣлствуетъ о значительности силъ, съ какими Бодричи

⁽¹⁾ Нѣмецкіе лѣтописцы не упоминаютъ о томъ, кто предводительствовалъ Бодричами въ послѣднихъ ихъ войнахъ въ пользу Германіи; но нѣтъ сомнѣнія, что это былъ старшій князь, т. е. Славоміръ, власть котораго до 817 года имѣла у Бодричей общее призваніе, по свидѣтельству самаго Энигарда (M. G. I, 201).

⁽²⁾ Энигардъ подъ 817 г. (M. G. I, 201): Causa defectionis erat, quod regiam potestatem, quam Sclaomir eatenus post mortem Thrasconis solus super Abodritos tenebat cum Ceadrigo filio Thrasconis partiri jubebatur, quae res illum tam graviter exacerbavit, ut affirmaret, se nunquam posthac Albim flumen transiturum neque ad palatium venturum. Что Балтійскіе Славяне называли нѣмецкаго императора цесаремъ, подобно другимъ современникамъ своимъ, видно изъ нѣкоторыхъ собственныхъ именъ городовъ, напр. Ziesag въ землѣ Морачанъ, и др.

выступили въ походъ, и о недостаточности средствъ защиты, которыми Германія располагала тогда въ этой сторонѣ. Но крѣпостей ни Славяне, ни Датчане въ это время брать не умѣли. Нѣмцы отстояли Эссельсдубургъ, такъ что Датчане и Бодричи сняли осаду и разошлись по домамъ ⁽¹⁾.

Годъ прошелъ. Наконецъ собралось нѣмецкое войско въ походъ противъ Славоміра. Къ силамъ, выставленнымъ Саксами и ихъ военною украиню, пришло подкрѣпленіе изъ Франконіи. У Славоміра были враги и завистники между самими Бодричами. Они воспользовались нашествіемъ Нѣмцевъ для его низложенія; онъ самъ попался въ руки нѣмецкихъ начальниковъ, и его привезли плѣнникомъ въ Ахенъ. Съ нимъ же ко двору императора явились, по приказанію Нѣмцевъ, и старшины Бодрическаго народа (вѣроятно князья мелкихъ племенъ и жупаны), и явились они обвинителями того человѣка, который рѣшился ослушаться воли нѣмецкаго государя и мечталъ о единодержавіи и независимости земли своей. Надъ Славоміромъ былъ наряженъ судъ въ Ахенѣ: онъ долженъ былъ отвѣчать на обвиненіе въ измѣнѣ противъ нѣмецкаго императора, предложенное его соотечественниками, — и западный лѣтописецъ наивно прибавляетъ, что онъ не былъ въ состояніи оправдаться «разумными доводами». Его сослали въ одну изъ областей имперіи, а великимъ княземъ или «королемъ» бодрическимъ провозгласили Дражкова сына Чедрага ⁽²⁾.

Но и Чедрагу не долго пришлось властвовать спокойно. Занявъ мѣсто несчастнаго Славоміра, онъ по необходимости вступалъ въ тѣ же политическія отношенія, какія обуславливали дѣятельность его недавняго совѣстника. Съ того дня, какъ Саксы вошли въ составъ Франкской монархіи и сдѣлались на границѣ Славянскаго поморья представителями ея стремленій къ преобладанію, союзъ Бодричей съ этою монархіею, — нужный и естественный, пока ихъ

⁽¹⁾ Энггардъ, тамъ же.

⁽²⁾ Энггардъ годъ 819 г. (M. G. I, 203): Sclaomir, . . . ob cuius perfidiam ulciscendam exercitus Saxonum et orientalium Francorum eodem anno trans Albiam missus fuerat, per praefectos Saxonici limitis et legatos imperatoris qui exercitui praeerant, Aquasgrani adductus est. Quem cum primores populi sui, qui simul iussi venerant, multis criminibus accusarent, et ille rationabili defensione obiecta sibi refellere non valeret, exilio condemnatus est, et regnum Ceadrago, Thraseonis filio datum. — Vita Bludowici, тамъ же, II, 624.

раздѣляли независимые и обоимъ одинаково враждебные Саксы, — становился совершенно невозможнымъ: ибо этотъ союзъ, по понятіямъ тогдашняго Запада, требовалъ подданства бодрицкаго князя, какъ вассала, нѣмецкому императору, а такое подчиненіе влекло за собою подчиненіе Бодричей пограничнымъ начальникамъ Саксовъ, какъ намѣстникамъ императорскимъ въ этомъ краѣ. Понятно, что Чедрагъ тотчасъ же послѣдовалъ примѣру Славоміра: онъ завелъ сношенія съ Датчанами ⁽¹⁾, чтобы найти опору противъ Германіи. Донесли объ его измѣнѣ императору. Людовикъ рѣшился низложить Чедрага, и для этого велѣлъ отпустить Славоміра на родину (821). Но Славоміръ заболѣлъ дорогою, въ Саксоніи; на смертномъ одрѣ онъ принялъ — первый изъ Балтійскихъ Славянъ — крещеніе, и скончался. Мы называли Славоміра первымъ христіаниномъ изъ Балтійскихъ Славянъ, не смотря на извѣстіе, записанное одною германскою лѣтописью, о крещеніи нѣкоторыхъ изъ нихъ въ 780 году. Но если даже это извѣстіе не выдумка, то крещеніе, принятое тогда нѣкоторыми Бодричами, союзниками Карла, не имѣло, очевидно, никакого дѣйствительнаго значенія, и было не болѣе, какъ обрядомъ, которому они подчинились, чтобы угодить могущественному союзнику, нужному для нихъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ. Сорокъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, и христіанство рѣшительно оставалось чуждымъ Балтійскимъ Славянамъ. Если бы хоть нѣсколько человекъ между ними исповѣдывали его, то Германія не преминула бы позаботиться объ учрежденіи въ ихъ землѣ іерархической власти, содѣйствіе которой было бы ей такъ полезно для ея политическаго господства надъ этими племенами. И такъ, повторяемъ, Славоміръ былъ первый Балтійскій Славянинъ, увѣровавшій во Христа: его предсмертное обращеніе было, очевидно, не вынужденнымъ, а добровольнымъ дѣломъ.

Смерть Славоміра избавила Чедрага отъ опаснаго соперника. Онъ остался правителемъ Бодричей. Но, вѣроятно, опасенія, которыя онъ внушалъ Нѣмцамъ, дали поводъ къ распространенію ихъ военной украины за Эльбою. Мы уже упоминали, что они южную часть этой украины подвинули, въ 822 году, до рѣки *Delvenan*, впадающей въ Эльбу у Лаусенбурга, и выгнали Славянъ изъ занятаго края. Славяне эти принадлежали къ Бодрицкому племени.

⁽¹⁾ Энгсгардъ подъ 821 г. (M. G. I 208).

Войны не произошло однако; напротив, Бодричи тогда же отправили къ императору пословъ на сеймъ, который онъ созвалъ въ концѣ года во Франкфуртъ. Кромѣ бодрицкихъ пословъ прѣехали туда послы и отъ Велетовъ и прочихъ пограничныхъ славянскихъ народовъ, также какъ отъ обѣихъ партій, оснадивавшихъ другъ у друга датскій престолъ ⁽¹⁾.

Послы Бодричей и Велетовъ явились къ императору, вѣроятно, съ обоюдными жалобами, и просили его посредничества, какъ бывало при Карлѣ Великомъ. Между обоими племенами произошла война, въ это-ли именно время, или нѣсколько прежде—неизвѣстно. Лѣтописецъ, по-видимому, указываетъ на то, что въ ней участвовали преимущественно восточныя вѣтви Бодричей, непосредственные сосѣди Велетовъ. Впрочемъ, объ этой войнѣ мы знаемъ только, что въ ней погибъ въ битвѣ великій князь велетскій, Любъ. Этотъ Любъ, по словамъ лѣтописца, владѣлъ Велетскою землею вмѣстѣ съ своими братьями; но какъ онъ былъ старшій, то верховная власть принадлежала ему. Онъ оставилъ двухъ сыновей, Милогостя и Цѣлодрага. Народъ Велетскій поставилъ великимъ княземъ «или королемъ» Милогостя, какъ старшаго сына. Замѣчательно, что верховная власть не перешла, какъ бывало въ древнее время у другихъ Славянъ, къ старшему въ родѣ, то есть къ брату убитаго князя: это избраніе совершилось, по замѣчанію нашего лѣтописца, согласно народному обычаю. Но затѣмъ Велеты увидѣли, что Милогость былъ недостойнъ своего сана; тогда они низложили его, и провозгласили великимъ княземъ младшаго брата. Оба, и Милогость и Цѣлодрагъ, явились въ маѣ мѣсяцѣ 823 года къ императору, который въ то время снова держалъ сеймъ во Франкфуртѣ, и предложили свой споръ на его рѣшеніе. Такого было уже тогда нравственное вліяніе Западной монархіи на мелкія и вѣчно разъединенныя племена Балтійскихъ Славянъ! Людовикъ велѣлъ узнать, на чьей сторонѣ дѣйствительно воля Велетскаго народа. Иначе онъ поступить не могъ; рѣшеніе, противное желанію народному, надобно бы было привести въ исполненіе войною, къ которой императоръ не имѣлъ охоты, а ослѣпленіе, данное имъ народному выбору, составляло для Германіи важное нравственное

⁽¹⁾ Энгартъ полъ 822 г. (M. G. I. 209).

завоеваніе. Когда Людовикъ получилъ удостовѣреніе, что народъ Велетскій дѣйствительно стоитъ на сторонѣ младшаго брата, то онъ утвердилъ его великимъ княземъ, но отпуская обоихъ совѣтниковъ, одарилъ также и отставленнаго князя, и заставилъ и того и другаго дать присягу въ вѣрности и въ дружбѣ между собою ⁽¹⁾.

На томъ же франкфуртскомъ сеймѣ возобновились обвиненія противъ Чедрага, великаго князя Бодричей, вѣроятно со стороны начальниковъ саксонской украины. Опять стали твердить императору, что онъ невѣренъ Германіи, и подкрѣпляли подозрѣнія въ измѣнѣ тѣмъ, что онъ долго, подъ разными предлогами, не являлся ко двору императорскому. Людовикъ отправилъ къ нему посольство (823). Бодричій князь старался сохранить мирныя отношенія къ Пѣмцамъ, и когда это посольство поѣхало обратно, онъ далъ ему въ спутники нѣсколькихъ почетныхъ людей изъ своего народа, которые его именемъ обѣщали императору, что онъ скоро явится къ нему лично. Дѣйствительно, онъ еще въ концѣ того же года, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ старшинъ (*primores*, т. е., вѣроятно, князей и жупановъ) земли Бодричей, пріѣхалъ во Францію, въ Компьень, гдѣ императоръ Людовикъ имѣлъ любимое свое пребываніе. Западный государь призналъ уважительными извиненія, какія онъ представилъ въ своей долгой неявкѣ; «въ разныхъ другихъ отношеніяхъ, — прибавляетъ германскій лѣтописецъ, — Чедрагъ казался виновнымъ», (мы знаемъ, какого рода были вины его) но все это было ему прощено во вниманіе къ заслугамъ его предковъ, и императоръ щедро одарилъ его передъ отъѣздомъ ⁽²⁾. Германская имперія, очевидно, уже не въ состояніи

⁽¹⁾ Энггардъ подъ 823 г. (M. G. I, 210): *inter caeteras barbarorum legationes, quae vel iussu vel sua sponte venerunt, duo fratres, reges videlicet Wiltzorun, controversiam inter se de regno habentes, ad praesentiam imperatoris venerunt, quorum nomina sunt Milegastus et Cealadragus. Erant idem filii Liubi regis Wiltzorun, qui licet cum fratribus suis regnum divisum teneret, tamen propterea quod maior natus erat, ad eum totius regni summa pertinebat. Qui cum, commisso cum orientalibus Abodritis paelio, interisset, populus Wiltzorun filium eius Milegastum, quia maior natus erat, regem sibi constituit; sed cum is secundum ritum gentis commissum sibi regnum parum digne administraret, illo abiecto, iuniori fratri regium honorem deferunt; quam ob causam ambo ad praesentiam imperatoris venerunt. Quos cum audisset et gentis voluntatem proniorem in iunioris fratris honorem agnovisset, statuit ut is delatam sibi a populo suo potestatem haberet, ambos tamen muneribus donatos et sacramento firmatos in patriam remisit.* — *Vita Hludowici* (M. G. II, 627).

⁽²⁾ Энггардъ подъ 822 годомъ (M. G. I, 210, 211).

была удерживать силою своего преобладанія надъ Славянскимъ поморьемъ. Въ это время по всей восточной границѣ Карловой державы племена славянскія мало-по-малу свергали съ себя нѣмецкое иго. Первые показали примѣръ возстанія Хорваты, къ которымъ скоро присоединились и Альпійскіе Словенцы; Чехи перестали быть данниками имперіи; Лабскіе Сербы уже въ 816 году пытались освободиться отъ Нѣмцевъ. Наконецъ, у Бодричей власть Германіи стала теперь, очевидно, только номинальною, съ тѣхъ поръ какъ она *простила* бодрицкому князю его сношенія съ заклятыми врагами имперіи, Норманнами, и удовольствовалась наружнымъ выраженіемъ покорности со стороны Чедрага.

Великій князь Бодричей продолжалъ свой прежній образъ дѣйствія, враждебный Германіи; но опять въ самой землѣ Бодричей возникли распри, и завистники Чедрага снова вызвали Нѣмцевъ на вмѣшательство въ дѣла Славянъ. Лѣтомъ 826 года пріѣхали къ императору Людовику въ Ингельгеймъ (во Франконіи на Рейнѣ) нѣкоторые старшины (primores) Бодричей, съ доносомъ на своего верховнаго князя. Они обвинили его въ неповиновеніи Германіи. Императоръ велѣлъ объявить Чедрагу, чтобы онъ явился для отвѣта на общій имперскій сеймъ, созванный въ этотъ же городъ къ октябрю мѣсяцу; иначе его признаютъ за измѣнника. Чедрагъ дѣйствительно пріѣхалъ въ Ингельгеймъ къ назначенному сроку. Людовикъ былъ въ недоумѣніи, въ чью пользу рѣшить, за великаго-ли князя, сына многозаслуженнаго Дражка, или за его противниковъ. Какъ и въ недавнемъ спорѣ между сыновьями велетскаго князя Люба, онъ боялся нарушить значеніе своего императорскаго сана приговоромъ, который былъ бы отвергнутъ Бодрицкимъ народомъ. Поэтому онъ задержалъ Чедрага при своемъ дворѣ и отправилъ къ Бодричамъ посольство, чтобы узнать тамъ настоящее расположеніе народа. Воротясь, послы донесли, что нашли у Бодричей разногласіе мнѣній касательно признанія своего «короля», но что лучшіе и знатнѣйшіе люди между ними всѣ желаютъ возвращенія Чедрага. Тогда императоръ взялъ у него заложниковъ и отпустилъ его, подтвердивъ его велико-княжеское достоинство ⁽¹⁾.

(1) Einb. a. 826 M. G. I, 214, 215.

«Между Бодричами существует разногласіе мѣній касательно признанія своего *короля*»: эти слова нѣмецкихъ пословъ, пріѣхавшихъ съ Славянскаго поморья въ 826 году, служатъ какъ бы опредѣленіемъ всей политической исторіи Балтійскихъ Славянъ. Закоренѣлые язычники, удерживаемые своими вѣрованіями въ старинномъ племенномъ бытѣ, они никакъ не могли возвыситься до понятія единства народнаго и государственнаго. Стоя на самой границѣ завоевательной имперіи, наследницы идей древняго Рима, они ей противопоставляли свою племенную раздробленность, свои внутренніе раздоры и свои *станцы*, какъ они называли священныя знамена языческихъ боговъ своихъ. Другой пограничный съ Западною имперією славянскій народъ, Чехи, рано созналъ свое единство, рано промѣнялъ племенной бытъ на государственный, рано принялъ христіанское просвѣщеніе: но и Чехамъ какъ трудно было устоять противъ Германіи! Какая же судьба ожидала Балтійскихъ Славянъ?

VII.

Освобожденіе Балтійскихъ Славянъ отъ имперіи Каролинговъ. Первая попытка христіанской проповѣди на Балтійскомъ поморьи. 826—839.

Десять лѣтъ слишкомъ ничего не слышно о Балтійскихъ Славянахъ. Западная имперія была уже такъ слаба, такъ истощена раздорами, такъ изнурена нападеніями Норманновъ, что ничего не хотѣла предпринимать противъ Балтійскихъ Славянъ. А Балтійскіе Славяне, по недостатку единства и общей народной идеи, не пользовались распаденіемъ Германіи. Вотъ почему западные лѣтописи въ это время совершенно умалчиваютъ объ нихъ, и мы, имѣя единственнымъ источникомъ западныхъ лѣтописей, не можемъ сказать ни слова объ этой любопытной эпохѣ въ жизни Балтійскихъ Славянъ.

Мы догадываемся только по позднѣйшимъ событіямъ, что въ эти десять лѣтъ не стало Чедрага, «короля» Бодричей, и что съ нимъ вмѣстѣ исчезли въ Бодрицкомъ народѣ и слабые зачатки единодержавной власти, возникшіе подъ вліяніемъ Франкской монархіи.

Бодричи и Велеты были снова возбуждены къ дѣятельности примѣромъ и вліяніемъ Скандинавовъ.

Держава Карла Великаго была уже легкою добычею отважных «морских королей» норманских; но сами Норманны начинали испытывать на себѣ нравственное воздѣйствіе христіанских народовъ. Въ 822 году сдѣлана была первая попытка христіанской проповѣди между Скандинавами реймскимъ архіепископомъ Эббономъ: онъ ѣздилъ въ Данию и обратилъ тамъ много народу ⁽¹⁾. Императоръ Людовикъ подарилъ ему въ Нордалбингѣнъ помѣстье (Вельна или Вельнау, теперь Münsterdorf) близъ крѣпости Эзесельдобурга, для того чтобы онъ могъ завести связи съ западными народами, и укрываться въ этомъ помѣстьѣ въ случаѣ преслѣдованій ⁽²⁾. Датскій король Гаральдъ, искавшій, какъ мы знаемъ, покровительства Германіи, склонился, наконецъ, на убѣжденія императора Людовика, и въ 826 году торжественно принялъ крещеніе въ Майнцѣ, вмѣстѣ съ своими людьми. Вскорѣ обстоятельства устроились въ Данинъ такъ, что Гаральдъ могъ туда возвратиться, и императоръ отправилъ съ нимъ ревностнаго корбейскаго монаха Анскара, уроженца Фландріи ⁽³⁾, чтобы наставлять въ вѣрѣ новообращенныхъ Датчанъ и распространять христіанство между сѣверными народами. Этотъ Анскаръ былъ необыкновеннымъ явленіемъ среди тогдашняго Запада, впаавшаго въ полнѣйшее равнодушіе къ успѣхамъ христіанства между язычниками; такое равнодушіе, впрочемъ, весьма понятно при неурядицѣ и страданіяхъ самаго Запада въ то время; оно доходило до того, что Анскаръ, хотя богато снабженный благочестивымъ императоромъ деньгами и всѣмъ нужнымъ для его подвига, принужденъ былъ ѣхать въ Данию съ однимъ только товарищемъ-монахомъ, и не могъ найти себѣ другихъ спутниковъ и прислуги. Не смотря на такой недостатокъ поддержки въ самихъ западныхъ народахъ, Анскаръ не всецѣмъ безплодно проповѣдывалъ. Онъ встрѣтилъ сочувствіе не столько въ Данинъ, слишкомъ враждебно расположенной къ сосѣдней Нѣмецкой имперіи, сколько въ Швеціи. Тамъ многіе увѣровали

(1) Энггардъ подъ 822 г. (M. G. I, 208).

(2) Rimberti vita Anskarii, 13, 14.

(3) Онъ поступилъ сначала въ старый Корбейскій монастырь (Corbie на р. Соммѣ, близъ Амьена, въ сѣверо-восточной Франціи), а потомъ переведенъ былъ въ основанный императоромъ Людовикомъ ново-Корбейскій монастырь въ землѣ Саксоніи, на р. Везерѣ.

и приняли крещение. Въ награду за свои подвиги, тридцатилѣтній Анскаръ получилъ (831) отъ императора и вѣны архіепископскій жезлъ и санъ митрополита всѣхъ Сѣверныхъ народовъ. Мѣстопробываніе новому архіепископу назначено было, по предначертанію Карла, на нѣмецкой землѣ, на границѣ скандинавскаго міра и Славянскаго поморья, въ Гамбургѣ. Въ папской буллѣ (834 года) архіепископу гамбургскому давалось полномочіе для обращенія «Датчанъ, Шведовъ, Норвежцевъ, Фарейцевъ, Гренландцевъ, Исландцевъ, Финновъ и Славянъ» ⁽¹⁾ (т. е. Балтійскихъ) ⁽²⁾; онъ назначался примасомъ всѣхъ сѣверныхъ и восточныхъ народовъ. Дѣло замѣчательное и характеристическое, — въ этомъ перечнѣ сѣверныхъ народовъ, предназначаемыхъ Западомъ къ призванію въ христіанство, Балтійскіе Славяне занимали послѣднее мѣсто: ближайшіе сосѣди Германіи, они поставлены были послѣ отдаленной и темной Исландіи, Гренландіи, послѣ Финновъ. Анскаръ такъ и понималъ свою обязанность. Его вниманіе обращено было исключительно на скандинавскія земли; къ Балтійскимъ Славянамъ онъ не ѣздилъ и даже, какъ видно изъ его жизнеописанія, весьма подробнаго, не вошелъ съ ними ни въ какія сношенія ⁽³⁾. Все, сдѣланное имъ для Славянъ, состояло въ томъ, что Анскаръ покупалъ иногда нѣсколькихъ славянскихъ мальчиковъ, вмѣстѣ съ датскими, а другихъ выкупалъ изъ плѣна, и отдавалъ ихъ для воспитанія въ христіанскомъ законѣ, въ монастырь Тургольтъ во Фландрію, дарованный гамбургской митрополіи для усиленія ея доходовъ. Иныхъ онъ оставлялъ при себѣ; но ему не удалось образовать ни одного проповѣдника Евангелія для Славянскаго поморья; а когда Тургольтскій монастырь отошелъ отъ него, то тамошній аббатъ обратилъ

⁽¹⁾ Грамота папы Григорія IV (по-видимому отъ 835 года) объ учрежденіи гамбургскаго архіепископства (Codex Pomer. diplom. 9): *Ipsunq;ue filium nostrum iam dictum Ansgarium et successores eius legatos in omnibus circumquaque gentibus Danorum, Sueonum, Noruehorum, Farrie, Gronlondan, Halsingalondan, Islandan, Scridevindun, Slauorum, nec non omnium septentrionalium et orientalium nationum, quocunque modo nominatorum, delegamus.* Имя *Scridevindun* относится къ Финнамъ, которыхъ Скандинавы называли *Scridefinni*, *Scredefeenni* и т. под.

⁽²⁾ Прочіе пограничныя съ Германіею Славяне, Лабскіе Сербы, Чехи, Хорутане, Хорваты и др., были уже распределены между другими нѣмецкими епархіями.

⁽³⁾ Въ жалованной грамотѣ императора Людовика Анскару, при его возведеніи въ архіепископскій санъ (Cod. Pomer. 5), вовсе не упомянуто объ обращеніи имъ Славянъ.

нѣкоторыхъ изъ воспитанниковъ въ своихъ крѣпостныхъ людѣхъ⁽¹⁾.

Тѣмъ не менѣе, нѣтъ сомнѣнія, что учрежденіе нѣмецкой митрополіи въ землѣ, недавно еще находившейся въ рукахъ Балтійскихъ Славянъ, могло испугать этотъ народъ, у котораго славянское язычество достигло такой же, если не большей степени развитія и крѣпости, какъ германское у Скандинавовъ. Балтійскіе Славяне должны были почувствовать близость опасности, предстоявшей ихъ богамъ и вооружиться для ея отраженія. Подобное явленіе представлялъ въ то время и скандинавскій міръ. Крещеніе Гаральда и проповѣдь Анскара въ Даніи и Швеціи разожгли тамъ повсюду страшный фанатизмъ язычниковъ. Раздраженные опасностью, которая угрожала Одну и Валгаллѣ, Скандинавы, съ яростью людей отчаянныхъ, обрекавшихъ себя добровольно на смерть, стали бросаться на христіанскія земли и вымещали на нихъ оскорбленіе своихъ боговъ⁽²⁾. Надобно прочесть современныя лѣтописи и саги, чтобы имѣть понятіе объ ужасахъ, которыми они наполняли въ то время береговыя страны Германіи, Франціи и Англіи.

Противъ Славянъ-язычниковъ Скандинавы не имѣли такой вражды, хотя воинственная удаля попрежнему иногда увлекала ихъ

(1) Vita S. Anskarii 15 (M. G. II, 700): (Anskarius) in diocesi sibi commissa et in partibus Danorum strenue suum implebat officium, et exemplo bonae conversationis multos ad fidei gratiam provocabat. Coepit quoque ex gente Danorum atque Slayorum nonnullos emere pueros, aliquos etiam ex captivitate redimere, quos ad servitium Dei educaret (это записано наряду съ событіями 833 и 836 годовъ).

(2) Мнѣ кажется, что историки, писавшіе о дѣятельности Норманновъ въ Европѣ въ IX, X и XI вѣкахъ, слишкомъ мало обратили вниманія на релігіозное побужденіе ихъ походовъ. Обыкновенно говорятъ, что имъ стало тѣсно дома, и что ихъ влекла на чужбину жажда добычи и власти. Что имъ было тѣсно дома, кажется весьма сомнительнымъ: отчего же вдругъ перестало быть тѣсно, въ продолженіе многихъ столѣтій, со времени принятія христіанской вѣры этими народами? Жаждою добычи и власти вовсе не объясняется *furor Normannorum*, направленный преимущественно противъ христіанскихъ церквей и священниковъ, а еще менѣе просто такъ называемыхъ *берсеркеровъ*, искавшихъ смерти во славу Одина. Но, разумѣется, легкіе успѣхи Норманновъ на берегахъ Германіи, Англіи, Франціи и Испаніи тотчасъ же внушили имъ мысль объ обогащеніи и завоеваніяхъ, и они вскорѣ не стали разбирать, кто ихъ враги, христіане или язычники, тѣмъ болѣе, что самая ихъ вѣра дѣлала изъ воинственной отваги главную добродѣтель человѣческую.

къ нападеніямъ на ихъ богатыя торговыя пристани. Сохранилось извѣстіе ⁽¹⁾, что одинъ изъ королей, раздѣлявшихъ между собою Швецію, Амундъ, проживъ нѣсколько времени изгнанникомъ въ Даніи, собралъ тамъ дружину *викинговъ*, чтобы напасть на шведскій торговый городъ Бирку, гдѣ стараніями св. Анскара насаждено было христіанство и построена церковь. Снарядили 21 корабль; 11 кораблей принадлежали самому Амунду и товарищамъ его изгнанія; остальные—датскимъ удалцамъ, добровольно присоединившимся къ предпріятію. Переплывъ Балтійское море, они явились подъ стѣнами Бирки; жители, призывая имя Христова, приготовились къ упорной защитѣ. Тогда дружина Амунда обратилась къ языческимъ гаданіямъ, которыя сказали ей, что тутъ не будетъ удачи, и что слѣдуетъ направиться на какой-то отдаленный городъ въ землѣ Славянъ. Викинги раздѣлились: Датчане послушались жребія и поплыли прямо, куда имъ было указано; Амундъ заключилъ договоръ съ своими соотечественниками и остался въ Швеціи. Нежданно напали Датчане на мирный славянскій городъ, не помышлявшій о военной тревогѣ, захватили тамъ богатую добычу и возвратились домой ⁽²⁾. Какой это былъ городъ, мы не знаемъ: если позволено сдѣлать предположеніе, то мы назвали бы Волинъ (Wollin) на устьѣ Одры, столь извѣстный въ послѣдствіи, какъ средоточіе торговли Славянскаго поморья и какъ постоянная цѣль Норманнскихъ грабителей.—Но систематической вражды скандинавскіе *викинги* противъ Балтійскихъ Славянъ не имѣли въ то время; это видно изъ тогдашнихъ сагъ. Напротивъ, вслѣдствіе извѣстныхъ намъ уже обстоятельствъ, между тѣми и другими образовалась дружба и согласіе. Славяне перестали держать, какъ въ недавнее время, сторону Германской имперіи противъ Скандинавовъ. Имъ выгодноѣ казалось грабить вмѣстѣ съ Норманнами Нѣмцевъ, за одно съ ними отразить христіанство, одинаково враждебное Одну и Святовиту, и съ помощью ихъ свергнуть съ себя зависимость отъ Западнаго императора.

⁽¹⁾ Rimberti vita Anskarii, 19.

⁽²⁾ Время этого предпріятія не указано въ житіи Анскара; оно помѣщено тамъ послѣдъ за разсказомъ о разрушеніи Гамбурга и современномъ этому разрушенію гоненіи на христіанъ въ Швеціи, т. е. послѣ 841 года; но по другимъ даннымъ свидѣтельствующимъ о пребываніи Амунда въ Даніи, скорѣе можно заключить, что это случилось въ 837 или 838 году.

Въ 836 или 837 году Бодричи и Велеты отказались отъ послушанія Нѣмцамъ. Въ первый разъ эти два славянскихъ племени, всегда противоборствовавшія другъ другу, являются дѣйствующими вмѣстѣ противъ общаго врага, Германіи. Императоръ Людовикъ отправилъ противъ нихъ войско ⁽¹⁾. Освободившіеся Славяне, какъ видно, прибѣгли тотчасъ къ союзу и покровительству Датчанъ-язычниковъ. Датскій король Эрикъ (Горихъ) отправилъ къ Людовику посольство, требовать, чтобы Германія отказалась отъ верховной власти надъ землею Бодричей и передала ее Даніи, вмѣстѣ съ землею Фризовъ, которая въ то время почти завоевана была скандинавскими викингами ⁽²⁾. Людовикъ отвергъ это предложеніе, которое показалось ему верхомъ наглости со стороны Норманновъ, — и война Нѣмцевъ съ Балтійскими Славянами продолжалась. Успѣхъ Людовикова войска былъ весьма сомнителенъ: правда, возначальники его возвратились къ императорскому двору съ заложниками и объявили, что Славяне усмирены (838); но на другой годъ тѣ же Славяне, вмѣстѣ съ датскими викингами, грабили нѣмецкіе предѣлы. Бодричи и Велеты тутъ снова дѣйствовали за одно; Глиняне, недавно еще и не разъ отпадавшіе отъ общаго союза бодрическихъ племенъ, тоже участвовали въ войнѣ. Къ Бодричамъ, Глинянамъ, Велетамъ приступили Лабскіе Сербы. Войска Славянъ вторгались въ марки, устроенныя Карломъ, и выжигали въ нихъ нѣмецкія селенія. Императоръ послалъ противъ нихъ, въ концѣ лѣта 839 года, ополченіе Саксовъ, Туринговъ и Аустразійцевъ (жителей Лотарингіи) ⁽³⁾; но германскій лѣтописецъ не упомянулъ объ успѣхѣ ихъ противъ Славянъ: видно исходъ войны не былъ благоприятенъ для имперіи; только въ землѣ Лабскихъ Сербовъ Нѣмцы одержали побѣду.

(1) Подъ начальствомъ графовъ Адальгара и Эгилона. *Annal. Bertiniani* подъ 838 г. (M. G. I, 432). *Adalgarius et Egilo comes ad Abodritos et Wilzos a fide deficientes dudum directi, reversi sunt, adductis secum obsidibus imperatori deinceps subditos fore nunciantes.*

(2) Тамъ же. *Missi Horich . . . piratarum in nostros fines dudum irruentium maximos a se ob imperatoris fidelitatem captos atque interfici iussos retulerunt, petentes insuper sibi dari Frisianos atque Abodritos. Cuius petitio, quanto imperatori indecens sive incongrua visa est, tanto villius spreta et pro nihilo ducta est.*

(3) Тамъ же. 435, 438.

VIII.

Дѣйствія Балтійскихъ Славянъ въ союзѣ съ Норманнами. 839-858.

Нуженъ былъ пятидесятилѣтній опытъ, чтобы убѣдить Балтійскихъ Славянъ въ томъ, что ихъ природный и главный врагъ—Германія, что для отпора ей слѣдовало забывать междоусобную неприязнь. Осуществившійся въ 838 и 839 годахъ союзъ Бодричей, Глинянъ и Велетовъ, для общихъ дѣйствій противъ Нѣмцевъ, представляетъ первый шагъ, сдѣланный на Славянскомъ поморьѣ къ образованію изъ раздробленныхъ племенъ народа и государства; но дальше этого Балтійскіе Славяне, для своей гибели, не пошли. Союзы между ними оставались случайностью, которую вызывала иногда настоятельная нужда самосохраненія, раздробленность же племень и вслѣдствіе того слабость, нерѣшительность и безсвязность дѣйствій продолжали составлять постоянную принадлежность исторической жизни у этихъ Славянъ.

Они не воспользовались полнымъ безсиліемъ Западной имперіи въ послѣдніе годы царствованія Людовика Благочестиваго и при его сыновьяхъ, для того, чтобы обезпечить себя со стороны Германіи и овладѣть недавно потерянною ими Нордалбингією, которая стояла передъ ними открытою.

Держава Карла Великаго представляла около 840 года безотрадный хаосъ. Всѣ многоразличныя стихіи Западной Европы, собранной имъ во едино, находились въ полномъ разложеніи. Вражда и мракъ царилъ повсюду. Власть императора сдѣлалась призракомъ; сыновья Людовика безпрестанно вооружались другъ противъ друга и бились между собою; не оставалось никакого права, кромѣ кулачнаго; Норманны безнаказанно раззоряли и выжигали города, къ которымъ только могли подъѣхать ихъ плоскодонныя ладьи. Послѣ смерти императора Людовика (840), между его сыновьями возгорѣлась упорная война. Старшій изъ нихъ, Лотарь, разбитый на голову въ кровопролитной битвѣ двумя младшими братьями, прибѣгнулъ къ отчаянному средству. Онъ призвалъ къ оружію нижнія сословія народа Саксовъ, обѣщая имъ имущество благородныхъ, свободу возвратиться къ язычеству и восстановленіе стараго быта. Большими толпами стекались возмущившіеся Саксы, которые приняли названіе *стеллинговъ*, подъ знамена старшаго потомка

Карла Великаго; люди знатнаго сословія (эделинги) бѣжали или гибли; свободные земледѣльцы (фрилинги) и люди жившіе на чужой землѣ (лэсы) сдѣлались на время господами на ихъ мѣстѣ. Лотарь пригласилъ на помощь и Датчанъ, обѣщая имъ уступку какого-то края (вѣроятно Нордалбингин); ожидали также, что Славяне, которыхъ свизывало съ *стеллингами* естественное сродство бытовыхъ понятій и интересовъ, соединять съ ними свои силы и помогутъ разрушить окончательно и завоевательную церковь и завоевательный государственный порядокъ, наложенные рукою Франковъ на сосѣднія съ ними нѣмецкія земли. Опасность эта ясно сознавалась младшими сыновьями Людовика ⁽¹⁾. Но Славяне ничего не предприняли, а подобное стеченіе выгодныхъ обстоятельствъ никогда уже не повторилось для нихъ.

Братъ Лотара, Людовикъ, которому при раздѣленіи Карловой монархіи предназначалась Германія, успѣшилъ явиться въ землю Саксовъ, и ему удалось мало-по-малу усмирить тамъ возстаніе, тѣмъ болѣе, что Лотарь ничего не дѣлалъ для поддержки призваннаго имъ къ оружію народа. Норманны продолжали нападать на нѣмецкія земли; Славяне иногда выступали вмѣстѣ съ ними въ походъ, но самостоятельно они не дѣйствовали. Въ то самое время, когда возстаніе Саксовъ было въ полномъ разгарѣ (841—842), морскіе разбойники вдругъ явились подъ Гамбургомъ. Нападеніе было такъ внезапно, что жители окрестныхъ мѣстъ не успѣли собраться къ защитѣ; притомъ же военный начальникъ Нордалбингской марки, Бернаръ, былъ въ отлучкѣ. Архіепископъ, Анскаръ, хотѣлъ выдержать осаду съ одними горожанами и жителями подгородной слободы, называвшейся Гамвикомъ ⁽²⁾; но напоръ язычниковъ былъ такъ силенъ, что противостоять имъ съ этими малыми силами было невозможно. Анскаръ съ своими священниками покинулъ повосозданную митрополию Сѣвера, унося съ собою мощи святыхъ; они бѣжали въ разныя стороны; непріятель былъ такъ близокъ, что архіепископъ, по словамъ его жизнеописателя, не успѣлъ захватить своего плаща. Большая часть гамбургскихъ жителей были умерщвлены. Язычники заняли городъ и слободу и

(1) Nithardi historia (M. G. II, 668).

(2) Тенеръ предѣлѣе св. Николая.

принялись грабить; на другой день продолжалось разграбленіе Гамбурга; наконецъ, они зажгли городъ и удалились съ добычею. Недавно выстроенная стараніями Анскара «дивной работы» церковь и принадлежавшій къ ней монастырь были истреблены огнемъ, также какъ многія книги, собранныя архіепископомъ ⁽¹⁾.

Кто были эти морскіе разбойники, уничтожившіе новоучрежденную христіанскую митрополию въ Залабѣ, не сказано писателемъ, который передалъ намъ это извѣстіе. Другой современникъ, писавшій во Франціи, упоминаетъ вскользь о разрушеніи Гамбурга Норманнами ⁽²⁾. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что тутъ дѣйствовали и Норманны ⁽³⁾; но всѣ позднѣйшія легенды, изображающія съ разными прикрасами нападеніе язычниковъ на духовную столицу сѣверной Европы, приписываютъ его Славянамъ. Онѣ называютъ виновникомъ гоненія, постигшаго тогда христіанъ въ Нордалбингѣ, какого-то славянскаго князя Борута, который владѣлъ страпою у нѣмецкой границы. Подробности этой легенды баснословны и спутаны съ событіями гораздо позднѣйшаго времени ⁽⁴⁾; но участіе Славянъ въ разрушеніи Гамбурга кажется вполне достовѣрнымъ, такъ какъ она въ то время вообще дѣйствовала за одно съ Скандинавами противъ ближайшихъ нѣмецкихъ поселеній.

Дѣйствія ихъ не привели однако ни къ чему, кромѣ временной независимости отъ Нѣмцевъ. Обезпечить эту независимость прочнымъ утвержденіемъ на устьѣ Эльбы они не сумѣли; они про-

(1) Rimberti vita S. Anskarii, 16. Adam Brem. I. 23. Житіе Анскара, достовѣрнѣйшій источникъ для этихъ событій, не говоритъ, въ какое время случилось нападеніе язычниковъ на Гамбургъ; Адамъ Бременскій приводитъ, «на основаніи исторіи Франковъ и панскихъ грамотъ», послѣдній годъ царствованія императора Людовика (819); Нитгардъ упоминаетъ вскользь о разрушеніи Гамбурга (т. е. Гамбургъ) между событіями 842 года. Послѣднее вѣроятнѣе, по соображенію съ другими хронологическими данными. См. Гизебрехта, wend. Geschichten, I, 162.

(2) Nithardi historia (M. G. II, 669) подъ 842 годомъ: Per idem tempus Nortmanni Contwig deprædali sunt inibique mare traiecto Hamwig et Novdhumwig similiter depopulati sunt. Что Гамбургъ назывался вначалѣ тоже Гамвикомъ (т. е. Гамскимъ посадомъ), доказывается свидѣтельствомъ житія св. Анскара о торговомъ селеніи, *анскъ*, существовавшемъ тамъ у города, *буриа*.

(3) Адамъ Бременскій I, 23, называетъ Норманновъ виновниками этого бѣдствія.

(4) См. Legenda de S. S. martyribus interfectis in Hamburg: Leibnitz, scriptores rerum Brunsvicensium I, 184. Сравни также Lambecii, Origines Hamburgenses I, 13.

пустили время замѣшательства, когда государственная власть почти перестала существовать въ сѣверной Германіи; Нордалбингія осталась по-прежнему нѣмецкой землею, хотя страшно раззоренная и на время совершенно беззащитная. Славяне видѣли возлѣ себя развалины воиной ливіи, устроенной Карломъ Великимъ, и дождались, пока другой государь нѣмецкій принялся ее возстановлять несравненно крѣпче, чѣмъ она была прежде.

Въ 844 году, когда мятежъ Саксовъ былъ усмирень, Людовикъ, король нѣмецкій, рѣшился пойти войною на Балтійскихъ Славянъ, чтобы наказать ихъ за всѣ ихъ нападенія на Германію. Ударъ былъ направленъ на Бодричей, ближайшихъ ей сосѣдей. Старшій князь ихъ, Гостомысль, былъ убитъ; другіе князья и народъ изъявили покорность Нѣмцамъ, по увѣренію западнаго лѣтописца, но снова принялись за оружіе, какъ скоро Людовикъ выступилъ изъ ихъ земли ⁽¹⁾. Въ 845 году Славяне опять напали на Нѣмцевъ, вмѣстѣ съ Датчанами. Шестисотъ датскихъ кораблей, снаряжен-

(1) Annal. Fuldens. (M. G. I, 364). Hludowicus Abodritos defectionem molientes bello perdomuit, occiso rege eorum Gotzomluzli terramque illorum et populum sibi divinitus subjugatum per duces ordinavit. Annal. Bertin. (тамъ же, 444). Hludowicus rex Germanorum populos Sclavorum et terras aggressus, quosdam in deditionem cepit, quosdam interfecit, omnes pene illorum partium regulos sibi aut vi aut gratia sublegit. Annal. Xantens. (тамъ же, II, 228). Ludewicus rex perrexit in Winithos cum exercitu. Ibi que unus ex regibus eorum Interit, Gestimus nomine, reliqui vero fidem praeherentes venerunt ad eum; quam illo absente statim mentientes. Къ этому извѣстію о походѣ противъ Бодричей и гибели ихъ князя Гостомысла позднѣе приплетено было сказаніе о томъ, будтобы король Людовикъ воевалъ противъ Ранъ (Славянъ, жителей острова Рюгена), убилъ тамошняго князя Гостомысла, принудилъ Ранъ къ принятію христіанской вѣры и даровалъ имъ островъ Корбейскому монастырю. Притязанія Корбейскаго монастыря на владѣніе островомъ Раню, являющіяся уже въ XI вѣкѣ, возникли, кажется, изъ сходства имени ранскаго божества Сватовита со Святымъ Витомъ, покровителемъ Корбейскаго монастыря. Монахи корбейскіе, желая извлечь изъ этого выгоду, пустили въ ходъ сказку, будто они, по порученію Людовика, водворили христіанство въ покоренномъ имъ славянскомъ островѣ, по что Славяне, возвратившись потомъ въ язычество, изъ христіанскаго святаго, Вита, сдѣлали себѣ божество Сватовита (см. Гельмольда, I, 6); для подтвержденія своихъ вымысловъ правъ они не только извратили свидѣтельство современнѣхъ Людовику лѣтописцевъ, но изготвили поддѣльную грамоту этого короля, въ которой онъ говоритъ о своей войнѣ съ Ранскими Славянами, о смерти ихъ короля «Gestimulus» и о дарованіи всего острова Корбейскому монастырю (Cod. Romer. II). Странно, что между нѣмецкими учеными нѣкоторые, даже въ позднѣйшее время, могли колебаться въ признаніи подложности этого акта и всѣхъ отношеній Корбейскаго монастыря къ острову Ранъ.

ныхъ королемъ Эрикомъ, вошли въ устье Эльбы и снова разграбили Гамбургъ, гдѣ Саксы успѣли уже возстановить укрѣпленіе. Славяне, какъ кажется, помогали имъ. Король Людовикъ съ войскомъ Саксовъ пошелъ на встрѣчу непріятелю, и вступилъ въ бой съ Норманнами; онъ одержалъ надъ ними побѣду. Датчане удалились; на возвратномъ пути Саксы напали на Славянъ и взяли у нихъ какой-то городъ (вѣроятно близъ нижней Эльбы) ⁽¹⁾.

Побѣда, одержанная Нѣмцами, а также другія обстоятельства, склонили короля датскаго Эрика къ миру съ Германіею. Онъ отправилъ посольство къ Людовику въ Падербортъ, куда созванъ былъ нѣмецкій сеймъ. Туда же явились и посланцы отъ Славянъ, можетъ быть именно отъ тѣхъ прибалтійскихъ племенъ, которыя сражались вмѣстѣ съ Датчанами. Миръ, заключенный тогда (845) между Германіею и Даніею, былъ скорѣ скрѣпленъ сближеніемъ датскаго государя съ христіанскимъ проповѣдникомъ. Со времени разоренія Гамбурга Датчанами и Славянами, архіепископъ Анскаръ жилъ изгнанникомъ на лѣвомъ берегу Эльбы ⁽²⁾, посѣщая иногда Гамбургъ и Нордалбингію, для поддержанія тамъ христіанства. Въ Нордалбингіи, кромѣ Гамбурга, находились въ то время только три приходскія церкви ⁽³⁾, и то на западномъ краю ея, далеко отъ Славянской земли, которая такимъ образомъ оставалась внѣ христіанскаго вліянія. Король Людовикъ воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы пристроить скитальца-архіепископа. Возстановленіе гамбургской митрополіи казалось невозможнымъ, до такой степени власть Германіи упала въ этомъ краѣ; потому Людовикъ назначилъ Анскара епископомъ въ Бременъ, какъ скоро это мѣсто сдѣлалось свободнымъ ⁽⁴⁾ (847). Гамбургская ми-

(1) *Annal. Fuld.* годъ 815 г. (M. G. I, 364). (Nortmanni) castellum etiam in Saxonia quod vocatur Hammaburg, populati, nec inulti reversi sunt. *Annal. Bertin.* тамъ же, 412: Nortmannorum rex Oricus sexcentas naves per Albim fluvium in Germaniam adversus Hludovicum dirigit, quibus Saxones occurrentes, commisso proelio, domini nostri Iesu Christi auxilio victores efficiuntur: unde digressi Sclavorum quandam impetunt et capiunt civitatem. Ср. *Annal. Xanténs.* годъ тѣхъ же годовъ (M. G. II, 228).

(2) Преимущественно въ подаренномъ ему одною благочестивою женщиною имѣніи Ramesloh.

(3) Въ Мельдориѣ, Гейлгенштеттѣи и Шенесельдѣ.

(4) За смертью епископа Леудериха.

трополія была соединена такимъ образомъ съ бременскою епархіею; Гамбургъ продолжалъ именоваться главнымъ городомъ, но епископъ «Сѣвера» жилъ съ тѣхъ поръ въ Бременѣ: миссіонерская дѣятельность Запада удалась еще больше отъ Славянскаго поморья, и еще исключительнѣе устремлена была на Скандинавовъ, съ которыми Бременъ имѣлъ моремъ постоянныя сношенія. Получивъ новую точку опоры и новыя средства для своей дѣятельности, Анскаръ сталъ часто ѣздить въ Данію съ государственными порученіями отъ короля Людовика, приобрѣлъ благоволеніе короля Эрика, построилъ церковь въ Шлезвигѣ и обратилъ многихъ Датчанъ (*). Затѣмъ онъ посѣтилъ также Швецію и возстановилъ тамъ христіанство, почти искорененное языческою реакціею въ то самое время, когда разрушена была гамбургская митрополія. Но на Славянъ онъ во все время своей дѣятельности въ санѣ бременскаго епископа (847—865), точно также какъ и преемникъ его Римбертъ (865—888), его ученикъ и жизнеописатель, не обращалъ никакого вниманія. Христіанство нисколько не проникало къ нимъ. Мало того: ихъ примѣръ, какъ нѣмецкій государь писалъ папѣ въ 850 году, потрясалъ христіанскую вѣру въ самихъ Саксахъ, ихъ сосѣдяхъ, изъ которыхъ многіе (по всей вѣроятности преимущественно въ Нордалбингѣ) возвращались въ то время къ языческимъ богамъ (**).

Съ тѣхъ поръ, какъ Данія вошла въ мирныя сношенія съ Германіею, и Балтійскіе Славяне стали покойны: въ продолженіе тринадцати лѣтъ (843—858), не слышно ни о какомъ столкновеніи между ними и Нѣмцами. Этимъ подтверждаются наши слова, что Балтійскіе Славяне, вслѣдствіе внутреннихъ отношеній своихъ, не имѣли никакихъ самостоятельныхъ политическихъ замысловъ, и побуждаемы были въ то время къ дѣятельности только вліяніемъ Скандинавовъ. Безсильное государство нѣмецкое не помышляло тогда о нарушеніи ихъ независимости; тѣмъ они и довольствовались. Но какъ они пользовались этимъ временемъ вѣншей безопасности, продолжали ли свои внутренніе раздоры, мы рѣшитель-

(*) Vita Anskarii, 21. Adam. Brem. I, 27.

(**) Письмо короля Людовика къ папѣ Лью IV, помѣщенное въ Translatio S. Alexandri, (M. G. II).

но не знаемъ. Изъ послѣдующихъ событій видно только, что они остались чуждыми того стремленія къ внутреннему единству и сосредоточенію, которое именно въ эту эпоху (во второй половинѣ IX вѣка) проявлялось повсемѣстно у другихъ славянскихъ народовъ, подъ Карпатами, на Вислѣ и на Пльменѣ. Балтійскіе Славяне не тронулись изъ своего племеннаго быта.

IX.

Событія на Славянскомъ поморьѣ до совершеннаго уничтоженія власти Германіи надъ свѣро-западными Славянами. 858 — 877. Начатки проповѣди Кирилла и Мефодія у свѣро-западныхъ Славянъ; ея пресѣченіе.

Не смотря на миръ, заключенный между датскимъ и нѣмецкимъ королями, норманнскіе викинги продолжали нападать на имперію Каролинговъ. Удѣлы двухъ старшихъ братьевъ Людовика страдали отъ нихъ ужасно. Особенно отличался своими подвигами Рорикъ, племянникъ датскаго короля Гаральда. Съ дружиною своихъ Норманновъ онъ еще въ 850 г. завоевалъ часть Фрисландіи ⁽¹⁾, въ области короля лотарингскаго Лотара II, который принужденъ былъ признать его владѣтелемъ этого края. Въ 857 году Рорикъ, сговорившись съ королемъ Лотаромъ, снарядилъ свои корабли и поплылъ въ Давію, гдѣ получилъ отъ короля Эрика удѣлъ для поселенія, между р. Эйдеромъ и морскимъ берегомъ, т. е., вѣроятно, западную часть нынѣшняго Шлезвига. Воинственный витязь норманнскій водворился такимъ образомъ на самой границѣ Залабской марки и могъ войти въ сношенія съ своими близкими сосѣдями, Бодричами. Бодричи и Глиняне стали нападать на Германію. По всей вѣроятности, подстрекнувъ ихъ къ тому Рорикъ, который служилъ орудіемъ королю лотарингскому для противоборства Людовику Нѣмецкому. Вся восточная граница Германіи была въ опасности. Нѣсколько лѣтъ уже Нѣмцы вели постоянныя войны съ сосѣдними Славянами: Сербы на Савѣ и верхней Эльбѣ безпрестанно возставали противъ устроенной Карломъ Великимъ военной укрѣпленности ⁽²⁾; Чехи

⁽¹⁾ Съ городомъ Дорштадомъ. — См. *Annal. Fuld.* M. G. I, 366. *Ann. Bertin.*, тамъ же 445.

⁽²⁾ Возстанія эти начали обращать на себя вниманіе западныхъ лѣтописцевъ съ 851 года. См. *Ann. Bertin.*

858.

и Моравцы, слагавшіеся уже въ могущественное государство, наносили Германіи тяжелые удары; Словенцы и Хорваты враждовали противъ нея, и даже Болгаре приходили Словенцамъ и Хорватамъ на помощь, по наущенію Франціи ⁽¹⁾. Вотъ наконецъ и Славяне на нижней Эльбѣ и у Балтійскаго моря присоединяются къ этому общему ополченію славянскихъ народовъ противъ Германіи, раздражившей ихъ завоевательными попытками Карла. Въ іюлѣ 858 года нѣмецкій король Людовикъ принужденъ былъ отправить три войска противъ Славянъ: одно противъ моравскаго князя Ростислава, другое противъ Лабскихъ Сербовъ, третье наконецъ, весьма значительное, подъ предводительствомъ своего меньшаго сына Людовика, противъ Бодричей и Глицянъ ⁽²⁾. Самъ король германскій въ то же время предпринялъ походъ противъ брата своего, Карла, короля французскаго. Пока онъ тамъ воевалъ, Норманны напали на землю Саксовъ ⁽³⁾; должно полагать, что это была дружина Рорикова, вторгшаяся въ Нордалбингію. Лѣтописецъ говоритъ, что Нѣмцы отбили ихъ; а про то, что сдѣлано было противъ Бодричей, вовсе не упоминаетъ. Изъ этого мы заключаемъ, что результатъ похода былъ ничтожный, быть можетъ, онъ и не состоялся, и войска, назначенныя противъ Балтійскихъ Славянъ, обращены были на защиту границы отъ Норманновъ и ихъ союзниковъ Славянъ. На верхней же Эльбѣ, вооруженіе Сербовъ приняло такой угрожающій видъ, что нѣмецкій король бросилъ дѣла свои во Франціи и поспѣшно воротился въ Германію (въ началѣ 859 года) ⁽⁴⁾.

Средне-вѣковыя западныя лѣтописи, вообще столь скуныя на слова, когда дѣло идетъ о Славянахъ, а тѣмъ болѣе о Славянахъ-язычникахъ, становятся еще скуднѣе въ эту мрачную на Западѣ эпоху. А какъ свѣтла и радостна была она на всемъ пространствѣ славянскаго міра: повсюду независимость, на сѣверѣ и востокѣ заря жизни политической, начало государственной организаціи, на югѣ заря жизни духовной, начало просвѣщенія народнаго! У

⁽¹⁾ Ann. Bertin. 851.

⁽²⁾ Ann. Fuld. Ann. Hildesheim. 858.

⁽³⁾ Ann. Bertin. 858.

⁽⁴⁾ Annal. Fuld. 858, 859.

Балтійскихъ Славянъ эпоха эта прошла безплодно, не оставила по себѣ никакихъ слѣдовъ внутренняго развитія.

Я упомянулъ о походѣ Нѣмцевъ въ 858 году противъ Бодричей и Глвнианъ. Затѣмъ, на три года о Балтійскихъ Славянахъ снова прекращаются извѣстія. Въ 862 году Германія опять вооружается на нихъ. Ведетъ войска въ этотъ разъ самъ король Людовикъ; онъ идетъ ратью на бодрицкаго князя Добомысла, о которомъ ничего другаго мы, впрочемъ, не знаемъ. Лѣтописецъ, составлявшійся въ нѣмецкомъ монастырѣ Фульдѣ, повѣствуетъ именно, что король, предпринявъ походъ противъ Бодричей, принудилъ ихъ мятежнаго князя Добомысла покориться ему и дать ему, въ числѣ другихъ заложниковъ, своего собственнаго сына ⁽¹⁾. Но на этотъ разъ мы можемъ судить о правдивости германскаго лѣтописца, сравнивъ его свидѣтельство съ рассказомъ Гинкмара епископа реймскаго, который писалъ во Франціи и не считалъ нужнымъ льстить нѣмецкому королю и превозносить успѣхи его оружія. Онъ говоритъ, что король Людовикъ, готовясь къ походу противъ Славянъ (Бодричей) и ихъ князя (Дабомысла), просилъ содѣйствія своего племянника Лотара, короля лотаринскаго; Лотаръ обѣщалъ, но потомъ не пріѣхалъ. Нѣмецкій король пошелъ однако войною на этихъ Славянъ съ однимъ изъ своихъ сыновей, Людовикомъ. Походъ ему не посчастливился: онъ потерялъ нѣкоторыхъ изъ знатнѣйшихъ лицъ своего войска, не имѣлъ никакого успѣха и возвратился въ Германію, удовольствовавшись тѣмъ, что ему дали какихъ-то заложниковъ ⁽²⁾. Свидѣтельство французскаго епископа Гинкмара

(1) Annal. Fuld. 862. Rex ducto in Abodritos exercitu, ducem eorum Tabomiuzelem rebellantem dicto obedire et filium suum cum aliis obsidibus dare coegit.

(2) Annal. Bert. auct. Hincmaro Rem. a. 862 (M. G. I, 438). Hludowicus rex Germaniae Lotharium nepotem suum ad Moguntiam accersiens, petit ut cum eo contra Winidos qui appellantur . . . advertus eorum regulum . . . cum apparatu hostili pergat; qui se primum iturum promisit, post vero a promissione sua defecit. Hludowicus autem, relicto in patria filio suo Carolo Hludowicum filium suum secum ducens, aggreditur Winidos; unde amissis quibusdam primoribus et nihil prospere gestis, sub obtentu obsidum ad Francofurd revertitur. Въ рукописи гинкмаровой лѣтописи имена славянскаго племени и князя, противъ которыхъ велась война, оставлены пробѣлами; видно, переписчики не могли разобрать ихъ; но изъ сличенія головъ и событій оказывается несомнѣннымъ, что это были Бодричи и ихъ князь Дабомыслъ. — Тоже событіе записано

важно для насъ, какъ доказательство, до какой степени средне-вѣковыя лѣтописи, сочинявшіяся въ Германіи, искажали истину событій въ отношеніи къ «варварамъ», изычникамъ, Славянамъ: мы видимъ, какъ подъ перомъ фульдскаго монаха война крайне неудачная преобразилась въ блистательный успѣхъ. Къ сожалѣнію, случаи, въ которыхъ мы можемъ повѣрять нѣмецкіе источники лѣтописцами другихъ странъ, менѣе враждебныхъ къ Славянамъ, чрезвычайно рѣдки, особенно когда дѣло идетъ о племеніи прибалтійскихъ Ляховъ: это отдаленное, изычское племя мало обращало на себя вниманіе Франціи, Англіи, Италіи; оно беспокоило только Германію и одна Германія писала о немъ. Такимъ образомъ, принужденные возстановлять его историческую жизнь почти единственно по сказаніямъ нѣмецкимъ, мы должны постоянно имѣть въ виду ту долю несправды, которая внесена нашими источниками во всѣ свѣдѣнія наши о четырёхсотлѣтней борьбѣ этихъ Славянъ съ Германіей. Конечно, общій смыслъ ихъ исторіи отъ этого не измѣняется: все таки въ этой четырёхсотлѣтней борьбѣ Нѣмецкій народъ остался побѣдителемъ, и такимъ побѣдителемъ, что онъ могъ безпрепятственно истребить все племя Балтійскихъ Ляховъ; но побѣдитель скрылъ многія частныя свои пораженія, и предалъ забвенію многіе доблестные подвиги своего несчастнаго противника.

Послѣ неудачнаго похода 862 года, Германія пять лѣтъ не тревожила Балтійскихъ Славянъ: по крайней мѣрѣ объ нихъ мы ничего въ лѣтописяхъ не читаемъ. Противъ другихъ Славянъ, устремляла тогда ослабѣвшая Германія все, что оставалось у нея силы. Славянская держава, которая возрастала на среднемъ Дунаѣ и уже грозила баварскимъ границамъ, была въ то время опаснѣйшимъ врагомъ нѣмецкой земли.—Но подъ 867 годомъ записано въ лѣтописяхъ, что норманнскій викингъ Рорикъ, о которомъ у насъ уже была рѣчь, снова сталъ грозить нидерландскимъ берегамъ и что противъ него долженъ былъ выступить лотарингскій король; а въ то же время король нѣмецкій выслалъ своего сына, Людовика младшаго, съ ополченіемъ Саксовъ и Туринговъ противъ Бодричей,

схратиѣ и въ Лотарингской (Ксантинской) лѣтописи, но поставлено подъ 863 г. (M. G. II, 230): Ludewicus rex primum conventum habuit Wangion et post hac Magontia, ibique venit ad eum Lotharius, hostem machinantes in Sclavos; quod et postea fecerunt; sed non profuit.

и велѣлъ остальнымъ войскамъ Германіи держаться наготовѣ; онъ собирался вести ихъ въ случаѣ нужды ⁽¹⁾. Снова видна связь между враждебными дѣйствіями Рориковой дружины противъ Каролингской державы и движеніемъ Балтійскихъ Славянъ, принудившимъ Германію вооружиться на нихъ. Мы не знаемъ только, произошло ли въ этотъ разъ столкновение; лѣтописецъ ничего больше не говорить объ этомъ походѣ противъ Бодричей.

Бодричи и все вообще Славянское поморье пользовалось уже полною независимостью и безопасностью со стороны Германіи. Только съ мелкихъ пограничныхъ племенъ, жившихъ вдоль Эльбы на самой чертѣ пограничныхъ военныхъ поселеній нѣмецкихъ, какъ-то съ Глинянъ, сосѣдей Саксонской марки, съ Суселцевъ, вѣтви Лабскихъ Сербовъ, жившихъ въ углу между Салою и Эльбою, подлѣ Турингской марки, и другихъ тамошнихъ племенъ, взымалась или по крайней мѣрѣ требовалась Нѣмцами дань. Въ 877 г. племена эти отказались платить ее. Лѣтописецъ рассказываетъ, что нѣмецкій король Людовикъ (младшій) послалъ къ нимъ своихъ людей, которымъ удалось усмирить ихъ безъ боя. Они взяли съ нихъ нѣсколькихъ заложниковъ и большіе подарки и принесли своему государю извѣстіе, что эти Славяне «возвратились въ прежнее свое подданство» ⁽²⁾. Вѣроятно, о дани уже рѣчи не было, и король удовольствовался посланными ему подарками: ибо въ слѣдъ затѣмъ мы видимъ уже эти мелкія пограничныя съ Нѣмцами племена въ такой же полной независимости, какою пользовались уже почти сорокъ лѣтъ болѣе сильныя и отдаленныя Бодричи.

Въ 871 году Германія, все болѣе и болѣе распадаясь внутри, напрягла остатокъ своихъ силъ для того, чтобы возстановить свое владычество надъ Славянами юго-западными, надъ державою Велико-моравскою. Успіе это кончилось страшнымъ пораженіемъ,

871.

⁽¹⁾ Ann. Bersin. 867.

⁽²⁾ Ann. Fuldens. 877: Sclavi qui vocantur Linones et Siusli eorumque vicini defectionem molientes solitum dare censum rennuunt; quos Hadowicus rex, missis quibusdam fidelibus suis, circa mediam quadragesimam, sine bello compressit, acceptisque obsidibus nonnullis et muneribus non paucis, eos sub pristinum subegit servitium. Сосѣди Суселцевъ, о которыхъ упоминаетъ лѣтописецъ, не исчисля ихъ именъ, были, безъ сомнѣнія, другія мелкія вѣтви Сербовъ, жившія около нихъ на западномъ берегу Эльбы, до р. Салы, именно Коледичи, Незѣтичи, Нудичи и Жирмунты.

которое дало юго-западной державѣ славянской совершенно новое значеніе, дало ей первенство въ славянскомъ мірѣ, поставило ее въ равновѣсіе съ цѣлою Германіей. А черезъ шесть лѣтъ послѣ великой побѣды Славянъ подъ Велеградомъ Моравскимъ, въ 877 году, мы видѣли, что сѣверо-западные племена славянскія, на берегу Салы и Эльбы, довершили свое освобожденіе отъ нѣмецкаго владычества. Теперь оставалось только, чтобы они вступили въ связь съ средоточіемъ славянской жизни, съ державою Славянъ прикарпатскихъ. Отъ Великой Моравы сѣверо-западные племена славянскія могли получить основанія порядка государственнаго, начатки котораго, приносимые изъ Германіи, къ нимъ не прививались (намъ извѣстно, какъ неудачны были попытки учредить у Бодричей единоедержавіе подъ покровительствомъ Западныхъ императоровъ). Что еще важнѣе, отъ Великой Моравы сѣверо-западные племена славянскія могли получить зародыши христіанства, проповѣданнаго народными просвѣтителеми Кирилломъ и Меѳодіемъ. Изъ этихъ рукъ Балтійскіе Славяне не стали бы отвергать ученіе новой вѣры, какъ они отвергали его, когда оно являлось къ нимъ въ сопровожденіи латинскихъ молитвъ и политическаго подчиненія нѣмецкому государству, нѣмецкому народу.

Дѣйствительно, Велико-Моравская держава начала уже прости-
 рать свое связующее и просвѣтительное вліяніе на сѣвероза-
 падъ до Эльбы. Чехія добровольно подчинилась верховной власти
 славянскаго государя, царствовавшего въ Моравскомъ Велеградѣ,
 славяно до сихъ поръ въ народныхъ повѣртіяхъ Святополка:
 она добровольно приняла крещеніе изъ рукъ славянскаго апосто-
 ла Меѳодія (около 874 года). Въ слѣдъ за Чехією и Лабскіе Сербы,
 ближайшіе сосѣди Балтійскихъ Славянъ и ихъ союзники въ послѣд-
 нихъ войнахъ съ Германією, вошли въ составъ новаго славянска-
 го государства: они, которые такъ недавно еще платили дань нѣ-
 мецкимъ королямъ, стали платить ее теперь Святополку моравско-
 му ⁽¹⁾. До насъ не дошло извѣстій о томъ, какъ это произошло, хо-

⁽¹⁾ Титмаръ (VI, 60) говоритъ о краѣ, гдѣ онъ жилъ (въ концѣ X-го и началѣ XI-го столѣтія) и гдѣ сдѣланъ былъ епископомъ и о которомъ преимущественно писалъ, — о такъ называвшейся Турингской маркѣ, основанной въ землѣ Сербовъ между Салой и Эльбой: Boemii, regnante Zuetepulco duce, quondam fuere principes nostri. Huic a nostris parentibus quotannis solvitur census et episcopos in sua regio-
 ne Marierun (нѣмецкая форма имени Моравія) dieta habuit.

тя мы можем предполагать, что Лабскіе Сербы, находясь, по самому положенію своему, въ постоянной опасности отъ Нѣмцевъ, добровольно искали защиты и покровительства единоплеменнаго имъ, могущественнаго соперника Германіи, государя моравскаго, по примѣру Чеховъ, своихъ сосѣдей. Мы не знаемъ также, проникли-ли къ Лабскимъ Сербамъ, вмѣстѣ съ политическимъ вліяніемъ Моравіи, проповѣдь Мессіи; но если позволено сдѣлать предположеніе, при совершенномъ отсутствіи современныхъ данныхъ, то мы готовы утверждать, что и къ этому отдаленному племени принесены были, въ краткую эпоху господства православной славянской проповѣди въ Моравіи и Чехіи, начатки христіанскаго ученія. Этимъ и объясняется для насъ, что въ слѣдующее время, христіанство, даже какъ оно предлагалось нѣмецкими властями, духовными и свѣтскими, уже не встрѣчало у Лабскихъ Сербовъ особеннаго сопротивленія; они сдѣлались легко и охотно христіанами; борьба ихъ съ Нѣмцами, въ теченіе первой половины X-го столѣтія, велась за независимость, но не имѣла въ себѣ того ожесточеннаго фанатизма, съ какимъ сосѣди Сербовъ, Балтійскіе Славяне, защищали, вмѣстѣ съ свободою, языческихъ боговъ своихъ. Скорому и легкому принятію христіанства Лабскіе Сербы преимущественно обязаны были тѣмъ, что они избѣгли полнаго истребленія, какому подверглись племена прибалтійскія, и что хотя частица ихъ края, нѣкогда обширнаго, сохранила донынѣ славянскій языкъ и славянскую народность.

Если бы дано было время восточному христіанству, проповѣданному народными просвѣтителями славянскими, окрѣпнуть въ Моравіи и Чехіи и съ тѣмъ вмѣстѣ укорениться между Лабскими Сербами, то оно, безъ всякаго сомнѣнія, скоро подвинулось бы оттуда далѣе на сѣверъ и овладѣло бы племенами балтійскихъ Ляховъ, Сторорянами, Бодричами, Велетами, Поморянами, какъ оно начинало уже проникать къ восточнымъ Ляхамъ у Вислы. Исторія всѣхъ этихъ земель приняла бы другой оборотъ, южный берегъ Балтійскаго моря остался бы славянскою землею. — Общеніе между Чехами и Балтійскими Ляхами существовало. Сынъ и преемникъ перваго христіанскаго князя чешскаго Боривоя, Вратиславъ, женился (въ послѣднихъ годахъ IX-го вѣка) на Драгоміри, «родомъ изъ лютищаго народа Лютицкаго, изъ земли, называвшейся Сторор-

скою» ⁽¹⁾. Она была матерью св. Вячеслава, знаменитаго исповѣдника и мученика чешскаго, и Болеслава I, при которомъ Чешское государство достигло небывалаго дотоѣ могущества. Правда, Драгомиръ не измѣнила характеру своего племени, сама была тверже камня, по выраженію лѣтописца, въ языческомъ упорствѣ; она погубила своего роднаго сына Вячеслава за его ревность къ христіанству. Но при другихъ условіяхъ, общеніе между Чехами и Балтійскими Ляхами могло бы продолжаться и принесло бы, рано или поздно, свои плоды: вліяніе Чеховъ-христіанъ преодолѣло бы фанатизмъ поклонниковъ Святовита; образъ свирѣпой Драгомиры вѣроятно смѣнился бы вскорѣ свѣтлымъ образомъ другой женщины, подобной той Дубравкѣ, которая изъ Чешской земли принесла христіанство въ Польшу.

Но вторженіе Венгровъ, уничтоженіе Велико-Моравской державы, истребленіе славянской народности и христіанства въ самомъ средоточіи дѣятельности Кирилла и Меѳодія, въ одно мгновеніе заглушили главный источникъ просвѣщенія для сѣверозападныхъ Славянъ. Племена прибалтійскія не успѣли еще услышать слова христіанской проповѣди на родномъ языкѣ, къ нимъ не успѣла дойти страница Евангелія въ славянскомъ переводѣ, когда ученики Кирилла и Меѳодія принуждены были удалиться за Дунай и сосредоточить свои дѣйствія исключительно между Болгарами и Сербами. Отдѣленные отъ южныхъ славянскихъ земель дикими язычниками Мадырами, Чехи и Надвислянскіе Ляхи уже не въ состояніи были сохранить ученіе, переданное имъ первыми ихъ просвѣтителями; славянское богослуженіе уступило у нихъ мѣсто латинскому, общеніе съ православными землями Востока замѣнилось подчиненіемъ главенству папы и верховной власти нѣмецкой имперіи. Если преданіе Кирилла и Меѳодія долго еще жило между Чехами, то лишь въ постоянномъ гоненіи, скрываясь отъ бдительности латинскаго духовенства, и дѣйствовать на другіе славянскіе народы оно не было въ состояніи. Еще легче и скорѣе заглушены были слабые начатки православнаго славянскаго христіанства у Лабскихъ Сербовъ, если дѣйствительно оно

⁽¹⁾ Cosm. Prag. (Mencken, scr. rer. German I, 1987): Wratislaus . . . qui accepit uxorem nomine Dragomir de durissima gente Luticensi, et ipsam saxis duriorem ad redendum, ex provincia nomine Stodor.

успѣло проникнуть къ нимъ, какъ мы предполагаемъ. Снова сомкнулся, едва открывшись на нѣсколько лѣтъ, тотъ кругъ, который отдѣлялъ Балтійскихъ Славянъ отъ всѣхъ источниковъ свободнаго христіанскаго просвѣщенія и приковывалъ ихъ къ бюрократической имперіи Нѣмецкой. Снова имъ представлялся единственный выборъ: принять христіанство отъ Германіи и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлаться, въ силу тогдашнихъ понятій романо-германской Европы, подданными нѣмецкаго государства, или биться до послѣдней капли крови за свободу и язычество. Если Чехи и Поляки, вступая въ западную церковь, тѣмъ самымъ подчинялись нѣмецкому государству (у Чеховъ это подчиненіе осталось; Поляки освободились отъ него съ теченіемъ времени),—то тѣмъ менѣе могли избѣгнуть этихъ притязаній Запада ближайшія племена Балтійскихъ Лиховъ, обладаніе которыми составляло для Германіи существенную политическую выгоду. Для Чеховъ вслѣдствіе ихъ внутренней сосредоточенности и благопріятныхъ условій мѣстности, для Поляковъ вслѣдствіе ихъ отдаленности, подчиненіе Западной державѣ не было особенно тягостно и, ограничиваясь вассальными отношеніями ихъ правителей къ государямъ нѣмецкимъ, едва ощущалось самимъ народомъ. У Балтійскихъ Лиховъ, напротивъ, раздробленность и относительная слабость, близость къ Германіи и народная вражда съ нею, все это должно было обратить подчиненіе Западной державѣ въ непосредственное подданство, и въ подданство не только главѣ государства, императору, но и проводникамъ его воли, пограничнымъ саксонскимъ начальникамъ и самому племени Саксовъ, на которое падала обязанность держать императорскій мечъ и римскій крестъ надъ со-
сѣдними *варварами*, Славянами. Что же оставалось дѣлать Балтійскимъ Лихамъ? Выбрать между неравною борьбою или тяжкою неволюю. Выборъ для нихъ не могъ быть сомнительнымъ, и черезъ сто лѣтъ послѣ того, какъ надъ западно-славянскимъ міромъ промелькнула народная проновѣдь восточнаго христіанства и, заглушенная въ самомъ началѣ, погасла тамъ, не коснувшись племенъ прибалтійскихъ, для которыхъ она была бы единственнымъ выходомъ, единственнымъ средствомъ спасенія,—черезъ сто лѣтъ, говорю я, послѣ этой эпохи, историкъ Саксовъ, Видукинъ ⁽¹⁾, могъ уже ясно сознать

(1) Онъ жилъ при Оттонѣ I (ум. 973) и, можетъ быть, при Оттонѣ II (ум. 933).

роковыя отношенія Балтійскихъ Славянъ къ своему народу и написавъ эти знаменательныя и въ его время еще пророческія слова: *Transeunt sane dies plurimi, his pro gloria et pro magno latoque imperio, illis pro libertate ac ultima servitute varie certantibus*: «много дней проходить, что они борются съ переменнымъ счастьемъ, Саксы для славы и обширнаго, пространнаго владычества, Балтійскіе Славяне, чтобы найти свободу или же крайнее рабство» ⁽¹⁾.

X.

Балтійскіе Славяне во время полнаго упадка Германіи въ концѣ IX-го и началѣ X-го вѣка; ихъ вторженія и переселенія въ нѣмецкія земли. 877—919.

Не скоро еще однако могла Германія начать снова эту борьбу, завѣщанную ей Карломъ Великимъ и всѣми преданіями нѣмецкаго племени; и вотъ, въ пору самаго глубокаго ея упадка, когда она казалась легкою добычею Славянъ, напавшихъ на нее отъ Голштиніи до Адриатическаго моря, судьба послала ей съ дальняго востока, изъ-за Волги и Дона, на помощь степную орду: Магьары, какъ мы сказали, задавили центръ западно-славянскаго міра; они раздробили западно-славянскій міръ и приготовили будущее его паденіе передъ нѣмецкимъ народомъ. Тяжело досталось на первыхъ порахъ и самой Германіи отъ этихъ дикарей. До Бремена, до Страсбурга и до Констанцскаго озера, черезъ всѣ нѣмецкія земли, простирали Магьары свои жестокіе набѣги, и вопли подымались со всѣхъ концовъ земли нѣмецкой противъ свирѣпой орды. Но Германія должна признать, что эта орда спасла ее отъ опасности безконечно страшнѣйшей для нея: она ее предохранила отъ соединенія и развитія силъ у сосѣднихъ Славянъ, въ то именно время, когда самъ нѣмецкій народъ и весь западъ Европы, переходя черезъ хаотическое броженіе къ образованію органическихъ народностей и государствъ, были безоружны передъ юнымъ племенемъ славянскимъ, радостно ощутившимъ свое политическое бытіе. Дѣломъ Магьаръ было то, что этой хаотической Германіи не противопоставила какая-нибудь стройная, цѣльная держава славянская, которая обняла бы всю ширину средне-европейскаго материка, что зародышъ такой

¹⁾ Widukindi res gestae Saxonicae (Mon. Germ. III) II, 20.

державы уничтожены были въ самомъ зачаткѣ, и что, затѣмъ, подлѣ Германіи остались по прежнему, какъ было при Карлѣ Великомъ, безсвязныя племена славянскія, ждавшія спокойно, пока нѣмецкій народъ выйдетъ изъ своего хаотическаго броженія, установится, сосредоточится и бросится на нихъ.

Вся исторія Балтійскихъ Славянъ съ того времени, какъ Германія отказалась отъ владычества надъ ними, до той поры, когда она возобновила попытки покорить ихъ, въ продолженіи сорока слишкомъ лѣтъ (877—919) не представляетъ ни одного блестящаго; выдающагося факта. Славяне живутъ себѣ по-старому, пользуясь минутною независимостью, не помышляя о томъ, какъ бы упрочить ее въ будущемъ. Германія не тревожитъ ихъ, и этого съ нихъ довольно. Съ своей стороны, и они не тревожатъ Германіи, или тревожатъ такъ мало, что при большомъ протяженіи границы, открытой ихъ набѣгамъ, при слабости ея защиты и при множествѣ нанесенныхъ имъ въ прежнее время обидъ, эти нападенія кажутся совершенно ничтожными; только изрѣдка лѣтописецъ упоминаетъ о какомъ-нибудь частномъ набѣгѣ того или другаго славянскаго племени на пограничныя мѣста Германіи; а въ то же время какъ часты, какъ обширны, какъ безпощадны были нападенія на нее другихъ, отдаленнѣйшихъ отъ нея и несравненно слабѣйшихъ народовъ, Норманновъ и Мадьяръ!

Связнаго историческаго разсказа объ этой эпохѣ въ жизни Балтійскихъ Славянъ мы не можемъ представить. Намъ приходится здѣсь сохранить отрывочный способъ повѣствованія лѣтописцевъ того времени.

Въ 880 году Норманны устремились на Германію съ особенною яростью и ударили на нее въ двухъ мѣстахъ: на Шельдѣ и на Эльбѣ. На Шельдѣ, въ Нидерландахъ, они были отбиты; но въ землѣ Саксовъ (вѣроятно въ Нордалбингін) удалыцы сѣвера одержали одну изъ самыхъ славныхъ своихъ побѣдъ (2 февраля). Пораженіе Саксовъ было полное; нѣсколько столѣтій жило о немъ воспоминаніе. Оружіе Норманновъ и неожиданно выступившая изъ береговъ своихъ рѣка (безъ сомнѣнія, Эльба) уничтожили все войско Саксовъ: тутъ погибъ герцогъ саксонскій Брунъ, дядя знаменитаго въ послѣдствіи короля Генриха Птицелова; съ нимъ погибли 11 графовъ Саксонской земли съ своими полками и 18 служилыхъ

людей королевских (satellites regis) вмѣстѣ съ ихъ дружинами; наконецъ, погибли два епископа, Тіотрихъ Минденскій и Марквартъ Гильдесгеймскій, которые, по возникавшему въ эту эпоху на западѣ обычаю, сражались въ рядахъ войска. Въ этой великой побѣдѣ участвовали и Славяне—безъ сомнѣнія ближайшіе къ Саксамъ и Датчанамъ, Бодричи и Лютичи. Объ епископѣ Марквартѣ лѣтописецъ говоритъ именно, что онъ убитъ былъ Славянами ⁽¹⁾; но главную роль въ битвѣ играли Норманны: Славяне составляли, какъ видно, только вспомогательную рать, которую Норманны вызвали идти на Нѣмцевъ. Оттого большая часть лѣтописцевъ даже не упомянули объ ихъ участіи въ этой войнѣ ⁽²⁾.

Побѣда эта отозвалась далеко между Славянами: она подвигнула Лабскихъ Сербовъ и Чеховъ къ нападенію на Турингію ⁽³⁾. Тѣмъ болѣе замѣчательно, что ближайшіи къ Норманнамъ и Саксамъ прибалтійскія племена, Бодричи и Лютичи, передъ глазами которыхъ произошло страшное пораженіе ихъ непримиримыхъ враговъ, не воспользовались имъ и не устремились на землю Саксовъ. Но послѣ всего, что мы сказали о политическомъ характерѣ этихъ племенъ, такое явленіе намъ совершенно понятно. Балтійскіе Славяне остались спокойными въ своихъ границахъ, и девять лѣтъ объ нихъ не упоминаютъ нѣмецкіе лѣтописцы.

Король нѣмецкій Арнульфъ, который успѣлъ на нѣсколько лѣтъ возстановить единство и силу Германіи и велъ непрестанную борьбу съ велико-моравскимъ королемъ Святополкомъ, въ 889 году, пользуясь краткимъ срокомъ мира съ Великою Моравіею, обратилъ свои взоры на Славянское поморье. Заключивъ миръ съ Норманнами и разными славянскими племенами, онъ созвалъ войско, чтобы идти на Бодричей. Войско было весьма большое, говоритъ лѣтописецъ, но походъ кончился несчастливо, и Арнульфъ скоро возвратился и распустилъ свою рать ⁽⁴⁾. Разрывъ съ Бодричами продолжался до 895 года, но, какъ видно, безъ особенно важныхъ предпріятій съ той или другой стороны. Наконецъ, въ 895

⁽¹⁾ Chron. Hildesheim. (M. G. IX, 831): Marcquardus episcopus occisus est a Sclavis.

⁽²⁾ Ann. Fuldens. 880. Widukind. I, 16. Thietmar. II, 15.

⁽³⁾ Ann. Fuldens. 880.

⁽⁴⁾ Ann. Fuld. 889 (M. G. I, 406).

году, Бодричи прислали къ Арнульфу посольство съ подарками и предложили ему миръ, на всѣ условія котораго онъ охотно согласился ⁽¹⁾.

Императоръ Арнульфъ, кое-какъ сдерживавшій еще Германію, умеръ въ 899 году. «Со всѣхъ сторонъ, пишетъ нѣмецкій историкъ, опасность и гибель окружала государство, а все-таки на престолъ возвели дитя, сдѣлали его хранителемъ обуреваемой власти. И такъ, настало то, что должно было случиться: Германія рассталась и сдѣлалась добычею вѣнскихъ враговъ. Наступило въ земляхъ нѣмецкихъ время глубочайшаго позора и самаго плачевнаго замѣшательства». Далѣе, тотъ же историкъ приводитъ картину тогдашняго внутренняго состоянія Германіи, какъ ее рисуетъ современникъ, констанційскій епископъ Соломонъ: «Повсюду распри, между графами и между вассалами, междоусобія раздираютъ волости и племена, въ городахъ свирѣпствуетъ матакъ, законъ понижается ногами и именно тѣ, которые должны бы были защищать землю и народъ, подаютъ самый гибельный примѣръ. Вельможи, отцы которыхъ нѣкогда подавляли возстанія, теперь сами разжигаютъ междоусобную войну. Хворое дитя, носящее имя короля, лишаетъ насъ возможности имѣть настоящаго властителя. Его юность неспособна къ оружію, къ суду и расправѣ. Его хилое тѣло, его безсиліе и отсутствіе мужественнаго духа дѣлаютъ его презрѣннымъ для своихъ и внушаютъ врагамъ такую смѣлость, что они отваживаются на все . . . » ⁽²⁾.

Между этими врагами появляются и Балтійскіе Славяне. Въ 902 году они опустошали Саксонію, но скудная лѣтопись ничего не прибавляетъ къ этимъ краткимъ словамъ: *Sclavi vastaverunt Saxoniam* ⁽³⁾. Самые страшные, самые разрушительные враги Германіи были однако въ то время Венгры. Вторженія ихъ въ предѣлы Германскаго государства начались еще въ 899 году. Но гораздо смѣлѣе, яростнѣе начали они терзать ее, когда окончили завоеваніе славянской державы, бывшей между Карна-

⁽¹⁾ Тамъ же, 895 (M. G. I, 411) Legatos Obodritorum curte regia Salz munera secum deferentes, ad regem pacifica optantes pervenerunt, quos rex ut audivit, sine mora postulata annuens et abire permisit.

⁽²⁾ Giesebrecht, Gesch. der deutschen Kaiserzeit, I, 169, 174.

⁽³⁾ Ann. Hildesheim. 902 (M. G. III, 50).

тами и Дунаемъ, и тутъ себя обезпечили. На сѣверъ отъ Карпатовъ они, по-видимому, не хотѣли распространять своихъ завоеваній; потому тамошніе Славяне находили въ нихъ союзниковъ, которые готовы были за одно съ ними бросаться на Германію, какъ на свою добычу.

Между сѣверо-западными Славянами въ это время особенно часто подымали оружіе на Нѣмцевъ Лабскіе Сербы, гораздо чаще, нежели Балтійскіе Славяне; а изъ всѣхъ Лабскихъ Сербовъ, кажется, особенно воинственны были Гломачи (или Далеминцы, какъ ихъ называли Нѣмцы), жившіе на лѣвомъ берегу Эльбы, между этой рѣкой и рѣкой Каменицей, теперь Chemnitz, въ нынѣшнемъ Саксонскомъ королевствѣ (*). Мы знаемъ, что они напали на Турингію въ 880 году. Въ 892 году погибъ, съ цѣлымъ своимъ войскомъ, въ предѣлахъ сосѣдняго съ Гломачами небольшого племени Хутичей, епископъ вирцбургскій Аридъ, и это пораженіе, которое произвело глубокое впечатлѣніе въ тогдашней Германіи, едва-ли обошлось безъ участія Гломачей, сдѣлавшихся, какъ видно, въ то время главою союза сосѣднихъ съ ними мелкихъ племенъ. Постоянно воевалъ съ Гломачами храбрый герцогъ саксонскій Оттонъ. Въ 906 г. онъ послалъ противъ нихъ съ войскомъ своего сына Генриха, въ послѣдствіи знаменитаго короля, восстановителя Германіи: этотъ походъ былъ его первымъ воинскимъ опытомъ. Гломачи испугались сильнаго войска нѣмецкаго и призвали на помощь Венгровъ. Мадьярская рать, проведенная ими въ землю Саксовъ, опустошила ее ужасно и возвратилась къ Гломачамъ съ громадною добычею. Но тутъ, прибавляетъ лѣтописецъ, эти Венгры встрѣтили другую рать венгерскую, которая грозила поднять оружіе на ихъ союзниковъ, Славянъ, за то, что они пренебрегли ея помощью, а тѣмъ указали путь къ такой огромной добычѣ. Вслѣдствіе того, Саксонія подверглась вторичному нашествію Венгровъ; а между тѣмъ, первое войско, ожидая возвращенія втораго, стояло въ землѣ Гломачей, которая отъ этого, въ свою очередь, доведена была до такой нищеты, что жители въ тотъ годъ принуж-

(*) Thietm. I, 2, 3. . . . provinciam quam nos teutonice Deleminci vocamus, Slavi autem Glomaci appellant.

дены были покинуть свою родину и идти зарабатывать хлѣбъ у другихъ народовъ» (¹).

Таковъ разсказъ саксонскаго лѣтописца о первомъ вторженіи Венгровъ въ сѣверные края Германіи. Мы имѣемъ право сомнѣваться въ точности этого разсказа, тамъ гдѣ говорится о двухъ войскахъ Венгерскихъ, поочередно отправившихся грабить Саксонію и изъ которыхъ первое дожидалось возвращенія втораго, живя на счетъ Лабскихъ Сербовъ. По всей вѣроятности, мы читаемъ тутъ у лѣтописца народное преданіе Саксовъ, смыслъ котораго былъ тотъ, что вторженіе Венгровъ въ ихъ землю, хотя совершившееся съ помощью Славянъ, а можетъ быть и вызванное ими, обошлось самымъ Славянамъ почти также дорого, какъ ихъ врагамъ.

Какъ бы то ни было, нашествія Венгровъ на самые отдаленные края сѣверной Германіи съ тѣхъ поръ не прекращались (²).

Вся Германія отдалась этимъ дикарямъ, какъ безпомощная жертва. Стоитъ прочесть современные лѣтописи, чтобы понять тогдашнее оцѣпенѣніе земли нѣмцевъ. Прочитаемъ подъ-рядъ все, что говоритъ объ этомъ времени относительно подробная лѣтопись германская, извѣстная подъ именемъ продолженія Регинона:

«907. Баварцы, вступивъ въ бой съ Венірами, поражены были съ великимъ урономъ, и въ этой битвѣ погибъ герцогъ Лютбальдъ, которому наследовалъ въ герцогствѣ его сынъ Арнульфъ.

«908. Веніры, снова перешедши границы, опустошили Саксонію и Турингію.

«909. Веніры вступили въ Аламанию (Швабію).

«910. Франки (т. е. Франконцы), вступивъ въ бой съ Венірами на границѣ Баваріи и Франціи (т. е. Франконіи), были частью побиты, частью обращены въ бѣгство плачевнымъ образомъ. Въ этой битвѣ погибъ графъ Годсгардъ, оставивъ двухъ малолѣтнихъ сыновей, Удона и Гериманна, которые въ послѣдствіи сдѣлались славными и знатными во Франціи (т. е. Франконіи).

«911. Король Хлудовигъ, сынъ императора Арнульфа, умеръ; ему наследовалъ въ королевствѣ Куонрадъ, сынъ убитаго Адалбертомъ Куонрада.

(¹) Widuk. I, 17, 20.

(²) Adam Brem. I, 33. Ann. Quedlinb. 916 (M. G. III, 52). Cont. Reginonis. 918 (M. G. I, 614).

«912. Венгры снова, не встрѣчая ни въ комъ сопротивленія, раззорили Францію (Франконію) и Туринію. Архіепископъ Хатто умеръ, человекъ весьма сильный и мудрый, которому наследовалъ Геригеръ. Оттонъ, герцогъ Саксовъ, умеръ.

«913. Весьма жестокая зима. Венгры опустошили часть Аламаниі (Швабія), и побиты были у рѣки Инна Баварцами и Аламаниами. Въ томъ же году, Энгартъ, епископъ спирскій, ослѣпленъ былъ графами Беригардомъ и Куонрадомъ.

«914. Отбертъ, епископъ страсбургскій, убитъ. Епископъ Саломонъ плененъ.

«915. Венгры опустошили всю Аламанию огнемъ и мечемъ, а равно прошли по всей Туриніи и Саксоніи и достигли до монастыря Фульды.

«916.—917. Венгры чрезъ Аламанию проникли въ Алзацию (Эльзасъ) и до предѣловъ Лотарингскаго королевства. Эрхангеръ и Барахтольдъ казнены. Ариульфъ, герцогъ баварскій, возбунтовался противъ короля ⁽¹⁾».

Мы видимъ, почти ничего не записано въ тогдашней германской лѣтописи, кромѣ венгерскихъ набѣговъ, да внутреннихъ безпорядковъ.

Германія дошла до того, что она казалась безжизненнымъ трупомъ. Въ это время, наконецъ, и Балтійскіе Славяне покинули свое прежнее исключительно оборонительное положеніе и вышли вмѣстѣ съ другими народами на поживу, т. е. на раззореніе земли иѣмечкой. «Въ тѣ дни, говоритъ Адамъ Бременскій, ужаснѣйшая напасть обрушилась на землю Саксовъ, ибо съ одной стороны Датчане и Славяне, съ другой Чехи и Венгры опустошали тамъ церкви» (вмѣсто Чеховъ было бы правильнѣе и согласнѣе съ другими извѣстіями назвать Лабскихъ Сербовъ, ихъ сосѣдей). «Въ то время, продолжаетъ тотъ же лѣтописецъ, гамбургская епархія была опустошена Славянами, бременская—Венграми» ⁽²⁾. Раззореніе Бремена Венграми случилось въ 916 году. Къ этому же времени слѣдуетъ, по всей вѣроятности, отнести и раззореніе гамбургской епархіи или Нордалбингін Славянами (т. е. конечно, ближайшимъ славянскимъ племенемъ, Бодричами).

⁽¹⁾ Cont. Reginonis M. G. I, 614.

⁽²⁾ Ad. Brem. I, 54.

Мы видѣли, какъ скудны извѣстія тогдашнихъ нѣмецкихъ лѣтописцевъ; притомъ же лѣтописи составлялись въ то время еще только въ средней и южной Германіи, во Франконіи, Швабін, Лотарингіи, и т. д. Въ землѣ Саксовъ стали вести лѣтописи только во второй половинѣ X-го вѣка, когда тяжелыя для Германіи событія первыхъ годовъ этого столѣтія частью изгладились изъ памяти, частью обратились въ общія, неопредѣленные воспоминанія. Вотъ почему до насъ не дошло никакихъ подробностей о тогдашнихъ нашествіяхъ Балтійскихъ Славянъ на Германію. Мы знаемъ только, что Балтійскіе Славяне вторгались въ то время въ нѣмецкія земли, что они дѣйствовали тамъ заодно съ Датчанами и, вѣроятно даже, какъ прежде, были ими побуждаемы къ этимъ предпріятіямъ, наконецъ, что они, вмѣстѣ съ Датчанами, раззорили сперва Нордалбингію, стали потомъ переходить за Эльбу и, по словамъ лѣтописца, «наполнили землю Саксовъ великимъ ужасомъ»: обо всемъ этомъ сохранилъ намъ воспоминаніе Адамъ Бременскій ⁽¹⁾. Самое сильное нападеніе Датчанъ на нѣмецкія области, сопровождаемое, какъ видно, и вторженіемъ Славянъ за Эльбу, произошло въ 919 году. А въ это самое время король нѣмецкій Конрадъ, слабый и безпомощный, на смертномъ одрѣ, завѣщавалъ престолъ своему сопернику и врагу, герцогу саксонскому Генриху и поручалъ его крѣпкой рукѣ спасеніе Германіи; и народъ нѣмецкій провозглашалъ своимъ королемъ этого мужественнаго, настойчиваго, могучаго душой и тѣломъ Саксонца. Началась новая эпоха, въ которую нѣмецкій народъ сдѣлался главнымъ двигателемъ и рѣшителемъ судьбы Европы; началась новая эпоха и для Балтійскихъ Славянъ, та эпоха, въ которую Германія возобновила и стала приводить въ исполненіе неудавшееся предпріятіе Карла Великаго—завоеваніе и поработеніе славянскихъ племенъ на южномъ берегу Балтійскаго моря. Племена же эти, какъ мы видѣли, въ пору отдыха, которую судьба имъ послала,—въ пору полной независимости и торжества надъ Нѣмцами,—ничего не сдѣлали для того, чтобы обезпечить себя отъ возобновленія и исполненія предпріятія Карла Великаго.

⁽¹⁾ Ad. Brem. I, 57.

XI.

Дополнение къ предыдущей главѣ: обзоръ поселеній Балтійскихъ Славянъ, образовавшихся, преимущественно въ концѣ IX-го и началѣ X-го вѣка, на западномъ берегу Эльбы.

Одинъ только результатъ имѣла, кажется, для Балтійскихъ Славянъ пройденная нами эпоха; но этотъ результатъ былъ въ политическомъ смыслѣ ничтожный. Они воспользовались опустошеніемъ Саксонской земли и безспіемъ Саксовъ, чтобы водвориться между ними, на лѣвомъ берегу Эльбы, мирными колоніями земледѣльцевъ. Таковъ былъ повсюду характеръ славянскихъ народовъ: опустошительные набѣги ихъ на земли враждебныхъ народовъ оставляли всегда послѣ себя осадокъ трудолюбивыхъ хлѣбопашцевъ. Вспомнимъ нашествія Славянъ на Греческія земли въ VI, VII и VIII вѣкѣ. Тоже самое явленіе повторилось, хотя въ гораздо меньшихъ размѣрахъ, въ сѣверной Германіи въ концѣ IX-го и началѣ X-го вѣка. Въ эпоху Каролинговъ мы не встрѣчаемъ ни въ современныхъ извѣстіяхъ, ни въ мѣстныхъ названіяхъ, никакого намека на существованіе славянскихъ поселеній на лѣвомъ, нѣмецкомъ берегу Эльбы (выше впаденія въ нее Салы): Эльба является во всѣхъ свидѣльствахъ того времени рѣзкою гранью между Саксами и Славянами. Напротивъ, въ слѣдующій затѣмъ періодъ, т. е. при саксонскихъ императорахъ, мы находимъ несомнѣнные признаки поселеній славянскихъ, и даже довольно обширныхъ, на лѣвомъ, саксонскомъ берегу этой рѣки. Потому мы и заключаемъ, что поселенія эти образовались именно въ концѣ IX-го и началѣ X-го вѣка, въ то время, когда Славяне, по свидѣтельству лѣтописцевъ, производили безъ сопротивленія нашествія въ землю Саксовъ.

Читатель помнитъ о великой побѣдѣ, одержанной въ 880 году Норманнами, вмѣстѣ съ Славянами, надъ войскомъ саксонскаго герцога Бруна, на низовьяхъ Эльбы. Одна современная лѣтопись прибавляетъ, что вѣсть объ этомъ пораженіи Саксовъ побудила племена Лабскихъ Сербовъ взяться за оружіе. Въ союзѣ съ Чехами и, можетъ быть, съ Сторянами (жителями Бранденбургин), они вознамѣрились вторгнуться въ Турингію, но встрѣтили неожиданное сопротивленіе въ ближайшихъ къ Нѣмцамъ сербскихъ вѣтвяхъ, которыя жили около рѣки Салы: тамошніе Славяне остались вѣрными

Германіи, и соплеменники ихъ принялись жечь и губить ихъ селенія. Наконецъ подоспѣлъ начальникъ (герцогъ) Сербо-Турингской марки, Понпо, разбилъ на голову Славянъ и истребилъ всю ихъ рать⁽¹⁾.—Это извѣстіе открываетъ намъ любопытное обстоятельство: отдаленнѣйшія къ западу поселенія Славянъ около рѣки Салы, не только не участвуютъ въ войнѣ противъ Нѣмцевъ, но даже стоятъ на ихъ сторонѣ въ такое время, когда Германія казалась легкою добычею всѣмъ ея врагамъ. Въ этихъ поселеніяхъ, три года передъ тѣмъ (877), было, какъ мы уже сказали, возмущеніе противъ Нѣмцевъ, и его усмирили не оружіемъ, а кроткими мѣрами и подарками. Потребность народной независимости не сказывалась въ этихъ отдаленныхъ поселеніяхъ Славянъ, въ этихъ послѣднихъ, слабыхъ волнахъ славянскаго моря, которыя захватили окраины нѣмецкаго материка: тутъ Славяне были только мирными и покорными земледѣльцами. Въ тѣхъ славянскихъ поселеніяхъ, которыя образовались на западной сторонѣ р. Салы, во Франконіи, въ окрестностяхъ Фульды, Бамберга и Вирцбурга, даже и рѣчи не могло быть о независимости отъ Нѣмцевъ. Ближайшія къ Салѣ сербскія вѣтви, мы видѣли какъ мало дорожили ею. То же самое должно сказать и о тѣхъ выходцахъ съ Славянскаго поморья, которые, какъ мы съ достовѣрностью можемъ предполагать, въ разсматриваемую нами эпоху, двинулись на лѣвый берегъ Эльбы и расселились по всей юговосточной части земли Саксовъ: они, подобно западнымъ отраслямъ Лабскихъ Сербовъ, разъ признавъ нѣмецкое владычество, уже не старались его свергнуть съ себя. Въ слѣдствіе этого Германія обошлась съ этими славянскими колоніями въ ея собственныхъ нѣдрахъ милостивѣе, нежели съ тѣми племенами, которыя жили въ ея сосѣдствѣ, за Салой и Эльбой. Сосѣднія племена, послѣ завоеванія, были преданы пс-

(1) Ann. Fuld. 886 (M. G. I, 393). Sclavi qui vocantur Dalmatii (это тѣ, которыхъ западные источники обыкновенно называютъ Далеминцами, и которые сами себя называли Гломачами,—лѣтъ Полабскихъ Сербовъ, жившая въ средней части нынѣшняго королевства Саксоніи на лѣвомъ берегу Эльбы, въ Мейсенскомъ краѣ) et Behemi atque Sorabi (Полабскіе Сербы) caeterique circumcirca vicini, audientes stragem Saxonum a Nordmannis factam, pariter conglobati Thuringios invadere nituntur, et in Sclavis circa Salam fluvium Thuringlis fidelibus praedas et incendia exercent. Quibus Poppo comes et dux Sorabici limitis occurrit et Dei auxilio fretus ita eos prostravit, ut nullus de tanta multitudine remaneret.

требленію, тогда какъ въ смиренныхъ колоніяхъ на нѣмецкой землѣ позволено было славянской народности спокойно доживать свой вѣкъ въ деревенской глуши. Когда отъ крѣпкихъ бойцевъ, отъ Бодричей и Лютичей, уже давно не оставалось слѣда, потомки Древлянъ и Глинянъ, поселившихся на западномъ берегу Эльбы, продолжали еще говорить по-славянски. Славянская рѣчь сохранилась у нихъ до конца прошлаго столѣтія, и до сихъ поръ, даже послѣ утраты языка своего, они отличаютъ себя отъ окружающихъ Нѣмцевъ, сами себя еще сознаютъ особымъ племенемъ, *Вендами*. То же самое видимъ мы у Сербовъ на р. Савѣ: хотя они раньше утратили свой языкъ, но и тамъ, въ Альтенбургскомъ герцогствѣ, сохранился уголокъ, гдѣ жители помнятъ о своемъ славянскомъ происхожденіи и до сихъ поръ не смѣшиваются съ нѣмецкимъ населеніемъ (это такъ называемые *Altenburger Wenden*).

Съ этими Славянскими поселеніями въ глубинѣ земель Нѣмецкихъ мы уже не будемъ имѣть случая встрѣчаться въ продолженіи нашего историческаго разсказа: ибо исторической дѣятельности эти слабыя, затерянные славянскія поселенія не могли имѣть. Поэтому, чтобы не возвращаться болѣе къ нимъ, мы постараемся обозрѣть эти поселенія, поскольку онѣ принадлежатъ къ племени Балтійскихъ Ляховъ. Точное опредѣленіе славянской колонизаціи въ Германіи весьма возможно, даже при недостаткѣ историческихъ свѣдѣній: между мѣстными именами германскаго и славянскаго происхожденія существуетъ такое рѣзкое различіе, что можно почти безошибочно угадать, какія деревни, рѣки, ручьи получили свое названіе отъ Славянъ и какіе отъ Нѣмцевъ.

Въ изслѣдованіи такого рода необходимо, за неимѣніемъ опредѣленныхъ историческихъ свѣдѣтельствъ, принять исходною точкою современность.

Въ настоящее время, на лѣвомъ, издревле нѣмецкомъ, берегу Эльбы *Вендландомъ*, землею Славянскою, называется край, почти совпадающій границами съ Люховскимъ округомъ (*Amt Lüchow*), въ восточномъ углу Ганноверскаго королевства. Городокъ Люховъ (такъ онъ, вѣроятно, и назывался первоначально по-славянски ⁽¹⁾);

(1) Въ Польшѣ есть тоже Люховъ: Польскія мѣстныя имена служатъ вѣрнѣйшимъ руководствомъ для объясненія мѣстныхъ именъ Балтійскихъ и Забалтійскихъ Ляховъ, вслѣдствіе ближайшаго сродства этихъ Ляховъ съ Польскими Славянами.

въ XVII столѣтїи, когда рѣчь Залабскихъ Славянъ была уже крайне испорчена, они звали его Ljauchiw (*)), — городокъ Люховъ лежитъ почти въ серединѣ этого края. Къ *Вендланду* причисляются, на сѣверѣ и востокѣ, ближайшія деревни ганноверскихъ округовъ Даниенбергскаго и Гартовскаго.

Небольшой уголокъ этотъ, въ которомъ сохраняется донынѣ славянское преданіе, имѣетъ свои твердые естественные предѣлы. На западъ границею служитъ гряда каменистыхъ и глинистыхъ холмовъ, которые не слишкомъ высоки, но довольно неудобны для перехода и до сихъ поръ почти разобщаютъ жителей одной стороны отъ другой. Гряда эта начинается у прусской границы у рѣчки Дитте, близъ дер. Darsekau (т. е. по-славянски Даржковъ (**)), отдѣляя ганноверскій приходъ Clenze (село это Славяне называли Клонска (**)), причисляемый къ нынѣшнему *Вендланду*, отъ прихода Bergen (по-слав. Горска (*)), теперь уже не призна-

Большая часть мѣстныхъ именъ славянскихъ, какія мы встрѣчаемъ въ Померанїи, Мекленбургѣ, Бранденбургѣ и въ колонїяхъ за Эльбою, повторяются въ Польшѣ. Къ сожалѣнію, матеріалъ, которымъ мы въ настоящее время могли пользоваться относительно польскихъ мѣстныхъ именъ, не полонъ, и касается только Царства Польскаго (это изданная въ 1827 г. въ Варшавѣ Правительственною Комиссіею Внутреннихъ Дѣлъ и Полиціи *Tabella miast, wsi, osad Królestwa Polskiego*) и Польской части Галиціи (*Skorowidz wszystkich miejscowosci Galicyi i Lodomeryi Lwów 1835*). Для Познани и польской части Силезїи и Пруссїи у насъ не было под рукой подобныхъ топонимическихъ указателей, а на картахъ и въ географическихъ словаряхъ, намъ доступныхъ, тамошнія мѣстныя имена такъ искажены нѣмецкимъ произношенїемъ и правописанїемъ, что не годятся для нашей цѣли. Но и при такомъ недостаточномъ матеріалѣ, мы найдемъ поразительное сходство между мѣстными именами въ Польшѣ и въ самыхъ отдаленныхъ къ западу поселенїяхъ Балтїйскихъ Славянъ: новое доказательство утверждаемаго нами тождества обоихъ народовъ, или вѣрнѣе сказать, обѣихъ вѣтвей Ляшскаго народа.

(*) Рукоп. словарь Геннинга: онъ пишетъ Ljauchi, Ljeuchi.

(**) Въ Польшѣ Dzierżkow.

(**) Геннингъ: Clonzea.

(*) Геннингъ пишетъ Tjorska, потому что въ XVII в. ганноверскіе Славяне постоянно передъ гласными смягчали гортанныя *t* и *k* въ *th* и *ty*. Мы не считаемъ нужнымъ распространяться здѣсь о тѣхъ, довольно правильныхъ, измѣненїяхъ, которымъ подверглась ляшская рѣчь въ говорѣ Залабскихъ Древлянъ и Глинянъ, какъ онъ намъ извѣстенъ изъ Геннигова словаря и разныхъ записокъ XVII и XVIII вѣка. Измѣненїя эти указаны нами въ статьѣ: «Памятники нарѣчія Залабскихъ Древлянъ и Глинянъ», напечатанной въ Прибавленїяхъ къ V-му тому «Извѣстій» II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ. Тамъ же приведены нами и тѣ, наиболее обыкновенныя, искаженїя, которыя испытывали слова этого нарѣчія отъ нѣмецкаго слуха и правописанїя.

ваемаго *вендскимъ*. Она идетъ на сѣверъ и потомъ на сѣверовостокъ до дер. Witzetze im Drawehn (т. е. Осѣча ⁽¹⁾ въ Древянахъ). Отсюда граница *Вендской* земли идетъ на востокъ и потомъ на сѣверо-востокъ и у деревень Пресѣча (Pretetze) и Лазъ (Laase) упирается въ Эльбу; по всей этой чертѣ тянется, ограждая *Вендскую* землю, непрерывная полоса болотъ, которыя въ старину считались непроходимыми, и отъ которыхъ теперь еще остаются, близъ Эльбы, глубокия топи, занимающія нѣсколько квадратныхъ миль. Граница современнаго *Вендланда* только въ одномъ означенномъ нами мѣстѣ (между дер. Pretetze и Laase) примыкаетъ къ Эльбѣ, которая тутъ течетъ тоже прямо съ востока на западъ; отъ этой точки граница спускается съ сѣверо-запада къ юго-востоку, по широкой полосѣ лѣсовъ, отдѣляющей *вендскую* часть Гартовскаго округа отъ той, въ которой имя *Вендовъ* уже исчезло. За ганноверскою деревнею Prezelle (Преселье) восточная граница *Вендланда* упирается подъ прямымъ угломъ въ границу Ганноверскаго королевства и принадлежащаго Пруссiи Зальцведельскаго округа. Южная граница *Вендланда*, по представленiю самихъ ганноверскихъ *Вендовъ*, совпадаетъ съ прусскою границею, которая проведена вдоль болотистыхъ рѣчекъ и черезъ болотистые лѣса; въ дѣйствительности однако, сопридѣльные съ Ганноверомъ Пруссiи деревни въ этой сторонѣ, на сѣверъ и сѣверо-западъ отъ г. Зальцведеля (который по-славянски назывался Лозди или Лоздѣи ⁽²⁾) не только въ старину заселены были Славянами, но и донынѣ жители ихъ носятъ имя *Вендовъ*, хотя у нихъ преданiе о славянскомъ происхожденiи сохранилось гораздо слабѣе и менѣе ясно, нежели у ихъ ганноверскихъ сосѣдей.

Ганноверскiй *Вендландъ* составляетъ, такимъ образомъ, островокъ рѣзко отдѣленный отъ окружающей страны своими топиями, лѣсами и холмами. Эти природныя грани, безъ сомнѣнiя, помогли славянской народности удержаться тутъ долѣе, чѣмъ въ окрестныхъ мѣстахъ. Притомъ же, вѣроятно, Славяне, когда двинулись за Эльбу

(1) Польск. Osiecz, Osieczka. О правильности перехода имени Osieczka у Залабскихъ Славянъ въ Wisieca, которое пѣмцами передѣлано въ Witzetze, сравн. сказанное въ вышеупомянутой статьѣ.

(2) Losdy: см. Riedel, die Mark Brandenburg im Jahre 1250, I, 41. Не умѣю сказать, что значило это имя, но оно есть и въ Польшѣ, именно село Łozdzieje, Августовской губерни, Сейненскаго уѣзда.

въ опустѣлыя земли Саксовъ, заняли этотъ уединенный и непри-
вѣтливый край цѣликомъ, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ они раз-
селились между нѣмецкими жителями. Въ настоящее время, послѣ
деяти слишкомъ столѣтій нѣмецкаго владычества, мы находимъ
въ Ганноверскомъ *Вендландѣ* только 17 или 18 селеній съ нѣмец-
кими именами, при огромномъ большинствѣ такихъ, которыя по-
лучили названія свои отъ Славянъ: это служитъ уже очевиднымъ
свидѣтельствомъ, что этотъ уголокъ Саксонской земли нѣкогда за-
нять былъ безсовѣстно славянскими жителями.

При всей незначительности своего пространства (отъ 10 до
12 квадр. миль съ 25.000 жителей приблизительно; самое большое
протяженіе съ запада на востокъ около 30 верстъ, съ сѣвера на югъ
около 20). Ганноверскій *Вендландъ* дѣлится самымъ народомъ на три
части, и дѣленіе это носитъ несомнѣнные признаки глубокой дре-
вности. Западная, плодороднѣйшая часть Вендланда, по рѣчку Еце
или Ецель ⁽¹⁾, притокъ Эльбы, раздѣляющую Вендландъ на двѣ по-
чти равныя половины, называется теперь *der Draechen*; въ древнихъ
документахъ это имя пишется *Drevani* ⁽²⁾. Это, очевидно, *Древля-
не*, или, по произношенію западныхъ Славянъ, *Древяне* ⁽³⁾.

Въ восточной половинѣ Вендланда только юговосточной уголъ
и сѣверная окраина имѣютъ особенныя названія. Первый именуется
der Lemgoe; это названіе есть искаженіе слова *Linegon*, какъ
оно дѣйствительно пишется въ древнихъ актахъ ⁽⁴⁾, т. е. *волость*
(нѣмецкое *gau*) *Линговъ*; а *Лины* или *Линоны*—нѣмецкая передѣлка
славянскаго имени Глиннъ ⁽⁵⁾. Глиннъ мы часто встрѣчали въ

⁽¹⁾ Залабскіе Ляхи называли Ецель просто Рѣкою: словарь Геннинга: «grosse
Jetze—wiltge reka» (чит. wiltja reka), «kleine Jetze—mola reka, faule Jetze, wo es
morastig ist—gnoala reza» (чит. gnoala reza, т. е. гнилорѣчье). Эльбу они называ-
ли Labl (у Геннинга Laby), т. е. Лабье (имя среднего рода, какъ и чешская форма
Labe, древнѣе Labie, лужицкая Lobjo).

⁽²⁾ «Claniki (т. е. Clenze, по-слав. Клонска) in Drevani» въ грамотѣ Генриха II,
1004 г., см. Шафарика, Сл. Др. II, 3. 153.

⁽³⁾ Волость эта, въ свою очередь, дѣлится на верхнюю и нижнюю: *der untere Dra-
echen* на сѣверѣ, *der obere Draechen* на югѣ. Мѣстность на югъ отъ села Bühlitz
въ верхнихъ Древянахъ называется теперь *der Gaiu*: это, вѣроятно, искаженное
славянское названіе «ай, т. е. роца: дѣйствительно, мѣстность эта до сихъ поръ
особенно гѣсиста.

⁽⁴⁾ См. Riedel, Mark Brandenb. I, 32.

⁽⁵⁾ Это несомнѣнно доказано Шафарикомъ (Сл. Др. II, 3. 150), и притомъ же
подтверждается рукописями Энггарда, гдѣ вмѣсто *Linones* пишется *Hilinones*.

борьбѣ съ Нѣмцами въ эпоху Каролинговъ; они жили на восточномъ берегу Эльбы именно насупротивъ теперешняго *Letgow*. Мы видимъ тутъ очевидный слѣдъ перехода части этого племени на нѣмецкую сторону рѣки. Племеннаго названія своего, принятаго отъ почвы, на какой они жили, Глинняне-переселенцы не имѣли нужды мѣнять, потому что юговосточный уголъ Вендланда дѣйствительно отличается обиліемъ глины, тогда какъ западная часть его, жилище Древлантъ, до сихъ поръ представляетъ слѣды лѣсистой мѣстности.

Наконецъ, сѣверовосточная, покрытая тинами, часть Ганноверскаго Вендланда, называется теперь *die Lüne*. Этого имени мы въ древнихъ документахъ не встрѣчаемъ; но имѣя передъ собою Древлантъ и Глиннянъ, прозванныхъ, очевидно, по свойству мѣстности, мы полагаемъ, что теперешнее *Lüne* есть остатокъ древняго славянскаго имени *Луки* или *Лунье*, т. е. луга, болота ^(*), и что жители этой низменной части Вендланда назывались *Лунчанами*, какъ жители лѣсистой стороны—*Древланцами*, жители глинняныхъ полей—*Глиннянами*.

Такимъ образомъ, Славяне, переселившіеся, какъ видно, около 900 года, на лѣвый берегъ Эльбы, найдя себѣ уголокъ, въ которомъ могли сдѣлаться полными хозяевами, устроились тамъ мирными общинами ^(*) и, какъ говоритъ Несторъ про ихъ братій на Замѣтимъ кстати, что городъ Люнебургъ назывался Залабскими Ляхами *Glejn* (*Glein* у Геннинга).

(*) Единственное сомнѣніе въ этомъ объясненіи возбуждаетъ отсутствіе носового звука, который требуется этимологіею и характеромъ языка Балтійскихъ Ляховъ въ словѣ *лукъ*, *лука*; но, не говоря о томъ, что форма *Lüne* вѣстѣ *Lunzie*, которой слѣдовало бы ожидать, могла произойти отъ позднѣйшаго нѣмецкаго искаженія,—именно корень *лук* и *лу* теряетъ часто свой носовой звукъ въ самомъ языкѣ Лянскаго племени, вообще такъ твердо хранящаго эти звуки. Въ Польшѣ, даже въ краяхъ отдаленныхъ отъ возможнаго вліянія русской рѣчи, мы находимъ множество мѣстностей *Лугъ*, *Лути*, *Лукава*, *Лукомъ*, *Лукова*, и т. под.

(*) Я говорю объ общинномъ характерѣ Славянъ-колонистовъ за Эльбой не по предвзятой теоріи. До сихъ поръ, не смотря на господство нѣмецкихъ гражданскихъ отношеній, люди, коротко знакомые съ бытомъ Ганноверскихъ *Vendow*, замѣчаютъ въ нихъ гораздо большую силу общиннаго элемента, нежели въ Германцахъ. Впрочемъ, самая наружность *Vendскихъ* селеній свидѣтельствуетъ объ ихъ общинномъ характерѣ: они всѣ построены кругомъ или, вѣрнѣе сказать, въ формѣ подковы, такъ что въ деревню остается только одинъ въѣздъ; избы, одна подлѣ другой, обращены всѣ лицомъ на круглую площадь посреди деревни; среди площади почти вездѣ возвышается старое, развѣсистое дерево, или нѣсколько

Руси, — прозвашася имени своими, идъ слѣдше на которомъ мѣстѣ.

Въ Ганноверскомъ Вендландѣ мы находимъ слѣдующія мѣстности съ славянскими именами (1):

1) Нижние Древлине (der untere Drawehn):

Въ Данненберскомъ округѣ:

Iameln—польск. Iamielna.

деревень, подъ которыми народъ (въ силу теперешнихъ законовъ, одни хозяева собирается на совѣщаніе. Въ концѣ XVII вѣка, по свидѣтельству записокъ одного уроженца Вендланда, среди деревенской площади почти вездѣ стояла общественная изба (тоже, что говоритъ жизнеописатель Оттона Бамбергскаго о городахъ Поморанъ въ началѣ XII столѣтія); эти общественныя избы истреблены были въ Ганноверскомъ Вендландѣ около 1700 года.—Впрочемъ, мы предполагаемъ посвятить особую статью описанію быта и преданій этого славянскаго уголка въ Германіи, лично осмотрѣннаго нами во всей подробности.

(1) Мы предлагаемъ здѣсь, на основаніи мѣстныхъ названій, опытъ топографіи славянскихъ поселеній на западномъ берегу Эльбы. Для приблизительнаго опредѣленія славянскихъ формъ этихъ, искаженныхъ нѣмецкимъ произношеніемъ, названій, мы прежде всего прибѣгаемъ къ названіямъ мѣстностей въ Польшѣ, заимствуя ихъ изъ упомянутыхъ выше «Tabella miast, wsi, osad Królestwa Polskiego» и «Skorowidz miejscowości Galicyi i Lodomeryi». Читатель увидитъ, что по крайней мѣрѣ три четверти славянскихъ названій, встрѣчающихся за Эльбою, повторяются и въ Польскихъ земляхъ. При сравненіи ихъ, надобно имѣть въ виду, кромѣ случайныхъ искаженій отъ нѣмецкаго вліянія, и тѣ звуковыя измѣненія, которымъ рѣчь Залабскихъ Ляховъ подверглась съ теченіемъ времени и на которыя указано въ упомянутой выше статьѣ: «Памятники нарѣчія Залабскихъ Древлианъ и Гливианъ»; надобно еще имѣть въ виду и то, что языкъ Прибалтійскихъ и Залабскихъ Ляховъ охранялъ, съ другой стороны, нѣкоторые звуки отъ измѣненій, которымъ они подверглись у Поляковъ въ позднее время, т. е. послѣ обособленія польскаго языка отъ языка западныхъ (теперь исчезнувшихъ) Ляховъ; такъ Балтійскіе и Залабскіе Ляхи не допустили превращенія звуковъ *g, d и t*, при смягченіи, въ *rz, dz и c*, какъ это случилось въ рѣчи Ляховъ восточныхъ (Поляковъ).—Тѣ названія, которымъ нѣтъ аналогій въ доступныхъ намъ сборникахъ польскихъ мѣстныхъ именъ (къ сожалѣнію, повторяемъ, мы принуждены въ этомъ отношеніи ограничиться Царствомъ Польскимъ и западною Галиціею),—мы болѣею частію встрѣтимъ или въ Чехіи, или въ землѣ Лукичанъ. Нашъ матеріалъ въ этомъ отношеніи: «Popis Království Českého» Палацкаго; «Niederlausitzisch—wendisch—deutsches Handwörterbuch v. Zwahr»; «Serbski słownik od Dra Pfula».

При всей недостаточности своей и ограниченности разсматриваемаго пространства, мы надѣемся, что предлагаемый трудъ будетъ не бесполезенъ, не только въ историческомъ отношеніи, чтобы показать распространеніе славянской колонизаціи на западномъ берегу Эльбы, но и какъ первый шагъ къ систематическому своду и объясненію того громаднаго количества топографическихъ названій, которыя остались памятникомъ минувшихъ поколѣній славянскихъ въ странахъ, отвоеванныхъ у Славянъ чужими народами.

Breselenz (село): (Брѣзя лѣка, березовый лугъ).

Breustian—польск. Brześćiany.

Sareitz—польск. Zarzycz, Zarzyce, Zarzecze.

Maddau (Медово).

Въ Лютовскомъ округѣ:

Grabow—польск. Grabów.

Boitau—польск. Bytów.

Carmitz—польск. Karnice.

Crummasel или Crumoisel (с)—Кромѣмышль, сравн.
чешск. Кромѣрижъ.

Saggrian—польск. Zagorzany.

Tüschau—польск. Tuszów.

Witzetze (im Drawehn), Польск. Osieczka.

Sallahn—польск. Zielone.

Witfeitzen—польск. Witowice.

Dommatzen—польск. Domanice, Domaszno.

Krüte, сравн. чешск. Кротивъ.

Waddewéitz, сравн. чешск. Вадьовице.

Dickfeitzen—чешск. Тыковнице.

Gaddau—польск. Gadowo.

Zebbelin (с)—польск. Czepielin.

Marlin, сравн. польск. Mierzwin.

Tolstefanz—Толстожсы, чешск. Тлустовоусы.

Göttien, сравн. польск. Guty, Gutowo.

Belitz—польск. Bielice.

Reitze—польск. Ryzce.

2) Верхние Древяне (der obere Drawehn):

Lübeln—польск. Lublin.

Gühlitz—польск. Golice.

Satemin (с)—польск. Secemin.

Güstritz—польск. Ostrzyca.

Nauden—Нудно, сравн. чешск. Nauzów.

Luckau—польск. Łukowa.

Schreyahn, сравн. польск. Skrzany.

Lensian—польск. Łęzyn.

Ganse—польск. Gasne.

Label—польск. Iablon'.

Serau (im Drawehn) — Жерава, ниж. луж. Жаровъ (Soraу), сравн. польск. Żerań, Żerocin, Żeromin, и друг.

Meuchefitz—Муховицы, сравн. польск. Muchnice.

Naulitz, сравн. верх. луж. Новослице (Nausslitz).

Süthen—польск. Sycyna.

Küsten (с)—польск. Kościany.

Schwiepke.

Kremlin—польск. Krzemienin.

Köhlen—польск. Kolno.

Mamoisel (Мамышль).

Bühlitz (с)—польск. Bielice.

Beesem—польск. Biezeń, Biezun.

Dalitz—польск. Dalowice.

Cassau—польск. Kaszew.

Brüchau—польск. Brochów.

Iiggel, сравн. польск. Iigłówka.

Starrel, сравн. польск. Starzynu.

Bösen—польск. Biezeń.

Mützen—польск. Moczuny.

Clenze (мѣстечко), по-слав. Клонска.

Lefitz, сравн. польск. Lewiczyn.

Corvin, польск. Korwin.

Guhreitzen, чешск. Горнице.

Sachau—польск. Sachów.

Zeetze—польск. Sieceń.

Bussau (с)—польск. Bosewo.

Priesseck—польск. Przysieka.

Reddereitz—польск. Radogyz.

Bausen, чешск. Боуснице, Боусовъ.

3) Средняя часть Вендланда:

Lüsen—польск. Łyziny, Łuszn.

Gollau—Голава, польск. Goławice.

Plate (с)—польск. Plato.

Lüchow (городъ), см. выше.

Reetze—польск. Rycze.
Ieetzel—польск. Iasnia ⁽¹⁾.
Neritz, сравн. польск. Nierawy.
Klennow—польск. Kleniewo, Klonów.
Dolgow—Долгово, сравн. польск. Długołów.
Wustrow (городъ)—польск. Ostrów.
Lübbau—польск. Lubów.
Bösel, ср. выше Bösen.
Saasse.
Reddebeitz—Радовицы, (у южн. Слав.), польск. Radomice.
Tarmitz—Търницы, сравн. польск. Tarnów.
Breese—польск. Brzezia, Brzezic.
Thurau—польск. Turów.

Въ Гартовскомъ округѣ:

Crautse—польск. Krusze.
Vasentien—польск. Osiecin
Nemitz—польск. Niemiec.
Trebel (c)—польск. Trzebeń, Trzeblinka.
Clautze, —польск. Klucze.
Lanze (c), срав. польск. Łączna.
Prezelle (c)—Прессель.

4) ТАКЪ НАЗЫВАЕМАЯ Lucie.

Въ Данненбергскомъ округѣ:

Liepe—польск. Lipa, Lipie.
Soven—польск. Sowin, Sobin.
Zadrau.
Siemen—польск. Zimna.
Pretzeze—чешск. Присече.
Laase—польск. Łazy.

Въ Гартовскомъ округѣ:

Gedelitz—польск. Jedlica.

⁽¹⁾ Деревня эта носитъ тоже названіе, что рѣка Ieetzel, которая въ старинныхъ памятникахъ именуется Iesna; очевидно, что теперешняя форма есть искаженіе славянскаго *Исна*. Впрочемъ, какъ видно изъ словаря Тенинга (см. выше), рѣчка эта въ XVII в. называлась Дремлианами просто: Reka.

Въ Люховскомъ округѣ:

Serau (in der Lucie), см. выше.

Ranzau, сравн. польск. Ręzaje, Ręczno.

Pannecke—польск. Panki.

Liepe см. выше.

5) Глинине, такъ называемый Lemgow:

Въ Люховскомъ округѣ:

Puttball—Подвалъ или польск. Podbiel.

Schweskau.

Trabuhn—польск. Trzebuni.

Predohl (с)—чешск. Приволи.

Criwitz,—польск. Krzywica.

Prezier—польск. Przyorz.

Wilzeetze im Lemgow—польск. Osieczce.

Simander.

Schletau—польск. Słotowo.

Schmarsau—польск. Smarzewo.

Въ Гартовскомъ округѣ:

Lomitz (с)—польск. Lomnica.

Нынѣшній Ганноверскій *Вендландъ* есть только небольшой остатокъ бывшихъ въ старину славянскихъ поселеній въ сѣверной Германіи, на лѣвомъ берегу Эльбы. Еще въ прошедшемъ столѣтіи помнили о томъ, что весь Давненбургскій, Гитцакерскій и Гартовскій округи были въ прежнее время населены Славянами, и часто распространяли имя Вендланда на весь край отъ большого заподнаго лѣса *Göhrde* на югъ до прусской границы и на западъ до Эльбы, т. е. на весь треугольникъ, составляющій юговосточную оконечность Ганноверскаго королевства.

Въ эпоху Каролинговъ весь этотъ край принадлежалъ, судя по тогдашнимъ памятникамъ, къ землѣ (или волости) ⁽¹⁾ Бардовъ—

(1) За неимѣніемъ лучшаго, мы передаемъ нѣмецкій терминъ *gau* словами волость или земля; *gau* (въ средне-вѣковыхъ латинскихъ памятникахъ *pagus*) было подраздѣленіемъ племени и имѣло свою внутреннюю самостоятельность, управлѣ-

Bardengawe—сѣверовосточной части племени Саксовъ-Остфаловъ. Въ слѣдующую затѣмъ эпоху (X, XI и XII стол.) мы видимъ уже подраздѣленіе этой земли: большая, сѣверная часть ея сохраняетъ свое нѣмецкое названіе *Bardengow*, а южная превратилась въ двѣ славянскія волости, *Drevani* (Древляне) и *Linegon* (земля Глиннянъ). По всей вѣроятности въ эту эпоху края Древлянъ и Глиннянъ занимали не то малое пространство, за которымъ имена ихъ остались теперь; но мы не имѣемъ достаточныхъ свѣдѣній для точнаго опредѣленія ихъ древнихъ границъ. Во всякомъ случаѣ, славянская колонизація, которую мы застаемъ въ X вѣкѣ, не ограничивалась южною частью древней Бардской земли, получившею чисто-славянскій характеръ *жупы* Древлянской и Глиннянской, а проникла и въ сѣверную ея часть, гдѣ нѣмецкая стихія сохранила свое господство. Мѣстные названія служатъ вѣрнымъ признакомъ объема славянской колонизаціи и ея относительной густоты. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчается кое-гдѣ одинокое имя, напоминающее о Славянахъ, среди множества именъ нѣмецкихъ; въ другихъ, славянскія названія являются въ большинствѣ, цѣлыми группами, среди которыхъ одиноко выглядываетъ имя нѣмецкое.

Самый дальній на сѣверѣ въ этой странѣ, древнемъ Барденгау, слѣдъ славянства есть такъ называемое *Schlauen-Lohnfeld* (т. е. наемное поле Славянъ), мѣстность на сѣверѣ отъ стариннаго торговаго города Бардовика, недалеко отъ устья рѣки Ильменау, отъ впаденія которой въ Эльбу до Гарбурга считается съ небольшимъ 2 миля. Рѣка Ильменау течетъ съ юговостока на сѣверозападъ, большею частію черезъ такъ называемую *Lüneburger Heide* (Люнебургскую пустошь), на протяженіи приблизительно 100 верстъ, и замѣчательно, что около нея сосредоточивается цѣлая группа рѣчекъ и ручьевъ, имена которыхъ звучатъ почти всѣ по-славянски. Съ лѣвой стороны мы находимъ рѣчки *Bühna*, *Hardau*, *Gerdau* съ притокомъ *Schwienu*, *Roddau* и, наконецъ *Lopau* ⁽¹⁾ (притокъ *Luhe*, впадающей въ Ильменау); съ правой, рѣчки *Esterau* (иначе *Steterau*), *Wipperau*, *Neetze* ⁽²⁾ и наконецъ, рукавъ самой Ильменау, который называется *Hau*. Между тѣмъ, нѣсколько далѣе на лѣво своимъ графомъ: нѣмецкому *gau* соотвѣтствовала у западныхъ и южныхъ Славянъ *жупа*.

(1) Сравни: Лопавъ (Lupow) въ восточной Помераніи.

(2) Сравни: Netze, по-польски Noteć, въ Прусской Польшѣ.

западъ, рѣки и рѣчки, принадлежащія къ другому водостоку, къ системѣ Везера, имѣютъ названія, по звукамъ чисто нѣмецкія.

Имена Пльменовы, Лопавы и др. потому странны и загадочны, что ихъ окружаетъ масса селъ и деревень съ названіями нѣмецкими. На западной сторонѣ Пльменовы нѣтъ мѣстностей съ славянскими именами; только верстахъ въ 23 отъ г. Люнебурга (въ 10 верстахъ на сѣверъ отъ г. *Uelzen*) мы находимъ названія, которыя говорятъ о томъ, что тутъ нѣкогда славянскія поселенія встрѣчались съ нѣмецкими; именно, тутъ другъ подлѣ друга лежатъ *Vinstedt*, *Taetendorf*, *Sasendorf*, т. е. очевидно, *Wendstätt*, *Teutendorf*, *Sachsendorf*, вендское мѣсто, нѣмецкая деревня, деревня Саксовъ. Подобныя названія, т. е. деревня такого-то или другого народа, могутъ существовать только тамъ, гдѣ нѣкогда сошлись два племени, гдѣ народонаселеніе было смѣшанное.—На восточной сторонѣ р. Пльменау является больше слѣдовъ Славянства, но тоже разбросанные среди сплошной массы нѣмецкихъ именъ. Подъ самымъ Люнебургомъ, главнымъ городомъ всей этой страны, есть дер. *Wenhausen* (т. е. славянское жилище), есть *Wendisch-Evern* подлѣ *Deutsch-Evern*. Если мы отъ города Лауенбурга поднимемся верстъ 12 вверхъ противъ теченія Эльбы, то мы встрѣтимъ тамъ, насупротивъ края древнихъ Бытенцевъ и Смольнянъ, первыя на сѣверѣ имена славянскихъ селеній въ землѣ Саксовъ: с. *Radegast* (т. е. Радигощъ), с. *Gartze* (т. е. Гардець, Градець); тутъ же, подъ городомъ *Bleckede* мы найдемъ славянскую деревню (*wendisch Bleckede*) и въ двухъ верстахъ оттуда *Alt Wendischthun* (*). Отъ города *Bleckede* поднявшись еще верстъ 10 на юговостокъ вверхъ по Эльбѣ, начинаются славянскія имена цѣлыми группами, занимающая восточный край Далебургскаго и весь Гитцакерскій, Даниенбергскій, и далѣе на югъ Гартовскій округъ и примыкая непосредственно къ теперешнему Вендланду, къ которому эта страна, какъ мы сказали, въ старину причислялась.

Въ Далебургскомъ округѣ:

Catemin—Хотоминъ, срави. польск. Chotomów

Neu-Darchau (*)—польск. Drochów.

(*) Neu Wendischthun лежитъ на противоположномъ берегу Эльбы.

(*) Alt-Darchau находится на противоположномъ берегу Эльбы.

Tosterglope.

Ventschau—польск. Węzewo.

Nüdelitz (Новодѣлицы, ср. польск. Nowodzice).

Kovahl—польск. Kowal.

Neestahl, сравн. польск. Niestanice, Niestachów.

Tangsehl, сравн. польск. Tazowy.

Breese—польск. Brzezia и Brzezic.

Lüben—польск. Lubno.

Pommoissel—чешск. Помышль.

Nieperfitz.

Dübberkold—Добры хладъ (?).

Въ Гитцакерскомъ округѣ; по Эльбѣ:

Klein Kühren (*)—Курно, сравн. польск. Kurniki.

Schutschur.

Glienitz—польск. Glinice.

Tiessau—Тисова, польск. Cisowa.

Meudelfitz—польск. Mydlowice.

г. Hitzacker, называвшійся по-славянски въ XVII стол.

Лауцтинъ (*), искаженіемъ слова Лучковъ—

польск. Luczkowo.

Wussegel.

Grabau—польск. Grabowa.

Strachau—польск. Strachów.

Penckefitz—польск. Pankowce.

Внутри страны, на сѣверъ и западъ отъ большаго лѣса *Göhrde*:

Darzau—чешск. Држовъ.

Sammatz—польск. Samowicze.

Wietzelze, см. выше.

Im Radelitz (урочище)—Радлицы, польск. Radliczyce.

Govelien.

Pussade—Посады, польск. Posadów, чешск. Посада.

Seerau, см. выше.

Kähmen—польск. Kamień.

(*) Gross-Kühren лежитъ на правомъ берегу Эльбы.

(*) Геннингъ пишетъ Lgautzgi.

Schmessau, сравн. чешск. Смечице, Смечно.

Schmardau—польск. Smardzów.

Wrechau—Ворѣхово, польск. Orzechowo.

Parpar—Праноръ; сравн. чешск. Препере.

Ribrau c.—Рѣброво, сравн. польск. Żebrý.

Breese, см. выше.

Wedderin—Ведрино.

Pudripp—Подрипъ (сравн. Рипъ, древнее названіе горы
у Чеховъ).

Mehlfiel, сравн. ниже Mehlfien—Мѣловина.

Timmeitz—чешск. Тѣмице.

Zernien—чешск. Чериниъ.

Bellahn—польск. Bielany.

Fliessau.

Spranz.

Redemoissel—польск. Radomysl.

Middefeitz—Медовица.

Въ Данненберскомъ округѣ, по Эльбѣ:

Barnitz—Барницы, польск. Bronice.

Damnatz (c), польск. Domanice, Domaniz.

Внутри страны:

Cacherien.

Splietau.

Breese, см. выше.

Sipnitz—Сыпица, сравн. польск. Sygniewo.

Predöhl—Придолъ, чешск. Придолъ.

Streetz,—польск. Strójec.

Lüggau—польск. Lugów.

г. Данненбергъ, называвшійся по-славянски въ XVII
стол. Weidörs, т. е. Выдержъ, сравн. чешск. Выдржи-
це ⁽¹⁾.

Schmarsau, см. выше.

Bückau—польск. Buków, Bukowa, Bukowo.

Prisser—польск. Przyzorz.

⁽¹⁾ Это имя въ каталогѣ чешскихъ селеній, изданномъ Палацкимъ, написано Выджине, Виджине: и то и другое противно единственной возможной этимологiи, требующей формы Выдржине.

Thunpadel—польск. Tupadły (вмѣсто Terpadły).

Carwitz—польск. Karwice.

Lenzen, польск. Łeczno.

Nausen, сравн. чешск. Ноузовъ.

Dragahn—польск. Draganie.

Gamehlen—польск. Gomolin.

Wibbese (с.).

Mehlfien—Мѣловина.

Volkfien—Волковина, сравн. польск. Wilkowizna.

Breese im Bruch (с.) сравн. выше.

*Въ Гартовскомъ округѣ (напротивъ земли
древняго племени Глинянъ): по Эльбѣ:*

Politz, польск. Police.

Meetschow, сравн. польск. Mieście, Mieczyn, чешск. Мечовъ.

Внутри страны:

Gummern, польск. Komarno.

Kapern.

г. Gartow, по-славянски въ XVII в. Gorsty, искаженіе
формы Гордско—польск. Grodzisko.

Wirl, польск. Orle.

Gedelitz, см. выше.

г. Schnackenburg, по-славянски въ XVII в. Godegard,
искаженіе формы Гадій-гардъ, т. е. Гадій-
градъ, городъ гадовъ (змѣй), тоже, что зна-
читъ и нѣмецкое названіе.

Мы обозрѣли всѣ славянскія поселенія на сѣверѣ отъ тепереш-
няго Ганноверскаго Вендланда. Селенія эти, какъ мы видѣли,
начинаются группами въ трехъ съ небольшимъ миляхъ выше
Лауенбурга, и ограничиваются въ западу чертою, которая была бы
проведена отсюда прямо на югъ къ большому лѣсу *Göhrde*. Лѣсъ
этотъ, который и теперь славится во всей странѣ своимъ простран-
ствомъ и густотою, а въ древности былъ, конечно, несравненно
значительнѣе, остановилъ, должно быть, движеніе славянской
колонизаціи, шедшей за Эльбу на западъ. Дѣйствительно, за этимъ
лѣсомъ мы находимъ только два одинокихъ селенія, напоминающія
о Славянахъ: Vindorf (Вендская деревня) и Boitze. А если мы про-
должимъ отъ лѣса *Göhrde* прежнюю черту прямо на югъ, до самой

прусской границы, то и тутъ получимъ предѣлъ славянскихъ поселеній. Они простирались такимъ образомъ на западъ и сѣверо-западъ отъ 1½ до 2 миль далѣе нынѣшняго *Вендланда*, занимая восточную часть округовъ Ольденштадтскаго и Бодентейхскаго:

Въ Ольденштадтскомъ округѣ:

Boicke, сравн. польск. Boiska.

Schlankau—Слѣково.

Zieritz, сравн. чешск. Жирецъ, Жиречь.

Stoitze—Стоицы.

Törwe—польск. Turowo.

Gross Malchau—польск. Malachów.

Glienitz—польск. Glinice.

Sellien—польск. Zieloná.

Reddien—польск. Radonia, Raduń.

Nievelitz—чешск. Невольце.

Schmölau—польск. Smolewo.

Bankevitz—польск. Bąkowiec.

Probien, сравн. чешск. Пробыловъ.

Schwemlitz—чешск. Свѣмыслице.

Polau—Полево.

Katzien—польск. Kaczyn.

Prielip—Прилипъ (сербск.), чешск. Прилпы.

Klein Malchau, см. выше.

Iarlitz—польск. Iarnice.

Gansau—польск. Gąsewo.

Rassau—польск. Raszewo.

Schlieckau—чешск. Славиковъ.

Въ Бодентейхскомъ округѣ:

Dallahn—Далины, сравн. польск. Dalanowo.

Sattkau—польск. Sadków, Sadkowo.

Meussliessen—польск. Mysliszowice.

Grabau—польск. Grabów.

Nestau, сравн. польск. Nieszków.

Prezier, см. выше.

Növenthien—Новѣтинъ.

Güstau, сравн. польск. Gostwica, Gostkowo, чешск. Гостовице.

Köhlau—польск. Kołowo.

Solkau—польск. Żolkiew.

Loitze—польск. Łoiowiec.

Lütenthien, сравн. польск. Lutocin.

Proitze.

Göhrde, см. выше.

Schnega (с.)—Снѣгова, сравн. польск. Sniegula, чешск. Снѣговъ.

Varbitz—польск. Wierzbica.

Kakau—польск. Kakawa.

Kattien—польск. Katyni.

Thielitz—польск. Cielce.

Сюда же принадлежит западная оконечность Люховскаго округа, именно: мѣстечко Bergen, по-слав. Tjörska (†) т. е. Горско.

Bantzau, сравн. полск. Bęczkōw, Bęczkowo.

Belau—польск. Bielawa.

Luskau (урочище), польск. Łuszkōw.

Kühlitz, сравн. польск. Kielce или Kolińce

Gielau—польск. Gilew.

Если мы продолжимъ еще дальше на югъ ту же черту, составлявшую западный предѣлъ славянскихъ поселеній за Эльбой, то черта эта будетъ совпадать съ границею, отдѣляющею нынѣ ганноверскія владѣнія отъ западной части Зальцведельскаго округа въ Пруссіи. На прусской сторонѣ мы найдемъ тутъ множество славянскихъ именъ, на ганноверской все одни нѣмецкія (*). Замѣчательно, что граница эта, образуемая почти на цѣломъ ея протяженіи рѣкою Ohre, пролегала тутъ съ самыхъ древнихъ временъ: въ X вѣкѣ она отдѣляла двѣ саксонскія волости, *Wilinga* (въ тепер. Ганноверскихъ владѣніяхъ) и *Osterwaldi* (въ тепер. Пруссіи). Славянская колонизація наполнила вторую и почти не коснулась первой.

На югъ отъ древняго *Bardengau* или Люнебургскаго края и отъ Ганноверскаго Вендланда, лежитъ, примыкая непосредственно къ

(†) Геннингъ; правильнѣе было бы Djörska.

(*) За исключеніемъ нѣсколькихъ селеній у самой пограничной черты, какъ-то Lüben (польск. Łubno), Plastau (сравн. чешск. Пластовице), Behnitz (польск. Bieniec), Parsau (польск. Parszów) и одного нѣсколько дальше: Oertel (польск. Orzół, Orle, Orłó).

последнему, страна, известная под именем *Altmark* (Старая Марка) и называемая такъ въ противоположность Новой Маркѣ браденбургской, образовавшейся на покоренной Нѣмцами славянской землѣ по ту сторону Эльбы. Теперь страна эта присоединена, официально, къ прусской провинціи Саксоніи (*Provinz Sachsen*), но въ общежитіи сохраняетъ свое наименованіе *Altmark*.

Она была колыбелью прусскаго государства. Мы въ послѣдствіи увидимъ, какъ въ этомъ краѣ образовалась сильная военная украинна и какъ отсюда пошло завоевательное движеніе Германіи на правый берегъ Эльбы.

Въ составъ Старой Марки вошли древнія нѣмецкія волости (*gaue*) *Osterwaldi*, *Belxa* (иначе *Balsamia*) и *Mosidi*.—Кромѣ того, тѣсно связаны съ нею исторически двѣ, лежація на югъ отъ предыдущихъ, волости *Nordthuringo* и *Nordsuevego*; послѣдняя составляла южную окраину Саксонской земли и граничила съ Турингією. Всѣ эти края получили весьма сильную славянскую колонизацію, и по всемъ признакамъ, именно въ ту же эпоху, какъ сосѣдняя Люнебургская страна, т. е. въ концѣ IX и началѣ X столѣтія. Получили они эту колонизацію, безъ сомнѣнія, отъ ближайшихъ славянскихъ племенъ, обитавшихъ на противоположномъ берегу Эльбы и на которыя распространялось общее названіе Брежанъ и Стороранъ.

Волость *Osterwaldi* занимала сѣверовосточную часть нынѣшняго Остербургскаго округа съ городами *Seehausen* и *Arendsee*, примыкающая на протяженіи нѣсколькихъ миль къ извилистому теченію Эльбы, и простиралась далеко на западъ и югозападъ, обнимая весь нынѣшній Зальцведельскій и западную половину Гарделенгенскаго округа.

Въ этой волости мы находимъ Славянскія мѣстныя имена въ изобиліи, а именно:

1) Въ сѣверовосточной части Остербургскаго округа, у Эльбы и близъ Ганноверскаго *Lemgow*, насупротивъ края древнихъ Глиннъ и Нелѣтичей:

Stresow—польск. *Strzeżów*.

Wanzer—польск. *Wązerów*.

Böhmenzien (вмѣсто *Wöhmenzien*)—польск. *Omięcin*.

Drösedde—польск. *Drozdzy*.

Der Zeilitz (поща), польск. *Sielice*.

- Aulosen—польск. Uleże.
 Pollitz—польск. Police.
 Pretzier—польск. Przyzór.
 Gartz—Гардець, т. е. Градець.
 Ieggel—польск. Ieglewo.
 Crüden, въ стар. Kruysen,—польск. Kruszyna.
 Beuster—польск. Bystro.
 Zehren—польск. Żerań, Żerzeń.
 Leppin—польск. Lipiny.
 Genzin—польск. Geżyn.
 Gestien—польск. Gostynie.
 Ziessau, въ старину Szissow, чешск. Жижовъ.
 r. Seehausen, по-славянски Wungörjuntý (¹), т. е. Вжгъ-
 раты, сравн. польск. Węgrze, чешск. Угретице.
 2) Въ югозападной части Остербургскаго округа, между ганно-
 верскою границею и р. Biese:
 Drüsedau—польск. Drozdów.
 Polkern.
 Krevese (¹)—польск. Krzywice.
 Bretsch—Брѣще, польск. Brzeszcze.
 Priemern—Премѣрно, сравн. польск. Przemirowo.
 Dewitz—чешск. Девице.
 Kossebau—польск. Koziobudy (?).
 Gladigau—Гладиховъ, сравн. польск. Gładyszów.
 Kleinau—польск. Klinowo.
 Dessau, сравн. серб. Дежево.
 Lohne—польск. Lony.
 Kerkau или Karkow—польск. Karkowo.
 Velgau—польск. Wielkowo.
 Bukow—польск. Buków.
 Kallehne—польск. Kalino.
 Kassuhn—польск. Kazuń.

(¹) У Геннинга Wungörjungty.

(¹) Ридель (die Mark Brandenb. I, 109) отождествляетъ эту деревню съ древнимъ Zerwest; но такой фонетическій переходъ кажется невозможнымъ. Древнее Zerwest есть, очевидно, Сербице, имя встречающееся и въ другихъ мѣстахъ у сѣверо-западныхъ Славянъ; съ Krevese, т. е. Кривици, Кривичи, оно едва-ли можетъ имѣть что-нибудь общее. Древнее Zerwest, вѣроятно, исчезло.

Schernichau—польск. Czernichów.

Kerkuhn, сравн. польск. Karkowo, Karkosy.

Zühlen—польск. Sulina.

Kladen—польск. Kłodna.

Kraatz, сравн. польск. Kraczków.

Mechau—польск. Miechów.

Kaulitz (древн. Kowlitz)—польск. Kowalewice.

г. Arendsee, по-славянски Wlasdeiske ⁽¹⁾, т. е. Властѣйско или правильнѣ Властѣевско — чешск. Властѣйовско.

Въ этомъ же краѣ были, исчезнувшія нынѣ, деревни: Noyden.

Szatun—польск. Szatunice.

Baudissin: Будышинъ у Лужичанъ, польск. Budzieszyn.

Grindel, сравн. польск. Grzędzice.

3) Въ Зальцведельскомъ округѣ:

Rademien—польск. Radzymin.

Lübbars, сравн. польск. Lubierz.

Brunau—польск. Bronów.

Mehrin—польск. Mierzyn.

Vinau—польск. Winiawa.

Dolchau—польск. Dalechowy.

Molitz—польск. Malice.

Störpke,—польск. Stropkowo.

Thuritz—польск. Turzec, чешск. Турице.

Jeggeleben—польск. Jeglewo.

Zierau—польск. Siarzewo.

Mösenthien, сравн. чешск. Мужетице.

Cheinitz—чешск. Хынице, Хейнице.

Baars—польск. Barszcze.

Buchwitz—польск. Bukowice.

Liesten—Листо, польск. Lisno.

Gartz—Гардецъ, польск. Grodziec.

Deutsch-Pretzier, см. выше.

Riebau—польск. Grzybów.

⁽¹⁾ По словарю языка Ганноверскихъ Славянъ, Геннинга.

- Chüden, сравн. чешск. Худенице.
 Jahrsau—польск. Jaroszewo.
 Jebel—польск. Jablon.
 Perwer—польск. Przywory.
 Chüttlitz—польск. Kotlice.
 г. Salzwedel, по-слав. Losdy, т. е. Лоздй (см. выше).
 Brietz—польск. Brześć.
 Cheine—чешск. Хыновъ, Хынице, Хынинъ.
 Seeben, сравн. чешск. Жебнице.
 Darsekau—польск. Dzierzków.
 Wiebelitz—польск. Obelica.
 Kemnitz—польск. Kamienica.
 Ziethnitz—чешск. Житенице.
 Gieseritz—польск. Iezierzec.
 Sienau, сравн. чешск. Жиняны, Жинице.
 Brewitz—чешск. Бревнице.
 Wöpel—польск. Opole.
 Valfitz—польск. Walewice.
 Gischau—польск. Jeżewo.
 Kaesckelitz, сравн. чешск. Каковице.
 Porrau—польск. Porów.
 Bandau, сравн. польск. Bądków, Bądzyn.
 Peertz, сравн. польск. Piersk.
 Nesenitz—Нѣженица, сравн. чешск. Нѣжовице.
 Dönitz, сравн. чешск. Донинъ, Доньовъ.
 Köbbelitz—польск. Kobielice.
 Ferchau—чешск. Врховѣ.
 Rerpin—польск. Rzepin.
 Cunrau—польск. Konarzewo.
 Germenau—польск. Ierzmanowo.
 Mellin—польск. Melno.
 Netgau.
 Jubar—польск. Jawór.

Въ сѣверо-западной части этого округа, за рѣкою Dumme, на границѣ древняго края Wilinga, слѣды Славянъ малочисленны; тутъ мы находимъ только:

Kleistau—польск. Chelstowo.

Schmölau—польск. Smolewo
и Wendisch—Horst.

4) Въ западной части Гарделегенскаго округа:

Weteritz—польск. Wiatrowice.

Wustrewe—польск. Ostrów.

Brüchau—польск. Brochów.

Iemmeritz—польск. Iamirzewice.

Pansau—польск. Panoszew.

Zichtau, сравн. польск. Żychcice.

Schwiesau—польск. Swieżawy.

Döllnitz—польск. Dolnica.

Zartau—польск. Czartowo.

Lupitz, сравн. польск. Lupki, Lupicha.

Ieggau, сравн. польск. Ieglewo.

Tarnewitz—польск. Tarnowiec.

Sichau—польск. Żychów.

Solpke, Слупки, сравн. польск. Slupiec, Slupica.

Peckwitz—чешск. Пековице.

Röwitz—польск. Rowce.

Wernitz—польск. Wierznica.

Sachow—польск. Zachowo.

Югозападная часть этого округа, составлявшая южную оконечность края Osterwaldi, покрытая болотами и лѣсами и называвшаяся въ древности *Thrimmining*, теперь *Drömling*, вовсе не получила славянской колонизаціи; всѣ имена въ этой мѣстности нѣмецкія.

Переходимъ къ волости *Belxa*, имя которой пишется въ древнихъ памятникахъ также *Belinesheim* (можетъ быть, это и коренная форма), *Belkesheim*, *Belesem*, *Balsamia*. Она граничила къ сѣверу и западу съ волостью *Osterwalde*, къ востоку съ Эльбою, къ югу съ рѣкою *Ohre*, отдѣлявшею ее отъ края *Nordthuringo*. Сѣверовосточная оконечность ея носила особое названіе — *Mintga*, южная часть—*Mosidi*. Въ обширномъ смыслѣ, край *Belxa* обнималъ юго-восточную часть нынѣшняго Остербургскаго, весь Стендальскій, восточную часть Гарделегенскаго и сѣверную (большую) половину Вольмирштедтскаго округа. Онъ примыкалъ къ славянскимъ племенамъ Нелѣтичамъ, Лѣшичамъ и Морачанамъ, жившимъ на про-

тивоположномъ берегу Эльбы и принадлежавшимъ къ союзу Сторянъ.

Слѣды славянства въ немъ также многочисленны, какъ въ волости Osterwalde:

1) Въ юго-восточной части Остербургскаго округа, въ древности *Mintga*:

г. Werben, въ древн. Wirbene, Wirbena — польск.

Wierzbno; подлѣ этого города дер. Wendenmark.

Räbel — польск. Wróbel.

Käcklitz, сравн. польск. Kukle, Kuklin, Kukłówka.

Görne — польск. Górna.

Dalchau — польск. Dalechowy.

Ferchlipp — Врѣхлипы.

Dobbrun — польск. Dobryń.

Polkritz.

Bertkau — польск. Bartków.

Dusedau — Дъжево, польск. Tszewo.

Mockern — польск. Mokraný.

Polkau — польск. Polków.

Flessau.

Zedau — польск. Cadów.

Rossau, см. выше.

Schmersau, см. выше.

2) Въ Стендальскомъ округѣ:

Beelitz — польск. Bielice.

Baaben — польск. Babin, Babino.

Iarchau — польск. Iarochów.

Storkau — чешск. Старковъ.

Rochau — польск. Rochów.

Schartau — польск. Czartowo.

Grassau — польск. Krasów, Kraszewo.

Grävenitz — польск. Grabienice.

Dobberkau — польск. Dobraków.

Dölnitz — польск. Dolnica.

Poritz — польск. Porzyca.

Karritz — польск. Karwice.

Kremkau, сравн. польск. Krzemianka.

Berkau—польск. Barchów.

Garlipp—польск. Charlupia.

Bülitz—польск. Bielice.

Schäpliz—польск. Czaplice.

Klāden—польск. Kłodno.

Schernikau—польск. Czernichów.

Tornau—польск. Tarnawa, Tarnów.

Döbbeln—польск. Doblin.

Dahlen—польск. Dalanowo.

Hüselitz.

3) *Въ восточной части Гарделенскаго округа.*

Börgitz, сравн. польск. Brogowo.

Seethen—польск. Sitno.

Kassiek, польск. Koziki.

Geskau—чешск. Ешковъ.

Pollwitz—Полевница.

Potzehne—Починъ, Почины.

Clūden—польск. Kłodna.

Iāvenitz, сравн. чешск. Еваны, Івно, Івовице.

Salchau—польск. Żelechów.

Zöbbenitz (пограничная съ Пруссіею брауншвейгска деревня), чешск. Собѣнице.

4) *На южномъ краю Стендальскаго округа, принадлежавшемъ къ древней волости Mosidi:*

Steglitz—чешск. Стерловице.

Köckle—польск. Kukle.

Ierchel.

Grieben—польск. Grzebień.

Bittkau—польск. Bitkowiec.

Briest—польск. Brzesć.

5) *Въ северной половинѣ Вольмиришtedтскаго округа (древняя волость Mosidi):*

✕ Cobbel—польск. Kobiel.

Wenddorf ⁽¹⁾.

Rogätz—польск. Rogaczów.

Döbritzer-see (озеро) польск. Dobrzyce.

Zielitz—польск. Sielice.

× Kolbitz—польск. Kobielice.

Lübberitz ⁽²⁾, сравн. польск. Lubierz.

Воюсть *Nordthuringo* простиралась по Эльбѣ, на югъ отъ *Mosidi*, и лежала насупротивъ славянскаго племени Морачанъ. Она обнимала южную часть Воллмириштедтскаго округа, округъ города Магдебурга и почти весь Вайцлебенскій округъ; на западѣ въ составъ ея входила часть Нейгальденслебенскаго округа.

Въ сѣверной части этого края, до самаго города Магдебурга, также какъ въ западной его части (нын. Нейгальденслебенскомъ округѣ), мы не замѣчаемъ ни одного славянскаго мѣстнаго названія. Тутъ какъ будто бы лежитъ полоса (впрочемъ весьма не широкая: отъ 2 до 3 миль въ ширину), которой не тронула славянская колонизація. Можно бы предполагать, что колонизація эта шла двумя потоками, одинъ, съ сѣвера, собственно отъ Балтійскихъ Славянъ, другой, черезъ среднюю Эльбу, отъ южныхъ Стороранъ и Полабскихъ Сербовъ, и что между этими двумя потоками остался, такимъ образомъ, промежутокъ. Въ такомъ случаѣ Славяне, расселившіеся въ южной половинѣ воюсти *Nordthuringo*, также какъ въ *Suevego* и въ Турингін, принадлежали бы къ послѣднимъ, поименованнымъ нами, племенамъ.

Въ *Nordthuringo* славянскія мѣстныя имена начинаются подъ самымъ городомъ Магдебургомъ: тутъ мы находимъ Вискаи—польск. Wików; далѣе на югъ, между Магдебургомъ и рѣкою *Bude* (въ средніе вѣка *Boda*), притокомъ Салы съ лѣвой стороны, составлявшимъ границу *Nordthuringo* и *Suevego*, мы находимъ:

Schleibnitz—чешск. Сливонице.

Salbke—польск. Żłobek.

Frose—польск. Wrzos.

Glinde.

⁽¹⁾ Возлѣ находится дер. Angern, получившая названіе, вѣроятно, отъ вѣтви саксонскаго племени, Энгровъ.

⁽²⁾ Въ сѣверной окраинѣ Нейгальденслебенскаго округа.

Pommelte—Помлаты.

Zeit—чешск. Житче.

Tornitz—Търница.

Werkleitz—польск. Wierzchlesie.

Wendische Mark.

Zens.

Glöthe.

Uelnitz—польск. Uleniec.

Löbnitz—польск. Lubnica.

Suevego (иначе *Nordsuavia*) составляла южную оконечность древней саксонской земли между Бодою, Салою и Турнигию, а на запад граничила съ Гарцскою волостью (*Hardego*); теперь это южная оконечность прусской Магдебургской и сѣверная оконечность Мерзебургской области, со включеніемъ разбросанныхъ между ними кусочковъ разныхъ ангальтскихъ владѣній. На противоположномъ берегу Салы находились сѣверскія *жуны* (волости) Сербиче, Жиромунты и Нудичи. Славянскія имена въ *Suevego*:

Waldau, на Салѣ, наспротивъ г. Берибурга, польск. Włodawa.

г. Plötzkau—польск. Płoschowo.

Zeit—чешск. Житче.

Gnoblitz—Конпельскъ.

Nelben—Нелюбно, сравн. польск. Nielubaniec.

Zellewitz—чешск. Желевице.

Zickeritz—чешск. Секерице.

Ihlewitz—польск. Howiec.

Lochewitz—чешск. Луховице.

Reidewitz—Радовицы, польск. Radomice.

Zabitz—польск. Żabiec.

г. Güsten—польск. Gostynie.

Börnische—польск. Bronik.

Frosa—польск. Wrzos.

Tarthun, сравн. чешск. Тротень.

Hübitz—чешск. Губце (¹).

(¹) Здѣсь уже обнаруживается по признакамъ языка, что эти мѣстности получили названія свои не отъ Балтійскихъ Ляховъ, а отъ Полабскихъ Сербовъ. сѣвернѣе, эта же мѣстность называлась бы теперь, по всей вѣроятности, не Hübitz, а Gambitz—польск. Gębice.

Biskabern—Бископария, сравн. польск. Biskupionka.
Gorenzen—чешск. Гөренице.

Всѣ эти имена сосредоточены въ восточной (большей) половинѣ Свевской волости. Славяне не проникли въ отроги Гарца; только подъ городомъ Гардгероде мы находимъ «Славянское поле», *das Wendfeld*.

Въ настоящее время память о славянскомъ населеніи въ Старой Маркѣ сохранилась только въ сѣверной ея части, на границѣ Ганноверскаго *Ведиланда*. Но источники X-го, XI-го и XII-го вѣка подтверждаютъ свидѣтельство мѣстныхъ названій, указывающихъ на повсемѣстное почти распространеніе славянской колонизаціи въ этомъ краѣ. Извѣстія о славянскомъ его населеніи являются тотчасъ послѣ того времени, къ которому мы отнесли славянскую колонизацію за Эльбою. Такъ саксонскій лѣтописецъ Видукинъ пишетъ, подъ 938 годомъ, что какой-то Славянинъ служилъ проводникомъ Венграмъ, вторгшимся въ южную часть Саксонской земли, и завелъ ихъ въ непроходимыя топи Тримининга (имѣвшаго *Drömling*, о которомъ см. выше) ⁽¹⁾. Въ одной грамотѣ папы Бенедикта VII, писанной около 980 г., говорится о Славянскомъ краѣ, принадлежавшемъ къ городу Арнебургъ въ волости *Belxa* ⁽²⁾ и приводится въ немъ, исчезнувшій теперь, деревни *Clenobie* (т. е. Кленове, польск. *Klonowo*), *Centonie* (вѣроятно слѣдуетъ читать *Sventonie*, сравн. польск. *Świętne*), *Seuerowinful* (вѣроятно слѣдуетъ читать *Severovingul*, т. е. сѣверный уголъ): въ этихъ именахъ, не смотря на то, что они такъ обезображены переписчиками, нельзя не узнать славянскихъ звуковъ. — Въ началѣ XI вѣка, когда писалъ лѣтописецъ Титмаръ, городъ Воллмириштедтъ (въ волости *Mosidi*) носилъ, по его словамъ, два имени: нѣмецкое *Walmerstidi* и славянское *Ustiure*, «потому, прибавляетъ Титмаръ, что здѣсь сливаются Ара (теперь *Ohre*) и Эльба» ⁽³⁾. И такъ это названіе было Усть-Юра, а рѣка *Ohre*, дѣлившая волость

⁽¹⁾ Widuk. II, 11.

⁽²⁾ Riedel, Mark. Brandenb. I, 135: civitatis Arneburch et totius praedii ad ipsam respicientis dimidia parte, et addito totius proprietatis suae iure in locis Slavoniae Clenobie, Centonie, Seuerowinful nuncupatis, и проч.

⁽³⁾ Thietm. VI, 33.

Belxa отъ *Nordthuringo*, вѣроятно, именовались Славянами Ура или Юра.—Въ 1135 году, подлѣ монастыря *Hildesleue* (теперь *Hillersleben*), на этой рѣкѣ *Ohre*, упоминаются, несуществующія уже, деревни *Potgorizi* (Подгорицы) и *Bolizi* (сравни. Польск. *Bolesio*) и подать, которая съ нихъ взымалась, именуется *wozop* (читай *wosonъ*, древн. польск. *osep*, натуральная повинность зерномъ, отъ глагола *synaty*) (*). Подъ 1161 годомъ мы читаемъ любопытное свидѣтельство о краѣ, гдѣ въ настоящее время славянскія мѣстныя названія такъ рѣдки, что трудно бы было подозрѣвать тамъ значительный приливъ славянскихъ поселенцевъ, именно о сѣверо-западной части Остервальдской волости (т. е. тепершняго Зальцведельскаго округа): свидѣтельство это показываетъ, что во время основанія тамъ Диедорфскаго монастыря (въ 1161 г.), восемь дарованныхъ монастырю деревень, носившія *нѣмецкія* имена, имѣли жителей Славянъ (**).—Подъ 1184 г. деревни около озера *Arendsee* (въ той же волости) были славянскія и только деревня *Kaulitz*, хотя и носившая славянское названіе, уже населена была въ то время Нѣмцами (**).—Въ 1247 г. маркграфы бранденбургскіе Іоаннъ I и Оттонъ III передали городу Новому Зальцведелю право суда надъ приходившими туда поселенцами, какъ *Нѣмцами*, такъ *Славянами* (*rustici theutonici sive slavi*) (*).—Мы могли бы умножить число этихъ показаній; но при неопровержимомъ свидѣтельствѣ мѣстныхъ названій, это было бы излишнимъ. Въ заключеніе приведемъ только слова Гельмольда, писавшаго около 1170 года. Онъ говоритъ о побѣдахъ маркграфа Альбрехта Медвѣдя (умеръ 1170) надъ Славянами и рассказываетъ, что Альбрехтъ призвалъ изъ Голлан-

(*) Gereken, Codex diplom. Brandenb. I, 6: . . . contuli . . . fratribus eiusdem loci redditum annualem qui vocatur Wozop super duas villulas ipsis prope adiacentes quorum nomina sunt potgorizi et bolizi: грамота императора Лотара 1135 года.

(**) Buchholz, Gesch. der Churmark Brandenburg, IV, Anhang. 7: грамота верденскаго епископа Германа: octo villas, videlicet Bergmere, Abbendorp, Verenthorp, Puchenusen, Ellenberke, Wadencoten, Budenstede, quorum incolae adhuc Slavi erant, eidem ecclesiae contradidimus. Эти деревни теперь называются Bergmoor, Ablendorf, Fahrendorf, Peckensen, Ellenberg, Waddekath (на самой границѣ древняго Витинга), Boddensiedt. Пмя восьмой деревни пропущено.

(*) Тамъ же, стр. 29: грамота Оттона, I маркграфа бранденбургскаго, 1181 г.: ad utilitatem . . . ecclesiae in Arnsee, villam teutoniam quae dicitur Kaulitz, et slavicas villas eidem stagno adiacentes . . . contradidi.

(*) Riedel, Mark Brandenb. I, 49.

дин и Фландріи колонистовъ, для водворенія ихъ въ покоренной имъ землѣ Стордорской (Бранденбургин): «кромя того, прибавляетъ Гельмольдъ, также и южный берегъ Эльбы (т. е. лѣвый берегъ: для Гельмольда, писавшаго въ Вагріи ⁽¹⁾) онъ казался дѣйствительно южнымъ берегомъ), стали заселять въ то время пришельцы изъ Голландіи, всю болотистую и полевую страну, начиная отъ Зальц-веделя, страну, которая называется *Balsemerlande* и *Marscinerlande*, съ многочисленными городами и мѣстечками, вплоть до Богемскаго лѣса: весь этотъ край заняли Голландцы. Земли эти, какъ говорятъ, иѣкогда населены были Саксами, а именно во время (императоровъ) Оттоновъ, какъ видно изъ древнихъ валовъ, насыпанныхъ на берегу Эльбы, въ болотистой землѣ Балзамской; но со временемъ превозмогли Славяне, Саксы были ими истреблены и страна эта находилась въ ихъ владѣніи до нашихъ временъ. Нынѣ же, какъ Богъ щедро даровалъ благополучіе и побѣду нашему государю герцогу (саксонскому, Генриху Льву) и прочимъ князьямъ,—Славяне повсемѣстно поражены и изгнаны» ⁽²⁾ и проч.

Эти слова Гельмольда весьма любопытны и важны, но иѣсколько неопредѣлительны. Гельмольдъ прожилъ весь вѣкъ въ Голштиніи и Вагріи, и не имѣлъ такихъ точныхъ свѣдѣній о положеніи дѣлъ на средней Эльбѣ, какія онъ представляетъ о своемъ родномъ краѣ. Потому онъ, съ одной стороны, невѣрно опредѣлилъ время переселенія Славянъ на лѣвый берегъ Эльбы, а съ другой—преувеличилъ какъ значеніе, пріобрѣтенное славянскою стихіею въ Старой Маркѣ и Турингіи, такъ и важность переворота, произведеннаго тутъ голландскими колонистами, которыхъ призвалъ Альбрехтъ Медвѣдь. Въ странѣ, гдѣ жилъ Гельмольдъ, еще памятна была въ то время кровавая реакція, произведенная тамъ Славянами-язычниками противъ иѣмецкаго владычества въ началѣ XI вѣка, послѣ смерти императора Оттона III. Потому-то Гельмольдъ къ этой

⁽¹⁾ Восточной части Голштиніи.

⁽²⁾ Helm. I, 88. Sed et australe litus Albiae ipso tempore incolere coeperunt Hollandenses advenae, ab urbe Soltuedele omnem terram palustrem atque campestem, terram quae dicitur Balsemerlande et Marscinerlande, civitates et oppida multa valde, usque ad saltum Bojemicum possederunt Hollandri. Siquidem has terras Sxones olim inhabitasse feruntur, tempore scilicet Ottonum, ut videri potest in antiquis aggeribus, qui congesti fuerant super ripas Albiae in terra palustri Balsemerum, sed praevalentibus postmodum Slavis Saxones occisi, et terra a Slavis usque adnostra tempora possessa, и проч.

именно эпохѣ отнесъ и разливъ славянской стихіи на лѣвомъ берегу Эльбы, «въ землѣ Балзамской и Марскинской и до Богемскаго лѣса», какъ онъ выражается. Положеніе Балзамской земли намъ уже извѣстно: она составляла значительную часть Старой Марки. Подъ именемъ Марскинской или Маршинской земли Гельмольдъ, безъ сомнѣнія, разумѣлъ прилегающій къ Балзамской волости край *Mosidi*; оба эти названія одинаково значатъ «болотистая страна» ⁽¹⁾. Наконецъ, распространивъ славянскую стихію на лѣвомъ берегу Эльбы до «Богемскаго лѣса», т. е. до лѣсистыхъ горъ, ограничивающихъ Чехію, Гельмольдъ обозначилъ то, что славянская колонизація простиралась, сверхъ двухъ неизменнанныхъ волостей, и на южную часть Старой Марки и на всю Турингію: что совершенно вѣрно, по крайней мѣрѣ относительно всей ближайшей къ Эльбѣ и Салѣ полосы. Но какъ мы имѣемъ очевидныя свидѣтельства о существованіи въ этихъ мѣстахъ славянскихъ поселеній и въ эпоху саксонскихъ императоровъ, то мы должны, согласно доводамъ, представленнымъ нами выше, отодвинуть назадъ на столѣтіе эпоху образованія этихъ колоній и отнести ихъ не къ той славянской реакціи противъ Германіи, которая наступила послѣ смерти Оттона III, а къ той, гораздо значительнѣйшей реакціи славянской, какую мы видѣли при распаденіи державы Каролинговъ.—Весьма важны слова Гельмольда о томъ, какъ славянское населеніе вытѣснило Саксовъ съ побережья Эльбы; но опять-таки нельзя принять его свидѣтельства безъ оговорки: онъ вообразилъ, что побережье это (мы говоримъ, разумѣется, о лѣвой, западной сторонѣ Эльбы) получило сплошное, исключительное славянское населеніе, какое было на правомъ берегу, и что нужна была совершенно новая нѣмецкая колонизація, чтобы возстановить тамъ германскую народность. Этому противорѣчатъ всѣ, дошедшіе

(1) Первое отъ нѣмецкаго слова *Marsch* (англо-сакс. *merse*), второе отъ древне-нѣмецкаго *mos*, нын. *Moor*, оба въ значеніи «болото». Версее и въ слѣдъ за нимъ многіе нѣмецкіе комментаторы объясниа изъ корня *Marsch* гельмольдовское «*Marsch-land*», относить это имая небольшой болотистой мѣстности въ сѣверномъ углу древней Балзамской волости, между городами Вербеномъ и Ариесбургомъ, нынѣ называемой *die Fische*. Но намъ кажется невѣроятнымъ, чтобы Гельмольдъ могъ сопоставить съ Балзамскою землею такой маловажный и грешечный край, всегда къ ней принадлежавшій и который никогда не имѣлъ особеннаго значенія, такъ что ни въ какомъ памятникѣ нѣтъ объ немъ рѣчи, какъ объ отдѣльной волости.

до насъ документы, которые между X и XIII вѣкомъ постоянно свидѣтельствуютъ о совмѣстномъ существованіи тамъ славянскаго и нѣмецкаго населенія, при чемъ, впрочемъ, на сторонѣ перваго было большинство (какъ видно изъ того, что тамъ до сихъ поръ во многихъ мѣстностяхъ гораздо больше славянскихъ именъ деревень и селъ, чѣмъ нѣмецкихъ, хотя число первыхъ съ XIV вѣка донинѣ постоянно убывало, а послѣднихъ прибавлялось; а кромѣ того мы знаемъ, что въ Старой Маркѣ жители нѣкоторыхъ деревень, носившихъ нѣмецкія названія, были еще въ XIII вѣкѣ Славяне). При томъ же Славяне на лѣвомъ берегу Эльбы не только не имѣли никогда политической самостоятельности, но и нѣтъ даже никакого признака, чтобы они когда-либо пытались пріобрѣсти ее, а это произошло бы неминуемо, если бы они были тамъ сплошнымъ населеніемъ, а не колонистами, разселившимися среди чуждаго имъ туземнаго племени.

Наконецъ, чтобы покончить съ критическимъ разборомъ приведенныхъ нами словъ Гельмольда, мы замѣтимъ, что колонизація западнаго побережья Эльбы Голландцами и другими германскими пришельцами не была такъ значительна, какъ представлятъ ее себѣ нашъ лѣтписецъ и какъ она дѣйствительно была въ земляхъ Балтійскихъ Славянъ на правомъ берегу этой рѣки, въ странѣ чисто Славянской, гдѣ нужно было завоевателямъ создавать совершенно новое нѣмецкое населеніе ⁽¹⁾.

Но при всемъ томъ слова Гельмольда весьма важны для насъ, какъ свидѣтельство Нѣмца, жившаго въ XII столѣтіи, который не только подтверждаетъ все нами сказанное о славянской колонизаціи западнаго побережья Эльбы, но даже придаетъ ей такіе размѣры, что мы должны признать ихъ преувеличенными.

Если отстранить неточности и возстановить въ словахъ Гельмольда смыслъ, волюнѣ согласный съ историческою истиною, то мы прочитаемъ ихъ слѣдующимъ образомъ. . . . «Вся болотистая и полевая страна (на лѣвомъ берегу Эльбы), начиная отъ Зальцведела, страна, которая называется Balsemerlande и Marscinerlande (т. е. Mosidi),—а также Osterwalde, Nordthuringo, Suevego

⁽¹⁾ См. объ этой колонизаціи всѣ подробности въ книгѣ Verzeiĉel: über die Niederländischen Colonien welche im nördlichen Teutschlande im zwölften Jahrhunderte gestiftet worden, (2 тома) Hannover, 1815—1816.

и такъ далѣе, до границъ Богеміи, иѣкогда заселена была Саксами, а именно во время императоровъ Каролинговъ; . . . но со временемъ превозмогли Славяне, Саксы были ими отчасти истреблены, отчасти вытѣснены, и страна эта наполнилась славянскими поселеніями, которыя существовали тамъ до конца XII вѣка. А въ это время, когда Славяне были поражены и завоеваны на восточномъ берегу Эльбы, въ своей коренной землѣ, то и здѣсь славянскія поселенія стали мало-по-малу исчезать, сливаясь съ иѣмецкою стихіею».

Много разъ обращалъ на себя вниманіе тотъ фактъ, что иѣмецкое племя образовало значительныя государственныя тѣла только на завоеванной землѣ, и преимущественно на славянской: таковы Пруссія и Австрія, въ противоположность всѣмъ другимъ мелкимъ иѣмецкимъ владѣніямъ, на которыя раздроблены коренныя земли Германіи. Этотъ фактъ получить еще большее значеніе, когда мы свяжемъ съ нимъ результатъ предъидущаго нашего изслѣдованія (результатъ, который вознаградитъ насъ за всю утомительную мелочность данныхъ, подлежащихъ разсмотрѣнію), именно, что самое зерно, изъ котораго составилось съ теченіемъ времени Бранденбургское государство и потомъ Прусская монархія, — такъ называемая Старая Марка въ обширѣйшемъ ея значеніи, — не была, какъ обыкновенно полагаютъ, землею чисто-иѣмецкою, а болѣе чѣмъ на половину имѣла славянское населеніе. Здѣсь, въ средѣ, смѣшанной изъ Славянъ и Иѣмцевъ, образовалась та завоевательная и германизирующая сила, которой славянскимъ представителямъ въ древнее время былъ Альбрехтъ Медвѣдь и которая, покоривъ и обѣмечивъ значительную часть земли Балтійскихъ Славянъ, потомъ стала тяготѣть надъ самою Германіею и распространять въ ней свое владычество. Доказано уже другими изслѣдованіями, что и зерно Австрійскаго государства, Австрія въ тѣсномъ смыслѣ этого слова (такъ называвшаяся въ старину Восточная Марка), была тоже не вполне иѣмецкая земля, а имѣла весьма значительную долю славянскаго населенія еще въ то время, когда она также сильно служила интересамъ Германіи на юго-востоки, какъ «Старая Марка», колыбель Бранденбурговъ, на сѣверовостоки. Очевидно, что такая аналогія не есть дѣло случая, а что тутъ господствовалъ общій фیزیологическо-историческій законъ. Вдѣль-

ся въ обсужденіе его было бы не совмѣстнымъ съ предметомъ настоящаго сочиненія, и мы въ заключеніе только повторимъ добытый нами фактъ: Во время политическаго упадка Германіи при послѣднихъ Каролингахъ и до воцаренія саксонской династіи (т. е. между 875 и 919 годами) Балтійскіе Славяне переселились значительными колоніями на лѣвый берегъ Эльбы, отъ ея низовьевъ до Турингіи, гдѣ Полабскіе Сербы, съ своей стороны, образовали такіа же колоніи. Все западное побережье Эльбы въ X, XI и XII вѣкѣ представляетъ славянское населеніе, смѣшанное съ нѣмецкимъ и подвластное нѣмецкимъ правителямъ. Въ этой нѣмецко-славянской полосѣ на западномъ побережьи Эльбы находился и тотъ край, который сдѣлался извѣстнымъ подъ именемъ Старой Марки (Altmark) и изъ котораго развилось завоевательное государство Бранденбургское. Слѣды славянскаго населенія сохранились въ живой памяти народа донынѣ, какъ въ Старой Маркѣ, такъ и въ сопредѣльной съ нею части Ганноверскаго королевства.

А. ГИЛЬФЕРДИНГЪ.

